E 615

БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО
АЛЕКСАНДРОВСКАГО ЛИЦЕЯ.

КОМНАТА 5 | ШКАФЪ III
ПОЛКА 1 | № ИНВЕНТАРЯ 340.

110.964
4775

Aug. 84.

Ср 34956
37 (03)
Н0964 4775

СЛОВАРЬ

ФИЗИЧЕСКАГО и НРАВСТВЕННАГО ВОСПИТАНІЯ.

Составленный

Княземъ Парѳеніемъ Енгалычевымъ.

Rois, magistrats, législateurs suprêmes,
Princes, guerriers, simples citoyens mèmes,
Dans ce sincère et fidèle miroir
Peuvent apprendre et lire leur devoir.

J. B. Rousseau.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Проверено 1986 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Александра Смирдина.
1827.

Фундаментальный
Научной
библиотеки
Ур. Г.У.
Фонд

09 : 37(P)(03)

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Главный Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для доставленія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній.

Санктпетербургъ, 5 Генваря 1827 года.

Цензоръ Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Іродіонъ Вѣтринскій.

Уральский Индустриальн. Ин-тут
им. С. М. Кирова
Библиотека

Пр. 1940

ПОСВЯЩАЮ

ДѢТЯМЪ МОИМЪ.

Изложенные здѣсь уроки нравственности да будутъ для васъ путеводителями въ сей жизни, дабы вы могли содѣлаться достойными сынами любезнаго нашего отечества.

СЛОВАРЬ

ФИЗИЧЕСКАГО и НРАВСТВЕННАГО

ВОСПИТАНІЯ.

АЛЧНОСТЬ КЪ БОГАТСТВУ.

Алчность хочетъ захватить болѣе, нежели сколько пожрать можетъ. Есть люди, которые не знаютъ предѣловъ своимъ желаніямъ. Они переходятъ отъ однихъ требованій къ другимъ, и чѣмъ болѣе умножаются ихъ пріобрѣтенія, тѣмъ большихъ они жаждутъ. Таковое состояніе ихъ можетъ почесться великимъ наказаніемъ Божіимъ. Алчный человѣкъ окруженъ заботами, досадами; ему не извѣстна сладость спокойствія: новыя желанія приносятъ въ сердце его новое томленіе, а неудачи повергаютъ его иногда въ отчаяніе. Должно стараться умѣрять свои желанія и довольствоваться немногимъ; тогда малое имущество наше доставитъ намъ великое наслажденіе. Привыкши желать новыхъ благъ, мы можемъ дойти до ослѣпленія — желать

ихъ съ обидою ближнему. Можемъ ли мы быть истинно счастливыми, когда счастіе наше будетъ основано на бѣдствіи многихъ собратій нашихъ?

Всѣ почти люди поступаютъ болѣе или менѣе по видамъ корыстолюбія, которое образованные умѣютъ только скрывать.

Всегдашняя алчность къ пріобрѣтенію и наслажденію раждаетъ подлыя страсти, заставляетъ насъ ползать и унижаться, для полученія того, что мы считаемъ необходимымъ для своего существованія; напротивъ того, умѣренность и воздержность суть источники всѣхъ добродѣтелей и истинной свободы.

Примѣръ.

Нѣкоторый старый богатый дворянинъ, по неотступнымъ просьбамъ двухъ дочерей своихъ, раздѣлилъ между ними все имѣніе свое, за что онѣ обѣщались по самую смерть его имѣть объ немъ наилучшее попеченіе. Не прошло и одного года послѣ сего, какъ неблагодарныя дочери начали обходиться съ своимъ преспарѣлымъ отцемъ грубо и почасту причиняли ему великія неудовольствія. Старикъ раскаялся, но поздно, что раздѣлилъ все имѣніе свое между недостойными дѣтьми и что самъ остал-

ся безъ ничего. Онъ прибѣгнулъ къ хипрости, которая и имѣла желанный успѣхъ: старый отецъ началъ таскать въ свою комнату разные черепки, камни и битыя стекла. Однажды, въ вечеру открылъ онъ изрядный сундукъ, и нарочно началъ стучать деньгами, которыхъ у него было немного, и уронилъ нѣсколько пфенинговъ на полъ. Дочери его, слышавшія весь сей шумъ, спросили его на другой день: что дѣлалъ онъ вчера въ вечеру? — „*Милыя дѣти!*“ отвѣчалъ старичекъ: „*я считалъ свои деньги, хранящіяся вотъ въ этомъ сундукѣ, который по смерти моей долженъ достаться изъ васъ той, которая будетъ за мною лучше ходить.*“ Отнынѣ дочери всегда прилагали о своемъ престарѣломъ отцѣ всевозможное попеченіе, и такъ старались о его спокойствіи, какъ будто бъ онѣ были примѣрныя дѣти. Послѣ смерти отца, дочери немедленно распечатали и отперли большой тяжелый сундукъ: но — вмѣсто денегъ, нашли въ немъ множество простыхъ камней, разныхъ черепковъ и битыхъ стеколъ; а вмѣсто завѣщанія — записку слѣдующаго содержанія: „*Неблагодарныя дочери! вы дѣлали изъ алчности къ богатству то, что бы должны были дѣлать изъ дѣтской любви, благодарности и почтенія. Стыдитесь самихъ себя! — Дай Богъ, чтобы ваши дѣти, если они бу-*

дутъ, были къ вамъ почтительнѣе, нежели вы ко мнѣ!“

БЕЗБОЖІЕ.

Тварь, не хотящая признавать Творца своего, есть скотина въ образѣ человѣческомъ; потому что она отвергаетъ бытіе Бога, котораго всякое умное существо признаетъ. *Плутархъ* сказалъ: „Лучше жить безъ солнца, нежели безъ Бога и закона.“ — Хотѣлъ бы я, чтобъ безбожникъ исполковалъ мнѣ: почему душа въ разныхъ приключеніяхъ стремится къ Существу вышнему, и откуда раждаются въ насъ мысли благодарности за какое-нибудь непредвидимое благополучіе? Что судитъ онъ объ ощущеніи любви и восторга, коими мы восхищаемся, когда разсматриваемъ совершенства Божественныя? и что можетъ онъ противопоставить единодушію всего рода человѣческаго, касательно важнаго дѣла о поклоненіи Существу вышнему? — *Цицеронъ* говорилъ: „Нѣтъ такого дикаго народа, который бы не зналъ, что должно имѣть Бога, — хотя и не знаетъ, какого ему имѣть прилично.“

Не ожидать отъ Бога ни муки, ни награды, значитъ — быть явнымъ безбожникомъ.

Положимъ, что вся Европа отвергла бы вѣрованіе въ Бога и наполнилась атеистами: я согласенъ въ томъ, что могутъ найтися многіе граждане, которые, будучи отъ природы кротки, спокойны, исполнены чести и внимательны въ своемъ поведеніи, а притомъ и столь достаточны, чтобъ небыть несправедливыми, могутъ жить спокойно вмѣстѣ, могутъ упражняться въ свободныхъ Наукахъ, смягчающихъ нравы; могутъ наслаждаться миромъ среди невинныхъ и приличныхъ честнымъ людямъ забавъ;—но атеистъ, убогій и дерзкій, который не чаетъ себѣ по смерти возмездія, былъ бы слишкомъ глупъ, если бы не зарѣзалъ васъ для похищенія вашихъ денегъ. Въ такомъ случаѣ весь союзъ общества былъ бы нарушенъ, пороки наводнили бъ землю, подобно саранчѣ, опустошающей поля; простой народъ составилъ бы шайку разбойниковъ и хищниковъ, которые провождали бъ пагубную жизнь въ пьянствѣ и неистовствѣ, бились бы ежечасно, дрались,—потомъ наутро простирали бы опять кровавыя и жадныя свои руки на грабежъ и убійства, и такимъ образомъ каждый день производили кругъ своихъ неистовствъ. Чтобы остановило тогда владыкъ земныхъ богоотступныхъ, готовыхъ жертвовать всѣмъ мщенію и тщеславію своему?

И такъ вѣрованіе въ Бога, награждающаго добрыя дѣла, мстящаго за беззаконія и прощающаго малыя прегрѣшенія, весьма благодѣтельно для рода человѣческаго. Сіе одно можетъ послужить обузданіемъ сильныхъ, совершающихъ невозбранно явныя преступленія, и коварныхъ, могущихъ таить свои злодѣянія.

Бонапарте въ счастіи былъ безбожникомъ, говорилъ только о судьбѣ; въ несчастіи жъ вѣрилъ Провидѣнію. Бывъ Первымъ Консуломъ, велѣлъ онъ внести имя свое въ Словарь безбожниковъ, сочиненный Астрономомъ Лаландомъ.

Извѣстно, до какихъ злодѣяній доводитъ безбожіе, соединенное вмѣстѣ съ невѣжествомъ. Европа съ прискорбіемъ видѣла, въ осмнадцатомъ вѣкѣ, какъ безбожіе у Французовъ обращено было въ правило отъ называвшихъ себя представителями народа; они отреклись отъ имяни истиннаго Бога; они грабили церкви и превратили ихъ въ языческія капища. Обуявшіе умы Французовъ не только пренебрегли Религію Христіанскую, но и, по подобію древнихъ язычниковъ, воздвигнули на нее гоненіе. Фанатизмъ суевѣрія никогда, ни въ одномъ столѣтіи, не пролилъ столько потоковъ крови, какъ Французскій фанатизмъ безбожія. Грубое невѣжество древнѣйшихъ

временъ никогда не было столь звѣрско и кровожадно, какъ лжеумствованіе просвѣщеннаго вѣка.

Къ несчастію для свѣта, сіи Французскія политическія мечты во многихъ головахъ произвели круженіе, которое у испорченныхъ самолюбцевъ, пылкихъ и легкихъ умовъ и у обманутыхъ послѣдователей ихъ не такъ легко могло пройти. Опъ сего у Французовъ разливалась *зараза дерзости*, которую истребилъ одинъ только мечъ ихъ противниковъ.

Ужасная мысль о самоубійствѣ легко можетъ родиться въ душѣ несчастнаго, который не имѣетъ Религіи и не вѣритъ продолженію жизни за гробомъ. Одна только Религія показываетъ намъ нѣчто бо́льшее, нежели презрѣніе смерти: она научаетъ насъ переносить бѣдствія земной жизни!

БЕЗДѢЛЬНИЧЕСТВО.

Тотъ, который хотя одинъ разъ оказалъ себя плутомъ, заслуживаетъ того, чтобъ ему не вѣрили и тогда, когда бы онъ сказалъ правду.

БЕЗКОРЫСТІЕ.

Вотъ разговоръ Эпирскаго Царя, Пирра, съ Посланникомъ Римскимъ, *Фабриціемъ*.

Пиррѣ. „Слыша о твоихъ, Фабриціи, великихъ качествахъ, я крайне желаю имѣть тебя другомъ своимъ. Мнѣ извѣстно, что ты славный полководецъ, что справедливость и умѣренность составляютъ твой характеръ, что ты во всѣхъ добродѣтеляхъ совершенный; но знаю и то, что ты, при всемъ внутреннемъ достоинствѣ, терпишь недостатокъ въ имуществѣ, и счастіе, какъ бы устранясь, повергло тебя въ состояніе бѣднѣйшихъ Сенаторовъ; а посему, къ замѣненію такого недостатка, я готовъ доставить тебѣ столько золота и серебра, сколько нужно къ превышенію самыхъ богатѣйшихъ Римскихъ гражданъ. Не думай, чтобъ я чрезъ сіе хотѣлъ оказать тебѣ милость; я самъ надѣюсь получить ее отъ тебя, коль скоро ты благоволишь принять предлагаемое мною. „Я увѣренъ, что Государь тогда токмо честно и благоразумно расточаетъ свое богатство, когда оно служитъ наградою великихъ людей, скудостью имущества своего несоотвѣтствующихъ внутреннимъ своимъ достоинствамъ.“ Впрочемъ, въ благодарность за сіе одолженіе, я не требую отъ тебя никакихъ неправедныхъ услугъ, могущихъ тебя обезчестить; напротивъ, требуемое мною можетъ доставить тебѣ честь и возвысить тебя въ отечествѣ. Во-первыхъ, прошу тебя: помоги

мнѣ, по возможности, преклонить Сенатъ къ шѣмъ намѣреніямъ, въ коихъ я нахожу правду и основательность: представь ему, что я далъ слово вспомоществовать Тарентинцамъ и другимъ Грекамъ, живущимъ на семъ берегѣ Италіи, и что я, имѣя сильную армію, ужѐ одержавшую одну побѣду, не могу безъ нарушенія чести оставить ихъ; между тѣмъ, какъ съ одной стороны предлежатъ мнѣ такія дѣла, которыя невольно призываютъ меня въ мои владѣнія и болѣе побуждаютъ меня желать мира; съ другой стороны — я все еще весьма не желаю пребыть въ настоящемъ видѣ и имѣть своимъ непріятелемъ тотъ народъ, который достоинъ искренней любви и уваженія; ежели онъ изъ недруга превратится въ друга, то во мнѣ найдетъ вѣрнаго для себя союзника; если жъ Царское мое званіе дѣлаетъ меня подозрительнымъ предъ Сенатомъ, поелику многіе изъ Царей не усомнились нарушать явно вѣрность договоровъ и союзовъ, — то будь ты самъ за меня поручителемъ, сойдись со мною, подавай мнѣ совѣты во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ и даже предводительствуй всѣми военными силами моими. Я имѣю нужду въ человѣкѣ добродѣтельномъ, а ты въ Государѣ, который бы щедротой своею могъ привести тебя въ наилучшее состояніе и взаимно могъ бы

имѣнiя въ благодѣтельной твоей приверженности великое для себя пособiе. И такъ, да не опречемся помогать другъ другу и подавать взаимныя услуги.“

Фабрицiй. „Такъ какъ вы уже извѣстны о моихъ качествахъ и о служенiи моемъ при общенародныхъ дѣлахъ, то безполезно болѣе о семъ вамъ доносить; что-жъ касается до моей бѣдности, вижу, что вы и о ней довольно знаете: и потому также не нахожу нужнымъ объявить, что нѣтъ у меня ни денегъ, даваемыхъ въ лихву, ни рабовъ, доставляющихъ прибытки, и все мое имѣнiе состоитъ въ домѣ незавидномъ, и особенно въ небольшой нивѣ, дающей мнѣ пропитанiе. Но поелику вы думаете, что скудость содѣлываетъ состоянiе мое ниже состоянiя всякаго другаго Римлянина, и что, отправляя должность честнаго гражданина, я въ меньшемъ нахожусь почтенiи, нежели бъ сколько имѣлъ онаго, бывъ въ числѣ богачей; то позвольте сказать вамъ, что мысль ваша, происшедшая или отъ собственнаго вашего разума, или отъ внушенiя другихъ, несправедлива и обманчива. Я, не стараясь о стяжанiи богатства, совсѣмъ не думаю, чтобъ убожество служило мнѣ какою-нибудь препоною, какъ въ отправленiи должностей общественныхъ, такъ и въ провожденiи частной моей жизни. Отечество

мое никогда не отчуждало меня, за бѣдность, отъ тѣхъ славныхъ почестей, кои возражданютъ благородное рвеніе во всѣхъ великихъ душахъ; я возведенъ на высокія степени достоинствъ; меня всегда назначаютъ главою знаменитыхъ посольствъ; мнѣ поручаются свящѣйшія отправленія въ богослуженіи; и когда надобно совѣщаться о важнѣйшихъ дѣлахъ, то я и въ сіе время имѣю свое мѣсто въ совѣтѣ и подаю тамъ въ очередь свое мнѣніе; такимъ образомъ, наравнѣ почитаемый съ богатѣйшими и вельможами, я не иную нахожу причину къ роптанію, какъ развѣ только ту, что меня излишно похваляютъ и уважаютъ. Впрочемъ, хотя и отправляю въ отечествѣ своемъ многія службы, но ничего къ исполненію ихъ изъ своего имущества не трачу. Римъ, возводя своихъ гражданъ на степени градоначалія, не приводитъ ихъ чрезъ сіе въ разорительный убытокъ; подавая всѣ потребныя пособія чиновникамъ, онъ щедро и прилично ихъ снабжаетъ; ибо у насъ не такъ текутъ дѣла, какъ въ другихъ земляхъ, гдѣ общество бѣдно, а простые люди роскошны и безмѣрно богаты; напротивъ, мы всѣ богаты, коль скоро Республика изобильна: поелику избытокъ ея есть общій каждаго изъ насъ достатокъ; производя въ чины равно богатаго и убогаго, по мѣрѣ за-

слугъ и достоинствъ, она тѣмъ самымъ равняетъ граждан между собою и не признаетъ въ нихъ инаго различія, какъ состоящаго во внутреннемъ достоинствѣ и добродѣтели. Что-жъ касается до собственныхъ моихъ дѣлъ, я не только не ропщу на свою участь, но еще, примѣняя себя къ богатымъ, почитаю себя благополучнѣе многихъ, и чувствую въ семъ состояніи нѣкоторый родъ самодовольства и величія. Нива моя, при всей своей скудости, приноситъ и будетъ приносить все для меня нужное, только бъ я съ своей стороны старался о воздѣлываніи и сохраненіи плодовъ ея. И такъ, чего болѣе ожидать и желать мнѣ, когда всякая пища, приправленная позывомъ, для меня вкусна, и всякое, при чувствованіи жажды, питье для меня сладостно? Упружденный, получаю пріятнѣйшее облегченіе во время сна; довольствуюсь одеждою, служащею мнѣ противъ жестокостей холода, и между всѣми одѣяніями пріятнѣйшимъ наиболѣе почитаю то, которое, при грубости своей, больше можетъ охранять меня отъ стужи. Я бы вовсе былъ несмыслень и неблагодаренъ, когда бы при такихъ благодѣяніяхъ обвинялъ фортуну; она, по моему жъ чувству, лишивъ меня всего излишняго, сообщаетъ мнѣ все, чего только требуетъ моя природа; и я, чрезъ то освобожден-

ный отъ большихъ заботъ и нуждъ, великое въ семъ нахожу для себя богатство. По сему самому имѣю ли я право на что-нибудь жаловаться? Правда, не имѣя излишества, я не въ состояніи помогать нуждающимся, и въ семъ отношеніи могу завидовать богачамъ. Но когда я, при маломъ моемъ стяжаніи, дѣлюсь съ Республикой и пріятелями, когда гражданамъ оказываю всевозможныя услуги и когда наконецъ дѣлаю все то, что съ силами моими согласно,—то въ чемъ же могу укорить себя? Мысль къ обогащенію никогда меня не занимала. Съ давняго времени опредѣленный къ дѣламъ общенароднымъ, я много имѣлъ случаевъ къ собранію денегъ безъ всякихъ упрековъ и внутреннихъ укоризнъ. Никто, думаю, не пожелалъ бы лучшаго случая, за нѣсколько лѣтъ прежде сего со мною повстрѣчавшагося къ обогащенію добычею: будучи Консуломъ, я, сдѣланный вождемъ многочисленнаго воинства и посланный противъ Самнитянъ, Луканійцевъ и Брузіянцевъ, разгромилъ великое пространство земли, побѣдилъ непріятелей во многихъ битвахъ, взявъ силою множество богатыхъ городовъ, обогатилъ отнятою добычею всю армію, вознаградилъ за убытки, понесенные гражданами во время войны, и, по принятіи торжественной почести, положилъ еще четыре-ста

талантовъ въ общественную казну: пренебрегши столь великія корысти, изъ коихъ могъ я взять то, что хотѣлъ; презрѣвъ толь праведно приобрѣтенное богатство; принесши, по примѣру *Валерія Публиколы* и многихъ другихъ, (великодушнымъ своимъ безкорыстіемъ вознесшихъ могущество Рима,) все отнятое у непріятеля — въ жертву незабвенной славѣ, могу ли безъ стыда принять предлагаемое вами золото и серебро? да и какъ о мнѣ будутъ думать? какой чрезъ это подамъ примѣръ своимъ согражданамъ? съ какимъ видомъ, возвратясь въ Римъ, перенесу ихъ укоризненые взоры, а паче ихъ поношеніе? Притомъ, Цензоры наши, сіи блюстители благочинія, не принудятъ ли меня дать предъ всѣмъ народомъ отчетъ въ полученіи тѣхъ даровъ, кои вы мнѣ предлагаете и за кои требуете отъ меня возмездія? Нѣтъ, я долженъ сохранить убожество свое и славу; а вы, Государь, соблюсти свое богатство у себя!“

Жизнь *Фабриція* представляетъ намъ множество подвиговъ безкорыстія и великодушія. Когда онъ былъ отправленъ посломъ къ *Пирру*, сей Царь очень желалъ заключить миръ, и узнавъ, что *Фабрицій* хотя былъ одинъ изъ знатнѣйшихъ особъ въ Ри-

мѣ, однакожъ былъ бѣденъ, — полагалъ очень легкимъ средствомъ привлечь его къ себѣ корыстію: отводитъ его въ сторону, даетъ ему золото и серебро, какъ дары дружбы и гостепріимства; но *Фабрицій* совершенно отъ нихъ отказался! — *Пиррѣ*, хотѣвъ испытать его мужество, приказалъ, когда онъ будетъ разговаривать съ *Фабриціемъ*, то, чтобъ поставили подъ завѣсой большаго слона. *Фабрицій* никогда еще не видывалъ сихъ звѣрей. По данному знаку вдругъ завѣса поднялась, и явился слонъ, который — наполнивъ всю комнату своимъ ревомъ, поднялъ хоботъ на *Фабриціеву* голову; сей послѣдній, ни мало не смутясь, обратился къ *Пирру* и улыбаясь сказалъ ему: „Вашъ слонъ сегодня столь мало меня смутилъ, какъ вчера ваше золото!“ — Будучи за столомъ съ симъ Царемъ, онъ внималъ разговорамъ, коихъ предметомъ было *Эпикурово* ученіе, которое научаетъ, что верховное благо человѣка состоитъ въ удовольствіяхъ, и чтобъ не заниматься никакими дѣлами, и которое также полагаетъ, что боги не вмѣшиваются въ то, что происходитъ на землѣ: „О, высочайшія божества!“ воскликнулъ *Фабрицій*: сдѣлайте, чтобы Царь *Пиррѣ* и Самнитяне вѣрили сему ученію до тѣхъ поръ, пока будутъ съ нами находиться въ войнѣ!“

Пиррѣ, удивленный его мудростью и добродѣтелью, желалъ еще болѣе заключить миръ съ такою Республикою, которая производила на свѣтъ сполъ великихъ мужей: онъ его убѣдительно просилъ, что когда миръ будетъ заключенъ, то чтобъ онъ пріѣхалъ къ нему занять первое мѣсто въ его дѣлахъ и дружбѣ. „Ваше Величество, отвѣчалъ ему Римскій полководецъ, вы славный завоеватель; однако жъ народъ вашъ стонетъ въ бѣдности, подати обременяютъ его: я бы его облегчилъ; онъ боится лишиться своихъ владѣній: я бы его обезпечилъ. Онъ васъ теперь уважаетъ, но скоро возлюбилъ бы меня; теперь я вашъ любимецъ, а завтра буду вашимъ начальникомъ.“

Мода — быть безкорыстнымъ, никогда не придетъ. *(Фонтенель)*

БЕЗОБРАЗІЕ.

Если безобразіе не слишкомъ поразительно, то оно можетъ быть заглажено нравственными средствами. Вотъ въ чемъ состоитъ тайна всѣхъ непригожихъ женщинъ, умѣющихъ при всемъ томъ нравиться: недостатокъ прелестей онѣ стараются замѣнить пріятностію, талантами, добродѣтелями. Вы признаетесь въ ихъ тѣлесныхъ недостаткахъ, но забываете, смотря

на занимательное обхожденіе. Скромные таланты, всегда одинаковая веселость, очаровательная угодливость, безпритворное добродушіе дѣлаютъ ихъ драгоцѣнными для каждаго благомыслящаго мужчины. Благоразумная непригожая женщина охотно отдаетъ справедливость прелестямъ другихъ, ибо сердце ея превыше всякой зависти. Еще довольно есть благородномыслящихъ мужчинъ, умѣющихъ цѣнить такія преимущества. Чувственность можетъ ихъ привязать на минуту къ пригожимъ; но разсудокъ скоро опять обратитъ ихъ къ достойнѣйшимъ. Пусть глупые повѣсы и старые младенцы обходятъ васъ и осмѣиваютъ; они не заслуживаютъ вашего вниманія; потеря и обладаніе ими равно презрительны. Благоразумный мужчина избираетъ разсудкомъ, а не глазами; онъ хочетъ имѣть подругу, а не куклу; *красота* старѣетъ, *любезность* — никогда. Что дѣлаетъ супружество счастливымъ? Не прелести, но добродѣтели женщинъ. Чувственность утомляется, уваженіе остается навсегда. Прекрасная женщина — *на минуту,* добрая — *на всю жизнь.*

БЕЗПЕЧНОСТЬ, БЕЗЗАБОТНОСТЬ.

Безпечный, *лѣнтяй* — человѣкъ, коего главная забота — не имѣть никакой.

Научной библиотеки 2 Ур. Г. У.
Уральск. индустриальн. Ин-тут им. Кирова

БЕЗПОЛЕЗНОСТЬ РОПТАНІЙ.

Роптанія суть исчадія печали, которыя, кажется, облегчаютъ сердце, однако жъ не приносятъ намъ ни малой отрады. Не знаю, не опъ нечувствительности ли нашего вѣка происходитъ то, что всѣмъ наскучило слышать жалобы другихъ? Не помню, чтобъ я когда-либо, въ мой вѣкъ, проводя цѣлый день съ человѣкомъ, не слыхалъ опъ него ропота! Иной жалуется на свое убожество, другой на какую-либо немощь; одинъ — что онъ очень престарѣлъ; другой, что не достигъ совершеннаго возраста; иной на суровость своей любовницы, другой на злость жены своей; иной тужитъ, что много у него дѣтей; другой, что совсѣмъ ихъ не имѣетъ; иной жалуется на гоненіе непріятелей, другой на невѣрность друзей своихъ; одинъ соболѣзнуетъ, что лишился родителей,—другой—что его родители долговѣчны. Но какая польза жаловаться на приключенія неизбѣжныя? Сожалѣніе, возбужденное въ другихъ, подастъ ли утѣшеніе, соразмѣрное внутреннему терзанію, какое чувствуютъ, разсказывая свои бѣдствія?

Эпиктетъ говоритъ: Богъ тебѣ далъ оружіе, дабы сопротивляться всѣмъ бѣдственнымъ приключеніямъ въ жизни: Онъ далъ

тебѣ великодушіе, силу, терпѣніе, постоянство и твердость. Употреби же оныя. Но если жалуешься, то признайся, что ты оставилъ оружіе, коимъ Богъ тебя подкрѣпилъ. Когда ты бываешь одинъ — говоришь, что ты въ пустынѣ; когда ты въ большой компаніи, — говоришь, что ты находишься между разбойниками, лихоимцами и обманщиками. Ты жалуешься на своихъ родственниковъ, на твою жену, на своихъ дѣтей, на твоихъ друзей, на твоихъ гостей. Ахъ! если бъ ты былъ благоразумнѣе, когда бываешь одинъ, ты бы сказалъ, что ты въ покоѣ, въ полной волѣ, что бесѣдуешь и наслаждаешься собою; а когда ты въ компаніи, вмѣсто того, чтобъ тебѣ печалиться и называть это суетами и хлопотами, сумятицею, — ты бы назвалъ оную празднествомъ, или общественными играми, и ты бы всегда могъ быть довольнымъ.

БЕЗПРИСТРАСТІЕ.

Марія Терезія, Императрица Австрійская, совѣтовалась однажды съ своимъ Государственнымъ Министромъ, *Кауницомъ*, о томъ, кому препоручить военный Департаментъ. Онъ ей предложилъ объ одномъ Генералѣ, къ которому былъ не расположенъ. Генералъ сей былъ опредѣленъ: но онъ узнаетъ,

что обязанъ своимъ возвышенiемъ первому Министру; и потому старается съ нимъ сблизиться. „Нѣтъ, сказалъ *Кауницъ*, я говорилъ безпристрастно о его достоинствахъ; я поступилъ повинуясь гласу моей совѣсти; но, имѣя полную волю въ моихъ собственныхъ благосклонностяхъ, я точно съ такимъ же нерасположенiемъ къ нему быть желаю, какъ и до его возвышенiя.“

БЕЗСМЕРТIЕ ДУШИ.

Увѣренность въ безсмертiи души есть единственное средство, могущее содѣлать сiю жизнь драгоцѣнною и всѣ тягости ея легкими и сносными.

Смертный! если хочешь научиться вѣрить безсмертiю души, вступи со мною въ храмъ вселенныя; наблюдай Природу, тебя окружающую: да услышишь гласъ мудрости предвѣчныя: ты, насладившись оною, признаешь себя безсмертнымъ.

Природа, будучи всегда измѣняющимся произведенiемъ существа неподвижнаго, не что иное, какъ вмѣстилище перемѣнъ, въ которомъ все превращается безпрестанно и ни что не гибнетъ. Ночь слѣдуетъ за погасшимъ днемъ, день возраждается изъ мраковъ ночи; — звѣзды восходятъ и заходятъ для того, чтобы взойти опять; —

земля слѣдуетъ небесамъ и повинуется тому же закону. Воззри на блестящее лѣто: лучезарное чело его блистаетъ; оно шествуетъ по свѣжей зелени нашихъ долинъ, и горячею своей стопою разбрасываетъ тѣ цвѣты, прелестные, свѣжіе, коихъ благоуханіемъ наполняется воздухъ. Мало по-малу румянецъ ланитъ его блекнетъ и увядаетъ, и чело его представляетъ уже только видъ блѣднѣющей осени. И осень наконецъ старѣется и даетъ мѣсто дряхлой зимѣ съ власами убѣленными отъ морозовъ: она грядетъ, возсѣвъ на бури и увѣнчавшись льдами, изгнатъ издыхающую осень и лишитъ нечувствительнымъ образомъ землю златыхъ плодовъ ея. Напослѣдокъ, суровая смягчается; пріятная весна возникаетъ, ей предшествуютъ зефиры, веселая улыбка ея оживляетъ всю Природу. Но, заключивъ кругъ года, весна вызываетъ опять лѣто изъ знойныхъ чертоговъ Полудня. Все увядаетъ, чтобы разцвѣсти опять: всѣ точки машины обращаются непрестанно. Каждый видъ вещества теряется и входитъ въ новый видъ. Повсюду жизнь, возникая изъ смерти, обращается въ великомъ цѣломъ, и всегда равною мѣрою наполняетъ массу вселенныя. Нѣтъ ни одного атома, котораго бы погибъ; нѣтъ ни одного существа, въ созданіи котораго раскаялся бы

Вседержитель и испребленіемъ коего подвергся бы укоризнѣ въ непостоянности.

Вотъ блестящій признакъ безсмертія человѣка: онъ преходитъ, но не гибнетъ. — Между природой и душею есть одно то различіе, что природа обращаетси въ кругу безконечныхъ перемѣнъ, а душа восходитъ непрестанно, подобно пламени, безконечною чертою. Да и кто можетъ думать, что бы вещество было безсмертно, а душа могла погибнуть? Благороднѣйшее изъ всѣхъ созданій можетъ ли быть унижено болѣе всѣхъ? — Не уже ли человѣкъ, для котораго все возраждается, одинъ только умретъ, дабы не воскреснуть никогда? Не уже ли онъ злополучнѣе зерна, коимъ онъ питается, и не уже ли жестокая судьба осудила одного его къ испребленію, его, который одинъ только знаетъ и чувствуетъ блаженство существованія и ужасъ ничтожности?

Если все должно кончиться съ нами, когда человѣкъ не долженъ ожидать ничего послѣ сей жизни, и когда бъ здѣсь была наша отчизна, наша порода или происхожденіе, и единое благоденствіе, которое мы можемъ себѣ обѣщать, то для чего жъ мы здѣсь не счастливы? Если мы родимся только для чувственныхъ удовольствій, то для

чего жъ они не могутъ насъ удовлетворить и всегда оставляютъ въ глубинѣ нашего сердца скуку и прискорбіе? Когда человѣкъ ничего не имѣетъ превосходнаго передъ скотомъ, то для чего жъ онъ не провождаетъ свои дни какъ животное или звѣрь, безъ заботъ и хлопотъ, безъ безпокойствъ, безъ досадъ, безъ смущенія, безъ печали, въ блаженствахъ чувственныхъ и тѣлесныхъ? Если человѣкъ не имѣетъ другаго счастія ожидать или надѣяться, кромѣ временнаго, то почему жъ онъ его нигдѣ на землѣ не находитъ? Отъ чего происходитъ, что богатства его безпокоятъ; что почести и чины упруждаютъ его; что увеселенія и роскошь его утомляютъ и наскучиваютъ ему; что Науки приводятъ его въ тупикъ или въ недоумѣніе, и тогмо возбуждаютъ его любопытство, вмѣсто того, чтобъ его удовлетворять; что почтеніе, хвала, слава тяготятъ его и безпокоятъ; что все сіе вмѣстѣ не можетъ наполнить неизмѣримости его сердца и оставляетъ ему еще чего-нибудь желать? Всѣ другія существа, будучи довольны своею судьбой, кажутся счастливыми въ томъ состояніи, въ которомъ Творецъ Природы помѣстилъ ихъ: звѣзды, свѣтила, спокойныя въ тверди небесной, не оставляютъ своего пребыванія, чтобъ идти освѣщать другую зем-

лю; земля, устроенная въ своихъ движеніяхъ, не стремится вверьхъ, чтобъ взять ихъ мѣсто; звѣри пресмыкаются на открытомъ пространствѣ земли, не завидуя судьбѣ человѣка, который живетъ въ великолѣпныхъ зданіяхъ; птицы веселятся въ воздухѣ, не думая, есть ли твари счастливѣе ихъ на землѣ? все счастливо; все, такъ сказать, на своемъ мѣстѣ въ натурѣ: одинъ человѣкъ безпокоенъ и недоволенъ; одинъ онъ порабощенъ своимъ желаніямъ, допускаетъ себя терзаться отъ страха, находитъ безпокойство и скуку въ своемъ упованіи, дѣлается печальнымъ и несчастнымъ среди своихъ увеселеній и роскоши: одинъ человѣкъ не находитъ здѣсь, на землѣ, ничего такого, чтобъ могло утвердить или укрѣпить его сердце.

Отъ чего жъ это происходитъ? о человѣкъ! Не отъ того ли, что ты созданъ для Неба; что твое сердце гораздо болѣе всего міра; что земля не есть твоя отчизна, и что все то, что не есть Богъ, есть ничто для тебя? Отвѣчай, если можешь, или лучше, спроси твое сердце, и ты будешь въ семъ увѣренъ.

Душа наша, безъ всякаго сомнѣнія, одарена безсмертіемъ, которымъ благоволилъ милосердый Творецъ отличить насъ отъ всѣхъ прочихъ животныхъ безсловесныхъ.

Ежели бы кто дерзнулъ оспаривать сіе, мы оставили бъ его въ общемъ скотамъ состояніи. Мы не такъ живемъ, чтобъ съ жизнію сею кончилось бытіе наше. Таковое мнѣніе было бъ и для добродѣтельнаго страшно, и для порочнаго вредно: ибо добродѣтельный увеселяетъ себя тѣмъ, что плодъ благости его безсмертенъ, и никогда онымъ наслаждаться не престанетъ; а порочный долженъ бы впасть во всякое своевольство, когда бъ не думалъ никогда ни кому дать отчета въ дѣлахъ совѣсти своей. Слѣдовательно сіе бы причинило ему несчастіе не въ будущей токмо жизни, но и въ настоящей.

Но, кромѣ сего, ежели бъ допустить, чему впрочемъ невозможно быть, что по смерти ни для кого никакой не будетъ справедливости: то погибнутъ всѣ законы, разрушатся всѣ общества, погаснетъ сила совѣсти, презрѣнна будетъ добродѣтель, и возвысятъ главу свою порокъ и злодѣйство; уничтожится святая вѣра: ѣшь, пей, веселися, а когда не имѣешь чѣмъ жить, грабь, похищай, нарушай совѣсть; послѣ смерти ничего не будетъ! И такъ вы, симъ пагубнымъ мнѣніемъ зараженные люди, хотите, чтобъ благочестивые Государи ослабли въ своихъ святѣйшихъ подвигахъ; судіи не ободряли бы себя надеждою небеснаго за труды

свои воздаянія; воины, вѣру и отечество кровью своею защищающіе, не ожидали бы вѣнцевъ неувядаемой славы; пастыри церковные въ своихъ трудахъ и скорбяхъ не взирали бы къ ненарушаемому покою, — хотите, чтобъ весь свѣтъ въ нѣкоторой первобытный превратился хаосъ!

Безъ надежды на счастливую вѣчность, смерть должна бы быть почитаема наивеличайшимъ изъ всѣхъ несчастій.

Добродѣтель, гонимая въ сей несчастной жизни, возвѣщаетъ моему разсудку вѣчную жизнь: — для одного несчастія добродѣтель не рождена, — Небо предоставило для нея другую жизнь.

La vertu malheureuse, en ces jours criminels,
Annonce à ma raison les siècles eternels:
Pour la seule douleur la vertu n'est pas née,
Le ciel a fait pour elle une autre destinée.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ. — *Чит.*: ЭКОНОМІЯ.

БЕСѢДА, РАЗГОВОРЪ.

Умъ въ разговорѣ состоитъ гораздо менѣе въ томъ, чтобъ его много показывать, нежели чтобъ другимъ доставлять случай

выказывать свой. Тотъ, который уходитъ отъ васъ — послѣ вашего съ нимъ разговора, будучи доволенъ собой и своимъ умомъ, чрезвычайно остается также доволенъ и вами. Люди не любятъ удивляться вамъ, но они хотятъ сами нравиться; они ищутъ не столько того, чтобъ научиться и даже насладиться, сколько чтобъ самимъ понравиться и быть разхваленными; а удовольствіе самое сладостное состоитъ въ томъ, чтобъ оное дѣлать своему ближнему. Нѣтъ ничего противнѣе Богу, какъ утверждать, что говоришь въ разговорѣ, даже до вещей самыхъ незначащихъ, клятвами продолжительными и несносными. Честный человѣкъ, который говоритъ *да* и *нѣтъ*, заслуживаетъ полную довѣренность; его характеръ божится за него, даетъ вѣроятіе словамъ его и пріобрѣтаетъ ему всякаго рода довѣренность. Тотъ, который говоритъ безпрестанно, что онъ честенъ, праводушенъ, что онъ не вредитъ никому и который божится, чтобъ заставить себѣ вѣрить, не умѣетъ даже поддѣлываться добрымъ человѣкомъ. Есть дарованіе—говорить хорошо, свободно и кстати. Распространять разговоръ про великолѣпный обѣдъ при такихъ людяхъ, которые принуждены сберегать свой хлѣбъ; говорить чудеса про свое здоровье при болящихъ; разговаривать про

свои богатства, объ своихъ доходахъ и объ своихъ мебеляхъ, съ человѣкомъ, который не имѣетъ ни доходовъ, ни жилища; однимъ словомъ—говорить объ своемъ счастіи при несчастныхъ людяхъ, значитъ во зло употреблять даръ слова. Этотъ разговоръ очень непріятенъ для нихъ, и сравненіе, которое они дѣлаютъ тогда о своемъ состояніи съ вашимъ, оскорбительно.

(*Лабрюйеръ.*)

Чтобъ блеснуть въ разговорахъ, надобно уподобляться тѣмъ богачамъ, коихъ все имущество состоитъ въ наличныхъ деньгахъ, имѣть чудесное присутствіе ума и счастливую память, которыя бы доставляли какъ поспѣшность, такъ и изобиліе въ словахъ и выраженіяхъ.

Невозможно быть пріятнымъ въ разговорахъ, 1-е, если нѣтъ довольно ума, чтобъ умѣть выдержать оные; 2-е, если недостаетъ скромности, чтобъ давать свободу говорить другимъ и предоставить имъ случай отличиться или блеснуть; 3-е, если не соблюдаютъ учтивости съ своими начальниками и съ равными себѣ; 4-е, если не достаетъ благоразумія, дабы не говорить о порокѣ или недостаткахъ человѣка, находящагося въ компаніи; 5-е, наконецъ, если недостаетъ кротости во нравѣ. — Люди мало

знающіе, говорятъ много; а люди много знающіе, говорятъ мало. Вѣроятно, невѣжда почитаетъ важнымъ все то, что онъ знаетъ и пересказываетъ оное всѣмъ; но ученый человѣкъ не выказываетъ легко своихъ познаній: онъ бы могъ весьма многое сказать; но какъ онъ видитъ еще много охотниковъ говорить и безъ него, то и молчитъ.

(*Жанъ - Жакъ - Руссо.*)

БИБЛІОТЕКИ.

Первый изъ всѣхъ народовъ, у коего видѣть можно библіотеки, былъ Египетскій. Надпись, сдѣланная надъ оными, возбуждала желаніе входить въ оныя и углубляться въ ихъ тайны: ихъ называли *аптеками для души.* Душа въ оныхъ пользовалась отъ невѣжества, самой опаснѣйшей изъ ея болѣзней и источника всѣхъ другихъ.

БЛАГО ВЕРХОВНОЕ,

блаженство истинное.

Желаніе наше ищетъ, чтобъ какимъ-нибудь добромъ наслаждаться, и притомъ сіе желаніе столь велико, что ничѣмъ изъ тварей совершенно удовольствовано быть

не можетъ. „Возведите, (говоритъ одинъ изъ благочестивыхъ Пастырей) „человѣка „на степень самую высочайшую и блиста„тельнѣйшую, облеките его всею славою, „всею силой и всемъ могуществомъ: онъ „будетъ великъ, но его сердце всегда бу„детъ чувствовать внутри себя нѣкото„рую пустоту, которой ничто земное на„полнить не можетъ; оная и должна и мо„жетъ быть исполнена токмо добромъ все„высочайшимъ: а таковое добро есть единъ „Богъ, въ которомъ, яко въ источникѣ вся„кой благости, средоточатся и почіютъ всѣ „совершенства.“

Врожденнымъ намъ желаніемъ верховнаго блага доказывается бытіе Божіе.

Когда Богъ есть источникъ высочайшаго блаженства, то все земное, сколь бы оно ни было блистательно, есть токмо суета и мучительное крушеніе духа; безъ Господа, по замѣчанію *Соломона*, чести — суета, богатства — суета, слава — суета, сила — суета, ученость — суета, и все суета суетствій.

Врожденно намъ искать себѣ удовольствія и стремиться къ такому состоянію, въ коемъ бы мы совершенно были успокоены. Оное добро, которое бы всѣ желанія наши конечно удовольствовало, по справед-

ливости должно отъ насъ признано быть за верховное: ибо уже мы выше его никуда болѣе стремиться не можемъ, да и не имѣемъ нужды. Самые язычники, какъ не могли совсѣмъ погасить чувство естества человѣческаго, такъ не могли не воображать сіе превосходное благо. Одни возводили человѣка на верхъ блаженства, ежели онъ изобилуетъ всякимъ богатствомъ и всѣми честей преимуществами возвеличенъ. Такое сужденіе было очень низкое! — Узнала сіе другая языческая секта, которая верховное добро не въ томъ, чтобъ имѣть только чести и богатство, но въ нѣкоторомъ ихъ употребленіи опредѣляла. Были изъ нихъ нѣкоторые, основательнѣе блаженство человѣческое поставлявшіе въ добродѣтели. Кажется сіи коснулись самой истины. Но что, когда гонятъ добродѣтель? что, когда честность нигдѣ не находитъ себѣ покоя? Примѣтили и сіе другіе язычники: почему блаженство человѣческое не въ добродѣтели единственно, но въ раждаемомъ отъ нея спокойствіи совѣсти поставляли. — Но кто изъ смертныхъ взошелъ на сей верхъ совершенствъ, не говоря о многоразличныхъ причинахъ, нарушающихъ покой нашей совѣсти? Всѣ мы въ самихъ себѣ всегда чувствуемъ внутреннюю войну, страстями возбуждаемую, которая имѣетъ продолжаться,

пока не сложимъ съ себя тлѣнную сію и смертную ризу плоти нашея. Такъ въ чемъ же поставлять надобно верховное добро? — *Въ Богѣ.*

Ученіе Іисуса Христа объ истинномъ блаженствѣ.

Увидя народъ, Іисусъ Христосъ восшелъ на гору; и когда сѣлъ, то приступили къ Нему ученики Его; тогда Онъ, отверзши уста Свои, началъ учить ихъ, говоря: „блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царствіе небесное; блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся; блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю; блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся; блаженны милостивые, ибо они будутъ помилованы; блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ; блаженны миротворцы, ибо они нарекутся сынами Божіими; блаженны гонимые за правду, ибо ихъ есть царствіе небесное; блаженны вы, когда будутъ поносить васъ, гнать и всячески злословить васъ неправедно, за Меня. Радуйтесь и веселитесь: ибо велика вамъ награда на небесахъ. Такъ гнали и Пророковъ, бывшихъ прежде васъ.“ —

БЛАГОДАРНОСТЬ.

Это есть обязанность наша — не только къ родителямъ, какъ къ первымъ, послѣ Бога, нашимъ благодѣтелямъ, — но и ко всѣмъ, сдѣлавшимъ намъ какое-либо добро. Тотъ достоинъ всякаго поношенія, кто не имѣетъ ея.

Нѣтъ въ свѣтѣ излишества прекраснѣе излишества благодарности. *(Лабрюйеръ.)*

Примѣры.

Въ первый разъ, какъ Папа *Сикстъ V* пришелъ въ Римъ, (говоритъ де Ту,) онъ былъ такъ бѣденъ, что принужденъ былъ просить милостыни. Набравши нѣсколько денегъ, онъ разсуждалъ, на что ихъ употребить: уполить ли голодъ, который чувствовалъ, или купить себѣ башмаки, потому что онъ былъ босой. Во время сей внутренней борьбы, лице его выразительно изображало душевныя движенія. Одинъ купецъ, примѣтивъ его смущеніе, спросилъ о причинѣ. Сикстъ открылся ему, но съ такимъ пріятнымъ чистосердечіемъ, что купецъ, плѣнившись его умомъ, тотчасъ пригласилъ къ себѣ, накормилъ его и тѣмъ рѣшилъ его недоумѣніе. Сикстъ V, въ послѣдствіи сдѣлавшись Папою, не забылъ сего купца: призвалъ его въ свои чертоги и — наградилъ, какъ прилично Государю, за ока-

Научной библиотеки Ун. Г.У.

занную имъ услугу. Вотъ черта благодарности, достойная подражанія!

Одинъ честный, скромный и чувствительный человѣкъ, узнавши такого жъ другаго, которому онъ могъ быть полезенъ своимъ случаемъ, писалъ къ нему слѣдующее: „Я имѣю случай оказать вамъ важную услугу и сдѣлать ваше счастіе: я не хочу ее упустить; но съ условіемъ, чтобъ вы никогда не говорили, что вы отъ меня получили сіе благодѣяніе.“ — Но отвѣтъ на то былъ: „Невозможно быть болѣе чувствительнымъ какъ я, за благодѣяніе, которое вы хотите мнѣ сдѣлать; но я не могу выполнить условіе, вами мнѣ предлагаемое, и скорѣе откажусь отъ всѣхъ выгодъ, мнѣ предлагаемыхъ, нежели утаить мою благодарность.“

БЛАГОДѢЯНІЯ.

Если вы богаты, то какое лучшее и благороднѣйшее употребленіе вашихъ богатствъ, какъ не привлеченіе чрезъ нихъ къ себѣ сердецъ? Сострадательный богачъ, сказалъ одинъ знаменитый Ораторъ, не просто человѣкъ: это само Провидѣніе, явившееся видимымъ и чувствительнымъ образомъ для счастія міра. — Обнаружимъ предъ несчастными всю чувствительность сердецъ нашихъ; усладимъ по крайней мѣрѣ нашимъ

человѣколюбіемъ нищету, если состояніе наше не дозволяетъ простирать дальнѣйшей благотворительности.

Если бъ мы хорошо знали, что̀ терпятъ бѣдные, то, при видѣ ихъ страданій, устыдились бы нашей расточительности, нашего невниманія; мы бы упрекнули себя въ нашихъ напрасныхъ наслажденіяхъ — тогда, какъ бѣдные наши собратія требуютъ отъ насъ лучшихъ и благороднѣйшихъ поступковъ.

Удовольствіе отъ тщеславія сравнится ли когда съ сладостію благотворенія!

Однажды изъявили удивленіе *Эвельйону*, знаменитому Прелату въ Анжерѣ, что у него нѣтъ обоевъ ни въ одной комнатѣ; онъ отвѣчалъ: „когда я зимой вхожу въ мою комнату, то стѣны не говорятъ, что имъ холодно; но бѣдные, трясясь у дверей моихъ, кричатъ, что у нихъ нѣтъ одежды.“

Съ другой стороны, богатства, долженствующія умножать наше обиліе и довольство, умножаютъ только однѣ заботы и безпокойства. Въ самомъ дѣлѣ, берегутъ ихъ, скопляютъ, боятся ихъ потери. Вотъ постыдная и жалкая жизнь сребролюбцевъ! Они иногда отказываютъ себѣ въ необходимомъ, терзаются алчнымъ желаніемъ новыхъ сокровищъ, коими не наслаждаются, — для чего жъ? для того, чтобы собрать бо̀ль-

шее богатство, которое останется при ихъ смерти предметомъ ихъ мученія, а по смерти предметомъ радости наслѣдниковъ.

Благотворительность есть добродѣтель, побуждающая насъ любить подобныхъ себѣ и дѣлать имъ добро. Не стыдно ли намъ — не подражать Тому, Коего писаніе говоритъ: Онъ даетъ пищу малѣйшимъ птенцамъ, и благость Его изливается на всю тварь. Внутренній гласъ безпрестанно вопіетъ намъ, что благодѣтельность должна быть соприсущною нашему естеству. Исторія съ восторгомъ предаетъ безсмертію тѣхъ Царей, которые принесли съ собою на тронъ сіе прекрасное, но слишкомъ рѣдкое качество; между тѣмъ — она проклинаетъ тѣхъ чудовищъ, коихъ существованіе было бичемъ для человѣчества. Мы всегда съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ слышимъ имена *Тита, Траяна, Марка-Аврелія;* какой Русской не восхитится при именахъ Петра Великаго, Елисаветъ, Екатерины, Павла, Александра! Мы съ особенною тщательностію собираемъ изреченія и дѣянія добрыхъ Государей: не есть ли это убѣдительное доказательство, что мы чувствуемъ всю цѣну той добродѣтели, которую рѣдкіе изъ насъ могутъ исполнять.

Кротость и благодѣтельность приличны наиболѣе прелестному полу, который

украшаетъ существованіе наше и помогаетъ намъ сносить тягости жизни. При сихъ драгоцѣнныхъ качествахъ, самое безобразіе намъ не кажется отвратительнымъ; но безъ нихъ и прекраснѣйшая женщина безобразна.

Будемъ дѣлать всегда добро, чего бы намъ это ни стоило. Самыя малѣйшія наши дѣйствія да будутъ устремлены къ сей цѣли, благороднѣйшей изъ всѣхъ. Да будемъ исчислять дни наши по числу благодѣяній своихъ, и когда достигнемъ послѣдняго часа нашего, то да окружаютъ насъ одни только благословенія несчастныхъ, въ которыхъ обрѣтемъ себѣ сугубое упѣшеніе!

Слова Евангельскія: *Блажени милостиви, яко тіи помиловани будутъ.*

Слова Соломоновы: *Дая нищему, Богу въ заимъ дает.*

Блаженъ, разумѣвай на нища и убога!

Отецъ Небесный, видя благое дѣло втайнѣ, воздастъ во время свое явѣ.

Друзья зовутъ тебя на веселое пиршество: ты не имѣешь нужды спѣшить. Но они призываютъ тебя на помощь или для упѣшенія въ горести: тогда не теряй ни минуты!

„Счастливъ тотъ,“ говоритъ *Геснеръ*, „чье сердце можетъ часто наслаждаться удовольствіемъ — дѣлать добро! Безоблачное утро пробуждаетъ его и приглашаетъ

къ радости, красота временъ годовыхъ восхищаетъ его, и одинъ только онъ пользуется всѣми сокровищами Природы.“

Не лучше ли жалѣть о людяхъ и любить ихъ, нежели отталкивать и ненавидѣть?

Продай садъ отца твоего и купи хотя единое сердце; сожги уборы дома твоего, если не доспаетъ у тебя дровъ для приготовленія обѣда твоему другу. Дѣлай добро и врагамъ своимъ. Не грози псу, лающему на тебя, но брось ему кусокъ хлѣба.

Благодѣтель долженъ быть крайне осторожень . . . . что онъ даетъ — это еще не много — вся сила въ томъ, *какъ* даетъ онъ. Благодѣяніе получаетъ сугубую цѣну отъ способа, *какъ* его оказываютъ. Одинъ мудрый язычникъ сказалъ: Puras Deus, non plenas, adspicit manus, т. е. *Богъ взираетъ на чистыя, а не на полныя руки,* (не на богатыя, но на чистосердечныя приношенія и дары). Уксусъ, данный отъ добраго сердца, бываетъ слаще меду.

Добрая душа ни чѣмъ столь чувствительно не утѣшается, какъ помощію своею несчастнымъ. Утѣшать несчастныхъ — есть величайшее счастіе въ жизни. — Ничѣмъ не можемъ мы лучше уподобиться великому Образцу совершенства, намъ предложеннаго, какъ совсевозможнымъ тщаніемъ благотво-

рить ближнимъ нашимъ. Токмо однимъ симъ способомъ можемъ мы нѣсколько походить на Отца нашего Небеснаго, Который въ мірѣ всѣхъ безъ различія, добрыхъ и злыхъ, озаряетъ лучами солнечными. Если участь великихъ и богатыхъ людей завидна, то ни почему иному, какъ только, что они болѣе въ состояніи подкрѣплять слабыхъ и помогать несчастнымъ.

Одинъ добродѣтельный человѣкъ сказалъ: „*Что мною издержано, то потеряно; чѣмъ владѣю, то останется другимъ; но что я раздамъ бѣднымъ, то навсегда останется моимъ.*“

Доказано, что польза отъ расходовъ непродолжительнѣе удовольствія, отъ нихъ происходящаго; а оное подлинно весьма кратко: смертью переходитъ въ чужія руки имѣніе, коимъ въ жизни владѣли; но вспоможенія, сдѣланныя нуждающимся, есть такое сокровище, коего хранителемъ Самъ Богъ Себя нарекъ, обѣщая оное возвратить сторицею въ то время, когда мы все тлѣнное оставимъ. Выгоды намъ отъ нихъ въ сей жизни — доброжелательства и мольбы обязанныхъ нами, а отъ Бога имѣемъ получить за то въ награду жизнь вѣчно-блаженную. Притомъ, всего долѣе живутъ люди отъ привычки дѣлать добро, которое есть самый цѣлебнѣйшій бальзамъ.

Тотъ даетъ вдвое, кто даетъ немедленно, въ свое время, безъ просьбы и съ удовольствіемъ. Чувствительное сердце блаженствуетъ, благотворитъ самому себѣ, когда можетъ споспѣшествовать счастію ближняго.

Помогать несчастному, избавлять его отъ всѣхъ притѣсненій, отдавать должную справедливость достоинству и добродѣтелямъ, есть наславнѣйшій поступокъ, который всякой человѣкъ могъ бы выполнить. Симъ можно нѣкоторымъ образомъ уподобляться Божеству и выполнять волю всевышняго Творца.

„Благодѣянія, сказалъ *Ксенофонтъ*, суть трофеи, воздвигаемые въ сердцахъ человѣческихъ.“

Примѣры.

Стихотворецъ *Шекспиръ*, послѣ весьма долговременной отлучки, пріѣхалъ къ одной своей знакомой дамѣ, и нашелъ ее въ большомъ траурѣ по своемъ мужѣ, разоренную потерею своей тяжбы, безъ всякой подпоры, безъ помощи и еще обремененную содержаніемъ трехъ дочерей своихъ. Тронутый симъ зрѣлищемъ, онъ цѣлуетъ мать и дочерей, и — не говоря ни слова, удаляется отъ нихъ. Приходитъ опять, принуждаетъ ихъ взять значительную сумму денегъ, ко-

торую онъ занялъ; но, находя сію помощь еще не совсѣмъ достаточною по толикимъ нуждамъ, онъ огорчается и — проливая горькія слезы — восклицаетъ: „*Теперь лишь, въ первые въ моей жизни, пожелалъ бы я быть богатымъ!*“

Мольеръ далъ милостыню одному нищему, который спустя не много времени побѣжалъ за нимъ, говоря ему: „Милостивый государь! вы вѣрно не имѣли намѣренія дать мнѣ луидоръ; я пришелъ вамъ отдать его!“ —„Возьми, другъ мой; вотъ тебѣ и другой,“ сказалъ ему *Мольеръ*; потомъ воскликнулъ: „ахъ! куда могла вселиться добродѣтель!“

Въ послѣдніе годы славнаго царствованія *Лудовика* XIV-го, Королевство его находилось въ самомъ критическомъ состояніи, и Фландрія содѣлалась театромъ ужасной войны; но сія война доставила *Фенелону*, бывшему погда Архіепископомъ въ Камбрэ, множество случаевъ оказать свою благодѣтельность, добродушіе и ревность Апостольскую, коею онъ всегда пылалъ. Онъ сдѣлалъ свой Архіепископскій дворецъ убѣжищемъ всѣхъ несчастныхъ: ни бѣдность, коею они были угнетаемы, ни заразительныя болѣзни, коими большая часть злосчастныхъ страдала, ни что его не устрашало. Каждый день

видѣли его проходящаго между ними съ нѣжностію добраго отца, печалившагося о злополучіи своихъ дѣтей; его присутствіе утѣшало ихъ, и ласковость его словъ, прогательные разговоры, исполненные равнодушія, были спасительнымъ бальзамомъ, смягчавшимъ несчастіе ихъ; и сей достойный Прелатъ не переставалъ доставлять имъ утѣшеніе! Находясь однажды при ихъ столѣ, который онъ дѣлалъ всегда на свой щетъ, примѣтилъ, что одинъ молодой крестьянинъ ничего не ѣлъ и казался угнетеннымъ горестью: *Фенелонъ* садится близъ него, старается развлечь и склонить его вкусить пищи, говоря ему, что ожидали войско завтрашній день и что скоро онъ будетъ имѣть радость возвратиться въ свою деревню. „*Я вамъ очень вѣрю, Ваше Преосвященство*, отвѣчалъ ему крестьянинъ, *но я не найду уже тамъ моей коровы; эта добрая скотина давала мнѣ много молока, и питала моего отца, жену и дѣтей.*“ — „*Если это только въ семъ состоитъ, другъ мой*, возразилъ *Фенелонъ*, *то я тебѣ обѣщаю дать другую, когда солдаты похитили ее у тебя!*“ Сіе обѣщаніе ни мало не утѣшило крестьянина; столь много онъ былъ привязанъ къ своей коровѣ! *Фенелонъ*, пронупый горестнымъ его положеніемъ, освѣдомился съ точностью о мѣстѣ, гдѣ онъ живетъ: (оно

находилось за версту отъ Камбрэ) и вечеромъ, въ десять часовъ, снабдившись паспортомъ, онъ пошелъ пѣшкомъ съ однимъ только человѣкомъ, намѣрившись привести корову. Приходитъ въ избу несчастнаго крестьянина, находитъ тамъ скотину, за коею онъ пришелъ и беретъ ее. По возвращеніи жъ своемъ въ Камбрэ въ полночь, первое его стараніе было принести добрую эту вѣсть несчастному, который совсѣмъ не воображалъ получить такую отраду!—Надобно быть *Фенелономъ*, котораго и нынѣ Фламандцы называютъ *добрымъ Епископомъ*, чтобъ оказать такое снисхожденіе глупому пристрастію крестьянина къ своей коровѣ! Сей великій мужъ, видя, что это было единственное средство утѣшить несчастнаго, не смотрѣлъ ни на что, лишь бы только доставить ему утѣшеніе.

Всеобщая благотворительность основана на натурѣ нашей.

На всеобщей благотворительности основана и наша собственная натура и вся экономія человѣческаго общества. Звѣрь къ содержанію себя не имѣетъ надобности въ помощи подобныхъ себѣ; его нужды столь ограничены, что онъ самъ можетъ сыскать все, для себя потребное: берлога, трава, червь — вотъ все, чѣмъ онъ изъ всего богатства

природы наслаждается; желанія его далѣе не простираются, и для удовлетворенія ихъ достаточно собственныхъ его силъ и инспинкта. Но человѣкъ, господинъ земли, приходитъ въ свѣтъ нагой и безпомощный; для него—и на тронѣ—помощь сочеловѣковъ столько жъ нужна, сколько и въ колыбели. И сіе-то есть доказательство нашего назначенія великаго! Для счастія нашего назначена вся природа; но для сего должно трудиться все человѣческое общество совокупно; всеобщая бѣдность есть надежнѣйшее и дѣйствительнѣйшее къ тому побужденіе. Если бы мы не столько были бѣдны, то не столько были бъ и благодѣтельны, не столько были бы и счастливы; мы бы, какъ звѣри, одинъ въ другомъ нужды не имѣли; но — какъ звѣри же, были бы и скудны, не наслаждались бы всѣми преимуществами природы.

Неравное раздѣленіе способностей и богатствъ очевидно имѣетъ основаніемъ сіе же благодѣтельное намѣреніе. Одинаковая мѣра ихъ прервала бы всякую связь между нами, умертвила бы въ насъ всѣ благодѣтельныя чувствованія; мы вовсе не знали бы дружелюбнѣйшихъ, нѣжнѣйшихъ расположеній. Но чрезъ сіе мудрое неравенство мы, для всеобщаго совершенства, составляемъ только одно цѣлое; весь человѣческій родъ

есть машина, состоящая изъ милліоновъ колесъ разной величины; есть тѣло, сложенное изъ безчисленныхъ мускуловъ различной крѣпости, которые всѣ, по мѣрѣ ихъ силъ и ихъ связи, нужны для сохраненія тѣла. Ежели нѣкоторые изъ нихъ перестаютъ двигаться, тогда тѣло умираетъ отъ безсилія; если иные силою своею нарушаютъ равновѣсіе, тѣло умираетъ отъ конвульсій; малая и большая сила равно необходимы; и сколь ни слѣпо, кажется, онѣ раздѣлены, столь напротивъ мудро избрана различная мѣра ихъ крѣпости и раздражимости, какъ и связь ихъ другъ съ другомъ.

Главное правило: *Аще хощете да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ такожде.*—Нѣтъ человѣка, который бы не чувствовалъ сей сугубой обязанности, почему и чувствованія у всѣхъ людей одинаковы; ибо какъ мы для взаимнаго нашего сохраненія получили одинакія и въ одинакой мѣрѣ чувства, отъ чего и судимъ, что другіе также видятъ и слышатъ, какъ мы, хотя въ различныхъ степеняхъ тонкости: такъ точно всѣ мы получили одинаковую всеобщую мѣру справедливости и человѣколюбія, по коей можемъ навѣрное судить о печаляхъ и удовольствіи нашихъ ближнихъ. Эта мѣра есть Божественная, съ безконечною премудростію и любовію назначенная, дабы мы

никому не дѣлали несправедливостей, и видѣли, какъ намъ вести себя предъ другими. Наши чувствованія суть правило для насъ, — мѣра, съ которою никогда не можемъ сдѣлать несправедливости ближнему нашему, которая во всѣхъ возможныхъ случаяхъ остается надежнѣйшимъ руководствомъ нашего поведенія. Съ нею не можемъ во зло употребить низкости или слабости другаго; не можемъ его спокойствіемъ, довольствомъ и радостію, пожертвовать нашей роскоши, гордости, сладострастію. И чѣмъ больше человѣкъ совершенствуетъ свою природу, тѣмъ онъ подобнѣе бываетъ Творцу въ совершенствѣ и въ блаженствѣ своемъ; ибо чѣмъ болѣе, по сему благородному побужденію, отказываешь онъ себѣ въ своемъ спокойствіи, въ своихъ выгодахъ, въ своихъ удовольствіяхъ чувственныхъ: тѣмъ больше получаетъ сего благороднаго удовольствія; ибо тогда его чувства для наслажденія имъ тѣмъ болѣе возвышаются.

Благотворительность въ высшей степени не есть удѣлъ богатыхъ людей. Не зная тягости золъ, которыхъ никогда не испытывали, часто отказываютъ они несчастному въ пособіи, которое для нихъ легко было бы сдѣлать.

БЛАГОПРИСТОЙНОСТЬ,

благоприличіе въ поступкахъ, въ одеждѣ; знаніе приличій.

Благопристойность есть приноровленіе словъ и дѣйствій своихъ ко времени, къ мѣсту и къ лицамъ. Она укрѣпляетъ узы общества: содѣлываетъ пріятнѣйшимъ обращеніе свѣтское; и если между нами найдутся нѣкоторыя существа ядовитыя, готовыя уязвить всякаго, къ намъ приближающагося, то по крайней мѣрѣ благопристойность заставляетъ таковыхъ скрывать остроту жала ихъ. Взаимныя отношенія, коими обязаны мы другъ другу — не унижаютъ насъ никогда. Отъ благопристойности далека низость.

БЛАГОРАЗУМІЕ, *благоустройство.*

Благоразуміе нужнѣе всѣхъ другихъ свойствъ разума, и дѣйствія его необходимы въ ежедневныхъ случаяхъ жизни. Оно дѣлаетъ человѣка осторожнымъ, предупреждаетъ вредъ, избѣгаетъ ошибокъ и дѣлаетъ жизнь безопасною. *Морицъ* сказалъ: „Съ благоразуміемъ и рвеніемъ до всего достигаемъ. Благоразуміе, оживляемое рвеніемъ, дальновиднѣе и вѣрнѣе: желая сильно, скорѣе и удачнѣе угадываемъ средства.“

Часто одинъ ложный стыдъ бываетъ причиною, что мы не достигаемъ того, чего домогаемся.

Благоразумiе есть мать осторожности; чистая совѣсть и добрыя дѣла доставляютъ здравiе душевное; умѣренность, опрятность и трудолюбiе предохраняютъ тѣло отъ болѣзни.

Богъ даровалъ каждому человѣку способность и силу къ понятiю и разсужденiю, и симъ-то особливо даромъ различилъ Онъ насъ отъ прочихъ животныхъ безсловесныхъ. Сiя драгоцѣнная способность есть сѣмя, посѣянное въ сердцѣ нашемъ, и чтобъ оное возросло и принесло плоды, надобно употребить тщанiе и трудъ. Но какъ вещей, коихъ мы не можемъ познать, есть безчисленное множество; а къ совершенному всего постиженiю нашихъ ни силъ, ни времени не достанетъ; Богъ же къ невозможному не обязываетъ: то надлежитъ избирать нужнѣйшее. А нужнѣйшее познанiе есть — знать Бога, законъ Его, правила честности, свойство добродѣтели и порока и ихъ слѣдствiя, прямый путь къ благополучiю, и какое благополучiе есть истинное, и какое только мнимое; а притомъ знать какую-либо науку или художество, нужное къ пропитанiю, по различному каждаго чину и состоянiю. При семъ потребно имѣть

осторожность къ случаямъ и слѣдствіямъ, изъ всякаго дѣла впредь произойти могущимъ, въ чемъ состоитъ свойство проницанія; ибо всѣ вещи въ союзѣ: одно съ другимъ вяжется, и настоящія дѣла обыкновенно бываютъ основаніемъ будущихъ; мы же сей даръ отъ Бога получили, чтобъ изъ теченія вещей настоящихъ и будущее предусматривать: и въ семъ-то состоитъ богоподобный благоразумія даръ, чтобъ неограничивать дѣла свои настоящимъ временемъ, но умѣть ихъ связывать и съ будущими и съ могущими быть слѣдствіями, и изъ всего того дѣлать одинъ составъ.

Есть труды и подвиги, которые мы, живучи на землѣ — въ обществѣ, должны сносить, содержа домъ, семейство, снискивая себѣ и домашнимъ пропитаніе, преодолѣвая терпѣніемъ многія семейныя скуки, досады и запрудненія, — имѣя дѣла съ сосѣдами, съ начальниками, съ судьями; — надобно всѣмъ угодить, могущія отъ нихъ быть неудовольствія предварить и отвратить, или умѣть великодушно ихъ перенести, и благоразумно терпя мѣньшее зло, тѣмъ самимъ предупреждать, чтобъ не постигло еще зло бо́льшее. Но спокойный душею человѣкъ, одинъ ли живетъ — онъ спокоенъ и радостенъ; окруженъ ли семьею — не находитъ причины къ смущенію. Изъ

добраго души его источника все проистекаетъ доброе: все въ домѣ у него порядочно, все тихо, съ женою въ единомыслiи, дѣти хорошо воспитаны; — ежели имѣетъ слугъ, всѣмъ они довольны: и такъ не безпокоятъ его ни жена, ни дѣти, ни служители, ибо всѣ управляются одними правилами. Таковые родители мало пекутся о сыновьяхъ, какъ ихъ къ мѣсту пристроить; мало заботятся о дочеряхъ, какъ ихъ сочетать супружествомъ. Для добродѣтельныхъ сыновъ нѣтъ нужды искать мѣстъ, ибо самыя мѣста ихъ взыщутъ; ихъ честность заставитъ людей привлекать ихъ къ себѣ. Также и благовоспитанныя дочери обратятъ взоры другихъ на себя, и всякой честной человѣкъ пожелаетъ воспользоваться таковымъ сокровищемъ: на что многое приданое? если онѣ украшены умомъ и благонравiемъ, симъ безцѣннымъ богатствомъ!

БЛАГОРОДСТВО ИСТИННОЕ.

Почтенное мнѣнiе дѣлаетъ въ насъ благородная порода: и за тѣмъ многiе высоко сами о себѣ думаютъ, что они отъ великихъ людей произошли, и другихъ тожъ о себѣ думать заставляютъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что почтенно имя заслуженныхъ людей, и благополучными тѣ назваться должны, кои

отъ нихъ происходятъ. Для чего благополучными? Для того, что имѣютъ домашній примѣръ добродѣтели; для того, что имъ къ истинной славѣ отворена дверь рукою предковъ ихъ; для того, что особенный стыдъ поразитъ ихъ долженъ, если бъ не подражали заслугамъ тѣхъ, отъ коихъ заимствуютъ славу. — Такъ благородная порода можетъ ли терпѣть мысли низкія и подлыя? Такъ добродѣтели предковъ уводяютъ ли насъ быть добродѣтельными? Такъ обѣщалъ ли Богъ всегда миловать дѣтей развратныхъ для того, что они имѣли отцевъ благочестивыхъ? Не можетъ ли благородство быть уничиженно въ тѣхъ потомкахъ, кои своимъ злонравіемъ потемнили бъ славу предковъ своихъ, и сообщенную имъ чрезъ кровь великость почитали бы для себя случаемъ ко всякому своевольству? — Истинная слава не состоитъ въ знаменитости рода, въ пышности многихъ пиршъ, въ блистаніи одеждъ, колесницъ, домовъ, въ ласкательныхъ отъ другихъ почестяхъ, въ величавомъ или о самомъ себѣ, или другихъ о себѣ мнѣніи: но въ незазорной совѣсти, въ спокойствіи духа, въ пріятнѣйшемъ чувствіи плодовъ вѣры, въ сладчайшей надеждѣ соединенія съ Богомъ, Источникомъ всѣхъ благъ. Истинная честь и слава не въ томъ состоитъ, чтобъ наружнымъ сіяніемъ пора-

жать всѣхъ; не въ томъ, чтобъ въ роскоши утопать; не въ томъ, чтобъ гордымъ окомъ взирать на другихъ, себѣ подобныхъ, и услаждаться ихъ уничиженіемъ, принужденнымъ ласкательствомъ, постыднымъ для человѣчества ползаніемъ. Истинная честь и слава состоятъ въ услугахъ другимъ, въ попеченіи о пользѣ общей, въ подкрѣпленіи немощныхъ, въ заступленіи безсильныхъ, въ снабденіи бѣдныхъ, въ покровительствѣ утѣсняемыхъ. Иначе быть благородну, по силѣ Божественныхъ писаній, и быть надменну, мстительну, несправедливу, развратну, суть понятія, дѣлающія противорѣчіе. Любовь, терпѣніе, воздержаніе, великодушіе, просвѣщеніе того, кто ими украшенъ, возносятъ выше міра, выше мнѣній его, и даютъ право благородства; и потому не за меньшихъ, но едва ли не за большихъ тѣ почтены быть могутъ, кои своею заслугою, своимъ потомъ, безъ всякаго предстательства снискали высокія степпла, и сдѣлались благословеннымъ коренемъ будущей славы потомковъ своихъ.

БЛАГОСОСТОЯНІЕ ЦАРСТВЪ.

Разныя человѣческія состоянія, разныя о вещахъ понятія, разныя сложенія, несходныя воспитанія, а потому несходные нравы,

несовмѣстныя одного съ другимъ пользы и выгоды, и прочія разности безчисленныя придали болѣе силы дѣйствовать страстямъ, и тѣмъ превращать порядокъ и покой общества. Блаженство рода человѣческаго требовало, чтобъ всѣ сіи различныя и несходныя части были соглашены въ единой главѣ, чтобъ всѣ сіи разстроенные члены оживлялъ единый духъ мудраго Правителя. Промыслъ Божій открылъ яснѣйшій тому примѣръ въ правленіи міра. Противныя стихіи Онъ премудростію связалъ и соединилъ, и изъ противностей сладчайшее произвелъ согласіе. Люди, соединясь одними законами и однимъ образомъ правленія, составляютъ едино тѣло общественное. Но когда они же соглашены и въ важнѣйшемъ пунктѣ Богопочитанія, то составляютъ вмѣстѣ едино тѣло и единъ духъ. Такъ каковой надобно быть таковаго общества силѣ и твердости, когда оно сими священными нервами связано и скрѣплено? Едино тѣло — и единъ духъ; едино основаніе — и единъ конецъ. Внимай сему разсужденію, гражданинъ вкупѣ и Христіанинъ! Будь хранитель вѣрный установленныхъ законовъ, будь хранитель благоговѣйный сокровища вѣры. Управляй дѣла твои правиломъ уставовъ общественныхъ; управляй движенія сердца твоего правиломъ закона Божія; соединяй всегда неразлучно

сіи два великіе залога; въ нихъ состоитъ благополучіе твое временное и вѣчное. На сей-то конецъ благій Промыслъ въ свѣтъ сей тебя производитъ. Шествуя симъ путемъ, достигнешь наименованія въ жизни сей добраго и истиннаго богопочитателя, а въ будущей сына Вышняго.

БЛАГОЧЕСТІЕ.

Въ нынѣшнія времена каждый человѣкъ старается, какимъ бы образомъ возвыситься ему и прославиться въ мірѣ семъ; но никто не учится тому, какъ бы содѣлаться благочестивымъ. Нынѣ ищутъ людей ученыхъ, отъ которыхъ бы научиться Наукамъ, языкамъ и премудрости; — но никто не хочетъ учиться кротости и сердечному смиренію отъ нашего единаго Наставника и Учителя, Іисуса Христа, хотя святый и живый примѣръ Его и есть истинное правило жизни нашей; воистинну примѣръ сей есть высочайшая премудрость и наука, такъ, что по справедливости сказать можемъ: житіе Христово можетъ научить насъ всему.

БОГАТСТВО, *изобиліе, избыточество.*

Богатство не рѣдко ведетъ насъ къ развращенію и невоздержности. Самъ *Сене-*

ка, который былъ чрезмѣрно богатъ, признается, что „чѣмъ болѣе имѣешь богатства, тѣмъ болѣе находишь безпокойствъ и несчастій.“

Дрозо говоритъ: „Я смѣло утверждаю, что богачи болѣе другихъ *обременены* жизнію.“

Отъ великаго богатства раждается пресыщеніе, отъ пресыщенія скука: душевныя и чувственныя желанія наши угасаютъ при всегдашней возможности удовлетворять онымъ.

Скиѳы были счастливы отъ непорочности своихъ нравовъ, отъ всеобщаго пренебреженія золота и серебра и отъ трезвой жизни.

Платонъ сказалъ, что „невозможно быть въ одно время очень богатымъ и весьма честнымъ человѣкомъ, — а какъ нѣтъ истиннаго счастія безъ добродѣтели, слѣдственно чрезмѣрно богатые не могутъ быть очень счастливы. Можно завидовать богатымъ только въ одномъ томъ — что они могутъ ежедневно благотворить бѣднымъ.“

Но — богатый безъ щедрости есть дерево безъ плода.

Жадный всегда бѣденъ, — но довольный всегда богатъ, сказалъ Философъ *Біасъ*.

Мы всѣ были бы довольно богаты, если бъ хотѣли токмо нужнаго. — Безъ

сомнѣнія, богатый человѣкъ наслаждается непрерывнымъ счастіемъ, — плаваетъ въ удовольствіяхъ и, по волѣ своей, располагаетъ всѣмъ, что составляетъ предметъ нашихъ желаній здѣсь — на землѣ. Народъ вѣритъ сему; но народъ вообще есть самый худой судья въ истинѣ! Если спокойствіе души зависитъ отъ тишины страстей, то — богатый человѣкъ долженъ быть несчастливъ! Подверженный болѣзнямъ тѣлеснымъ, а еще болѣе душевнымъ, тщетно думаетъ онъ найти спокойствіе на пышной постелѣ, гдѣ скрываются разслабленные его члены, и онъ часто лишенъ бываетъ сна, сего сокровища бѣднаго и добраго человѣка.

Мудрецъ, наученный примѣромъ богача, никогда не пожелаетъ пріобрѣсть великихъ богатствъ; онъ знаетъ, что сіи обманчивыя блага болѣе обѣщаютъ, нежели доставляютъ; ибо исканіе ихъ сопряжено съ безпокойствомъ, обладаніе — не насыщаетъ желаній, — потеря — повергаетъ въ отчаяніе. Впрочемъ, онъ не принуждаетъ себя презирать ихъ; потому что если они не суть счастіе, то могутъ служить къ нему. Истинная мудрость не состоитъ въ пренебреженіи ими, но въ томъ, чтобы охранить сердце свое отъ ихъ зависимости, и не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ. Они должны казаться почтенными и драгоцѣнны-

ми по ихъ употребленію. Имѣющій небольшой достатокъ, часто бываетъ столько же богатъ, какъ и тотъ, который имѣетъ большой, только бы онъ зналъ сдѣлать изъ него хорошее употребленіе. — Кто можетъ довольствоваться малымъ, тотъ богатъ.

Деньги не только доставляютъ всѣ наслажденія въ жизни, но и окружаютъ человѣка какимъ-то очаровательнымъ сіяніемъ, скрывающимъ, въ глазахъ ближнихъ, его пороки и недостатки, возвышающимъ его достоинства и придающимъ ему свойства, которыхъ онъ вовсе не имѣетъ и имѣть не можетъ.

Деньгамъ, такъ какъ и здоровью, тогда только знаешь цѣну, когда ихъ нѣтъ.

Достаточный человѣкъ имѣетъ довольно, богатый излишнее, убогой имѣетъ нужное, или нѣтъ ничего: но ни одинъ изъ нихъ не говоритъ, что: ему довольно. Любовь къ богатству, свойственная даже и дѣтямъ, питается и укрѣпляется въ нихъ всѣмъ, что они видятъ и слышатъ. Серебро и золото составляютъ единственный предметъ удивленія людей, ихъ желаній и трудовъ; они думаютъ, что въ нихъ состоитъ вся пріятность и слава жизни, а въ бѣдности — стыдъ и несчастіе.

Древніе Римляне сначала мыслили благоразумнѣе, поставляя честолюбіе свое бо-

лѣе въ пріобрѣтеніи славы, нежели имущества. Они спаралисъ обогащать не себя, но отечество свое; и лучше любили быть бѣдными въ богатой Республикѣ, нежели богатыми въ бѣдной. Извѣстно, что *Камиллы, Фабриціи, Куріи* образовались въ школѣ бѣдности; и у нихъ знаменитѣйшіе мужи обыкновенно, умирая, ничего не оставляли, чѣмъ бы можно было похоронить ихъ и выдать дочерей ихъ въ замужство. Сіи великіе люди, бывъ увѣрены, что ничто такъ не означаетъ малости и низости ума, какъ страсть къ богатству, и что напротивъ нѣтъ ничего возвышеннѣе и благороднѣе, какъ презирать оное, — поставляли высочайшую добродѣтель въ великодушномъ перенесеніи бѣдности, и почитали ее преимуществомъ, а не несчастіемъ. По ихъ мнѣнію, вторая степень добродѣтели состояла въ хорошемъ употребленіи обладаемаго богатства; и они думали, что употребленіе онаго на благо общественное — есть самое сообразное съ назначеніемъ его и такое, посредствомъ коего богатые всего удобнѣе могутъ пріобрѣсть почтеніе и любовь другихъ; однимъ словомъ: они почитали истиннымъ достояніемъ своимъ только то, что давали сами. *Кимонъ*, Аѳинскій вождь, полагалъ, что онъ обладалъ великимъ имѣніемъ только для того, чтобъ снабжать имъ сво-

ихъ сограждань: однихъ одѣвашь, а другимъ помогашь въ бѣдности. *Филопемент* все, пріобрѣтенное отъ непріятеля, употреблялъ на пособіе неимѣвшимъ лошадей и оружія, и на выкупъ военноплѣнныхъ. *Арат*, полководецъ Ахайскій, снискалъ себѣ всеобщую любовь, и спасъ свое отечество тѣмъ, что получаемые имъ отъ Царей дары употреблялъ на укрощеніе происходившихъ между согражданами его смятеній, уплачивая за однихъ долги, а другимъ помогая въ нуждахъ, и выкупая плѣнныхъ. Младшій *Плиній* тратитъ значительныя суммы для своихъ друзей: одному даетъ деньги на уплату долговъ его; а долги другаго, въ кои вошелъ онъ по необходимости или уважительнымъ причинамъ, принимаетъ на себя; дочери одного умножаетъ онъ приданое, дабы она могла поддержать достоинство будущаго своего супруга; а другому, вмѣсто подарка, продаетъ землю гораздо дешевле, нежели сколько она стоитъ; — иному даетъ деньги на возвращеніе въ свою родину, дабы тамъ спокойно провелъ онъ остатокъ своей жизни; — кормилицѣ своей даритъ онъ участокъ земли, могущій доставлять ей пропитаніе; — опредѣляетъ жалованье учителямъ, для наставленія юношества, учреждаетъ заведеніе для воспитанія сиротъ и бѣдныхъ дѣтей; и все сіе дѣлаетъ при посредствен-

номъ своемъ имѣніи. Но его бережливость, какъ самъ онъ говорилъ о томъ, составляла богатое имѣніе, которое дополняло его доходы и коего достаточно было на всѣ сіи щедроспи, столь удивительныя въ частномъ человѣкѣ.

Пусть спросятъ у молодыхъ людей: что они думаютъ о таковомъ примѣрѣ, заставя ихъ сравнивать сіе благородное и пріятное употребленіе богатства съ тѣмъ употребленіемъ, которое изъ него дѣлаютъ люди безчеловѣчные, живущіе какъ бы для однихъ себя, почитающіе богатство не по чему-либо другому, какъ по тому только, что оно служитъ орудіемъ ихъ страстямъ: къ поддержанію ихъ роскоши, любви къ мнимымъ удовольствіямъ, суетнаго тщеславія и безпокойнаго любопытства; неподающіе никакого пособія ни ближнимъ, ни друзьямъ, ни вѣрнымъ служителямъ своимъ, и думающіе, что они ничѣмъ не обязаны ни родству, ни дружбѣ, ни признательности, ни заслугамъ, ни человѣчеству, ни отечеству своему?

Поступокъ великаго *Сципіона* въ Испаніи, когда къ приданому одной взятой имъ въ плѣнъ Принцессы велѣлъ онъ присоединить принесенныя родственниками для ея выкупа деньги, не менѣе дѣлаетъ ему чести, какъ и знаменитыя его побѣды. Подобный

поступокъ и рыцаря *Баярда* заслуживаетъ похвалы не менѣе. Когда у Венеціянъ взятъ былъ приступомъ городъ Бресчія, то онъ спасъ отъ грабежа домъ, въ коемъ перевязывали ему рану, полученную при осадѣ, и сохранилъ хозяйку онаго и двухъ юныхъ дочерей ея. При отъѣздѣ его, сія госпожа, для изъявленія ему признательности своей, предложила ему ларчикъ съ 2500 червонцевъ, коихъ онъ никакъ не хотѣлъ принять; но, видя, что отказъ его чувствительно огорчалъ ее, и не желая оставить свою хозяйку въ неудовольствіи на себя, согласился взять ея подарокъ; прощаясь же съ ея дочерьми, далъ каждой изъ нихъ по тысячѣ червонцевъ на приданое, а остальные пятьсотъ оставилъ у себя, чтобы раздать ихъ разореннымъ жителямъ деревень.

При чтеніи таковыхъ повѣствованій, всякъ почувствуетъ дѣйствіе оныхъ на сердце; и ими-то пусть научаются молодые люди презирать богатство и быть безкорыстными.

Чтобъ быть истинно-богатымъ, надобно ничего нежелать, и быть довольнымъ своимъ состояніемъ. Кто ограничиваетъ свои желанія, тотъ всегда богатъ. Быть богатымъ ничего не значитъ; но

главное состоитъ въ томъ, чтобъ быть счастливымъ.

Пріобрѣтеніе богатства стоитъ великихъ трудовъ; чтобъ сберечь его, стоитъ великаго страха; чтобъ порядочно употребить оное, потребенъ подвигъ благоразумія. Не имѣя онаго, безпокоимся; получивъ оное, страшимся, чтобъ какой-нибудь случай не лишилъ его. Не употребляя его, должны обременить духъ свой тягостію сребролюбія; употребляя же — должны бояться, чтобъ безпорядочнымъ употребленіемъ не разслабить тѣла и духа.

Не тотъ богатъ, кто много имѣетъ, но кто малымъ доволенъ.

Если бъ всякой жилъ въ изобиліи, или если бъ всѣ были богаты, то кто бы захотѣлъ повиноваться и работать?

БОГОСЛУЖЕНІЕ.

Обязаться служить Богу, есть повиноваться единому Его закону: и ты не можешь извиниться, чтобъ сей законъ былъ тебѣ не извѣстенъ, или труденъ; онъ заключенъ въ самомъ тебѣ; написанъ на самомъ сердцѣ твоемъ перстомъ Божіимъ, письменами неизгладимыми. Ничего не предпринимай противу совѣсти внутрь тебя, что тебѣ дѣлать и не дѣлать предписы-

ваюшаго, и тогда исполнишь служеніе должное Богу. Обязаться служить Богу, есть устремляться только къ тому, что дѣлаетъ духъ твой спокойнымъ; и оной съ Богомъ соединяетъ въ жизни сей союзомъ вѣры и добродѣтели, а въ будущей союзомъ славы. — Мы имѣемъ всеблагаго Бога; не созданы на однѣ только безпокойства и суеты, но созданы наслаждаться Его благодѣяніями и употребленіемъ во благо даровъ Его. Когда же безпокоимся и суетимся, сіе не есть намѣреніе всеблагаго Бога; но сами мы, превращая намѣреніе Его въ произволеніе свое, привлекаемъ къ себѣ суеты, и оными себя обезпокоиваемъ и мучимъ. И потому служить Богу не что иное есть, какъ служить собственному счастію своему.

БОГЪ.

Богъ есть Господь, Творецъ и Правитель міра, нашъ также Творецъ, нашъ Господь, нашъ Отецъ, Виновникъ нашей природы, — Источникъ всякаго блага, какое только имѣемъ и какимъ наслаждаемся; — Правитель нашей судьбы, Свидѣтель и Судія нашихъ дѣлъ, Господь вѣчности; всевысочайшее и совершеннѣйшее Существо, безпредѣльное во всей Своей натурѣ, вездѣсущее со всѣми Своими совершенствами; не-

ограниченное въ познаніи всего возможнаго добра; непремѣняемое и безпредѣльное въ любви къ добру; вѣчное, несотворенное, высочайшее Добро. — Душа наша теряется въ безпредѣльномъ Его величіи! — Предъ мыслію о Богѣ — все исчезаетъ; — міры прахомъ становятся.

На вопросъ: что есть Богъ? — *Расинъ* сказалъ: Вѣчный есть Его имя, Свѣтъ Его твореніе.

Нѣкто сказалъ: Богъ тебя сотворилъ, дабы Его любить, а не углубляться въ неизмѣримость Его природы: Невидимый твоимъ глазамъ, да пребудетъ Онъ въ твоемъ сердцѣ.

Послѣдній цвѣтокъ въ корени своемъ, въ стеблѣ, въ жилахъ, въ расположеніи, въ питаніи, въ мѣрѣ и красотѣ такъ устроенъ, что сколько бъ человѣкъ премудръ ни былъ, не только того произвести, но довольно и понять не можетъ: но какъ же бы земля, сама собою неодушевленная, ни понятія, ни разума неимѣющая, могла то произвести, ежели бъ она не исполнена была силою Божіею, которая таинственнымъ и премудрымъ образомъ все то въ ней производитъ?

Благость составляетъ сущность Божію. По безпредѣльной благости, самъ Богъ есть предметъ нашего поклоненія, нашего упова-

нія, нашей любви. Отдѣлите мысленно свойство сіе отъ Его величія, всѣ наши чувствованія къ Нему тогда останутся мертвы, бездушны. Представте себѣ напротивъ, Его духомъ безконечно-мудрымъ и благодѣтельнымъ, и религія ваша снова въ васъ оживится во всей своей полнотѣ. Неограниченный умъ, безконечная свобода, безпредѣльная сила — что страшнѣе сего? Я мысленно старался бы удалиться столь ужаснаго могущества. Въ семъ безпредѣльномъ Существѣ я благоговѣю наипаче предъ Его благостію. Я не могу благоговѣть ни предъ чѣмъ другимъ. Она единственно всѣмъ вещамъ придаетъ цѣну. Если мы ее усматриваемъ въ существѣ разумномъ, оно тогда привлекаетъ къ себѣ все наше уваженіе и любовь; если находимъ ее въ существѣ бездушномъ, то любимъ въ немъ его художника; да и кромѣ сего, ни къ какому другому совершенству мы не способны. Нашъ разсудокъ, наши способности, наше познаніе, всѣ силы наши сами по себѣ никакой цѣны не имѣютъ: онѣ могутъ заслуживать какъ уваженіе, такъ и презрѣніе. Благородствуетъ ихъ единственно мудрая, разсудительная благодѣтельность. Безъ сей добродѣтели самый великій человѣкъ есть — фанатикъ, философъ — шарлатанъ, превосходный геній — комедіянтъ; безъ нея герой значитъ не боль-

ше, какъ только сильный человѣкъ. Но когда сей герой устремляетъ великую душу свою и мужество для покровительства человѣчества, для сохраненія свободы, для защищенія собственности, для возстановленія общей тишины; когда философъ своимъ умомъ и прилѣжаніемъ старается утвердить истину и добродѣтель, озарить людей полезнѣйшими науками и художествами, обогатить землю, распространить всеобщее спокойствіе, нравственность, благосостояніе, дружелюбіе: тогда—и единственно только тогда — достойны они всеобщаго уваженія и любви.

Отъ высоты небесной обратите взоры на себя; изслѣдуйте, съ какою непостижимою премудростію устроено все въ составѣ человѣческомъ: и самая малѣйшая жилка не содѣйствуетъ ли въ тѣлѣ нашемъ къ общей связи? Во всемъ составѣ человѣческомъ видимъ предусмотрѣніе, порядокъ и устройство. Признаемся, что и всѣ прочія твари также свидѣтельствуютъ о бытіи Творца; признаемся, что ничтожнѣйшая травка должна смирять высокомѣріе наше. Не ввѣривъ сперва землѣ сѣмянъ, совокупныя силы всѣхъ людей не произведутъ даже и стебелька. Мы ничего не производимъ, мы ничего не въ состояніи произвесть; можемъ только располагать, соединять, раздѣлять, ис-

числять, вѣсить, измѣрять, но не творить. Единъ Богъ, самъ собою существующій, можетъ творить. Извѣстно, сколько обманщиковъ брались сотворить золото, и они даже не могли произвесть грязи.

Измѣрить Океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ,
Хотя и могъ бы умъ высокій, —
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ:
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

(*Ода Державина: Богъ.*)

БОЖБА.

Благоразумный человѣкъ не подкрѣпляетъ словъ своихъ божбою; онъ хочетъ лучше, чтобъ имъ совсѣмъ не вѣрили, нежели удостовѣрять людей клятвою, почитая это нечестіемъ, прогнѣвляющимъ Бога. Онъ просто говоритъ истину, произнося слова: *да* или *нѣтъ*.

Божба есть обыкновенное дѣло враля, которую онъ, для наполненія пустыхъ мѣстъ въ разговорѣ своемъ, соединяетъ съ ложными клятвами. Примѣчено, что многокляну-

щіеся имѣютъ многіе пороки, бываютъ несчастливы на семъ свѣтѣ и нерѣдко кончатъ жизнь свою бѣдственно.

Когда человѣкъ прослыветъ правдивымъ, тогда слова его почитаются святѣе всѣхъ клятвъ.

БОЛТЛИВОСТЬ,

многорѣчіе, говорливость, пустословіе.

Нашимъ молодымъ людямъ лучше бы всего щеголять побольше молчаніемъ. Нѣтъ ничего полезнѣе и благороднѣе для человѣка, какъ умѣть обуздывать свой языкъ. Напротивъ, что можетъ быть несноснѣе и презрительнѣе говоруна, коего слова, какъ быстрый потокъ, ничѣмъ остановлены быть не могутъ! Онъ говоритъ, что̀ знаетъ и чего не знаетъ; у него нѣтъ ничего скрытнаго. Онъ поноситъ достойныхъ людей; разславляетъ тотчасъ все, что видитъ, слышитъ, подозрѣваетъ; или разсказываетъ за тайну всѣмъ, кто только хочетъ знать: у него повѣренный цѣлый свѣтъ, а самъ ни у кого. Онъ съ жадностію собираетъ неважныя дневныя происшествія, собираетъ всѣ домашніе случаи, удовольствія и неудовольствія, новости или перемѣны, и особенно все, что касается до чести и общественнаго мнѣнія; все сіе потомъ разноситъ повсюду. Его можно назвать городскою тру-

бою. Таковой человѣкъ не только гнусенъ, но даже несносенъ. Чтобы принесть ему величайшее удовольствіе, надобно непрестанно его слушать. Но для этого какое потребно терпѣніе! И какое наказаніе сравнится съ наказаніемъ переноситъ всю тягость скуки съ нимъ? Онъ мучитъ безконечными сказками, длинными, безсмысленными и споразъ пересказываемыми исторіями, и скучными подробностями своей жизни и своихъ дѣяній.

Сравниваютъ ротъ всегда открытый съ сундукомъ безъ замка, который показываетъ, что въ немъ нѣтъ никакого сокровища. Всегда открытый ротъ означаетъ пустоту въ головѣ.

Сенека говоритъ: берегись пустословія, и имѣй предметомъ разговоровъ твоихъ или утѣшеніе, или совѣтъ, повелѣніе, или запрещеніе.

Юноши говорятъ то, что дѣлаютъ; старики то, что сдѣлали; а глупые то, что они еще намѣрены дѣлать.

Слова: *все знаю* — есть слова надменнаго невѣжды, слово: *не знаю* — есть слово глупца; слова же: *ничего не знаю* — суть слова разумнаго человѣка.

Овидій сказалъ: „*Смотри и молчи, если хочешь жить въ покоѣ.*“

Говорящій сѣетъ, слушающій жнетъ.

Мало ѣсть и мало говорить, никогда не бываетъ вредно.

Кто не умѣетъ молчать, тотъ очень способенъ бываетъ къ обманамъ.

Кто приноситъ къ тебѣ много новостей, тотъ и отъ тебя много ихъ выноситъ.

Мудрецъ молчитъ, когда слова его тщетны.

Вообще сказать, вѣстовщики, занимая насъ своими разсказами, наполненными часто злословіемъ, клеветою — дѣлаютъ насъ самихъ злыми, завистливыми.

Говорить много и хорошо есть даръ остраго человѣка; говорить мало и хорошо, это есть характеръ мудраго; говорить много и худо, есть порокъ глупаго человѣка; говорить мало и худо — слабость дурака. Кто говоритъ много, говоритъ много и глупостей.

Счастливъ тотъ, кто говоритъ хорошо, или кто умѣетъ молчать.

Человѣкъ болтливый имѣетъ сходство съ письмомъ распечатаннымъ, которое всѣ могутъ читать. Пустомеля говоритъ все, что знаетъ. Олухъ безтолковый говоритъ то, чего совсѣмъ не знаетъ. Молодые сказываютъ, что дѣлаютъ; старики, что дѣлали; а дураки пересказываютъ то, что хотятъ дѣлать.

БОЛЬНИЦА, *госпиталь.*

Жилище, отверстое для бѣдности и страданія: оно было бы мѣстомъ спасительнымъ, если бъ врачеваніе могло входить въ него безъ свиты шарлатановъ.

БОЛѢЗНИ.

Постыдно для людей имѣть столько болѣзней; ибо добрые нравы производятъ здравіе. Невоздержность ихъ претворяетъ въ смертоносный ядъ опредѣленную на сохраненіе жизни пищу. Неумѣренныя утѣхи больше сокращаютъ человѣческіе дни, нежели сколько лекарства продолжить оные могутъ. Бѣдные не столь часто бываютъ больны отъ недостатка пищи, какъ богатые отъ излишняго оной употребленія. Чрезмѣру услаждающая вкусъ пища и сверхъ нужды побуждающая человѣка къ яденію, вмѣсто того, чтобъ питать его, отправляетъ. Самыя лекарства суть зло, снѣдающее нашу природу, и не должно ихъ употреблять безъ крайней нужды. Важное лекарство, которое всегда съ пользою употребляется, есть трезвость, умѣренность во всѣхъ наслажденіяхъ, спокойствіе духа, тѣлесное упражненіе. Отъ того бываетъ кровь чище и умѣреннѣе и всѣ излишнія мокроты истре-

бляются. Такъ одинъ мудрый врачъ не столь былъ славенъ своими лекарствами, какъ воздержаніемъ, которое совѣтовалъ хранить для отвращенія болѣзней и для учиненія лекарствъ ненужными.

Какъ въ первомъ человѣкѣ склонности тѣлесныя преодолѣли силу разума, и пріятности, ласкающія чувствамъ, опровергли здравое разсужденіе; чрезъ то тогда жъ спокойство души было нарушено; отпкрыпъ спалъ путь страстямъ, всегда разуму противящимся; вмѣстѣ съ страстями взошли пороки, а съ пороками различныя напасти и болѣзни; немощи приводятъ тѣло въ слабость, а скорби и напасти и совсѣмъ сокрушаютъ.

Нынѣ чѣмъ больше кто противится страстямъ, тѣмъ меньше терпитъ болѣзни. Многіе пустынники, которые всѣми силами порабощали страсти свои, безъ дальнѣйшихъ болѣзней свою препровождали жизнь, и умирали такъ спокойно, какъ зрѣлое яблоко безъ всякаго принужденія и рванія само собою съ стебля спадываетъ. Но чѣмъ больше кто предаетъ себя порокамъ, тѣмъ множайшими страждетъ недугами. Не повседневный ли опытъ доказываетъ это: сколько людей пропадаетъ отъ пьянства; какими болѣзнями поражаетъ блудодѣйственная страсть; сколько случается припадковъ отъ

неумѣреннаго гнѣва или отъ зависти; сколько разслабляетъ праздность; сколько вредятъ здравію нашему неумѣренные труды, излишнія заботы, печали, клеветы и обиды другихъ; сколько поядаетъ людей война, которая съ одной стороны всегда бываетъ неправедная. Сколько есть страстей, столько же и причинъ болѣзней.

Жаль, что мы во зло употребляемъ дарованія, болѣе вѣримъ чувствамъ, нежели разуму и закону, и такъ весь безцѣнный составъ естества нашего разстроиваемъ, какъ бы премудрое Высочайшаго Существа устроеніе намъ не нравилось. Симъ-то нарушается и теряется оное спокойствіе душевное, котораго ничего нѣтъ дороже. Премудрость Божія обращаетъ и самый случай зла въ добро: болѣзней, напримѣръ, самихъ чрезъ себя не можно назвать добромъ; но и чрезъ нихъ приводитъ Богъ человѣка въ сознаніе слабости своея: усмиряетъ его гордыя мысли, разрушаетъ дерзкіе замыслы, возбуждаетъ въ немъ размышленіе о будущей безболѣзненной жизни, и увѣряетъ о безсмертіи души, которая, среди самыхъ болѣзней, нѣкоторое отъ сокровенной благой надежды чувствуетъ утѣшеніе.

Объ отвращеніи болѣзней.—Должно быть умѣреннымъ во всѣхъ удовольствіяхъ и на-

слажденіяхъ; не пресыщаться пищею и, кромѣ воды или кваса, ничего не пить; не простуживаться, всякой день ходить пѣшкомъ, или ѣздить верхомъ, или дѣлать какой-нибудь моціонъ на вольномъ воздухѣ, какова бы погода ни была, по крайней мѣрѣ два часа; ежедневно мыться холодною водой; черезъ двѣ недѣли мыться въ теплой банѣ; бѣлье на себѣ ежедневно перемѣнять; никому не дѣлать зла и не оскорблять никого; не сердиться, не имѣть тяжебъ, быть довольнымъ своимъ состояніемъ, имѣть спокойную совѣсть, не огорчаться и во всемъ имѣть упованіе на Бога. Тайна быть здоровымъ и веселымъ заключается въ томъ, чтобъ тѣло было въ движеніи, а духъ въ покоѣ.

Когда *Дюмуленъ*, знаменитый Медикъ, былъ отчаянно боленъ, многіе друзья, собравшись къ нему, стояли около его постели съ видомъ, изъявлявшимъ сожалѣніе о скорой разлукѣ съ нимъ. „Утѣшитесь, друзья мои!“ — сказалъ онъ имъ съ улыбкой: — „послѣ меня останутся еще три искуснѣйшіе и величайшіе Медика.“ Каждый изъ нихъ, почитая себя включеннымъ въ сіе число, просилъ его назвать ихъ по имени. — „Сіи три Медика суть: *вода*, *движеніе* и *діэта*,“ прибавилъ Дюмуленъ.

БОЯЗНЬ, *страхъ, трусость.*

Страхъ имѣетъ великое вліяніе на нервы: производитъ судороги, корчи, охлажденіе тѣла, блѣдность, обмороки, трепетаніе сердца, преждевременныя роды, остановку мѣсячныхъ кровей. Изъ сего можно видѣть, сколь неблагоразумно поступаютъ нѣкоторые молодые люди, кои забавляются — пугая кого-нибудь нечаянно; таковой поступокъ причинялъ иногда смерть.

Должно непремѣнно запрещать кормилицамъ, мамкамъ и нянькамъ, дабы онѣ не разсказывали дѣтямъ страшныхъ сказокъ о домовыхъ, о оборотняхъ, о чертяхъ, о медвѣдяхъ, волкахъ и проч., ибо сими вздорными побасенками могутъ произвести трусость въ дѣтяхъ на цѣлый вѣкъ.

Страхъ есть постыдная слабость, унижающая человѣческое достоинство. Онъ отнимаетъ силу разсудка, рѣшительность, словомъ: всѣ преимущества человѣческаго духа, и первымъ правиломъ воспитанія должно быть то, чтобъ искоренять страхъ въ человѣкѣ. Но, къ сожалѣнію, часто люди дѣлаютъ совершенно противное тому. Разсмотримъ только два обыкновенные рода страха: страхъ грома и страхъ привидѣній. Кто подверженъ тому и другому, тотъ чуждъ всякаго въ жизни спокойствія. Ноч-

ной мракъ, сладкому отдохновенію посвященный, служитъ для него сигналомъ къ мучительному безпокойству; когда наслаждаются другіе пріятнымъ сномъ, въ то время онъ съ трепетомъ прислушивается къ малѣйшему шуму, обливается потомъ отъ ужаса, и поутру чувствуетъ большее утомленіе, нежели съ какимъ легъ въ постелю. Радостное время лѣта бываетъ для него періодомъ страха: каждый прекрасный день раждаетъ въ немъ мысль о громѣ, и слѣдственно мучительное ожиданіе вразсужденіи себя.

Изъ сего видно, сколь вредное вліяніе имѣетъ на продолженіе жизни таковый непрестанный страхъ. Онъ производитъ судорожное движеніе, съуживаетъ маленькіе сосудцы, кожа блѣднѣетъ и дѣлается хладною, и испарина остановляется совершенно; кровь собирается въ большихъ внутреннихъ сосудцахъ, пульсъ прерывается, сердце подавляется приливомъ оной и не можетъ свободно двигаться, слѣдственно нарушается правильность кровеобращенія; равнымъ образомъ портится пищевареніе и раждаются судорожные поносы; слабѣетъ мышечная сила; боязливый хочетъ бѣжать и не можетъ; трепетъ объемлетъ все тѣло, дыханіе спирается въ груди и становится краткo; словомъ, страхъ производитъ тѣ же

дѣйствія, что и медленной смертоносный ядъ, и столь же способенъ дѣлать жизнь кратковременною, какъ и сей послѣдній.

Страхъ обладаетъ человѣкомъ въ колыбели и сопровождаетъ его до гроба. Едва онъ родится, начинаетъ бояться своей кормилицы; въ младенчествѣ онъ боится того, кто его воспитываетъ; въ младости, боится своихъ начальниковъ; въ совершенныхъ лѣтахъ онъ страшится перемѣнъ счастія; если онъ добръ, то боится бездѣльниковъ; если онъ негодяй, то боится законовъ; наконецъ — человѣкъ боится скорби, нищеты, скуки и грусти, стыда, болѣзни, смерти, и, что всего хуже, потери того, что ему всего милѣе. — Одинъ мудрецъ сказалъ: я боюсь Бога, а послѣ Бога, только того, кто Его не боится.

Трусъ умираетъ много разъ прежде смерти; отважный вкушаетъ смерть только однажды. *(Шекспиръ.)*

БУДУЩЕЕ.

Прелестные виды въ будущемъ. Будущая жизнь.

Въ будущей жизни — послѣдняя слеза, пролитая нами отъ сожалѣнія о неповинномъ человѣкѣ, не будетъ забыта; наималѣйшая милостыня заплатится; скрытое со-

страдательное о другомъ воздыханіе предъ всѣмъ свѣтомъ будетъ прославлено; за доброе слово сынами Вышняго будемъ названы; за чашу студеныя воды проліются намъ источники безсмертія, будетъ почтена предъ очами Божіими любовь супружества, дѣвическая чистота, любезное друзей обхожденіе, подчиненныхъ къ вышшимъ повиновеніе, вышшихъ о подчиненныхъ попеченіе; прилѣжаніе похвалится, прудъ наградится, вѣрность прославится, подвигъ вѣры и всякой добродѣтели увѣнчается. Чтобъ ты ни сдѣлалъ доброе въ тайнѣ, — Отецъ небесный, *видящій тайное, воздастъ тебѣ явно.* (Матѳ. 6, ст. 4.)

Присовокупимъ здѣсь одно замѣчаніе. — Неоспоримо, что настоящее состояніе свѣта и человѣчества крайне жалко; и чѣмъ справедливѣйшими, мудрѣйшими признаемъ мы всѣ устроенія Провидѣнія, тѣмъ прискорбнѣе для насъ видѣть свое несовершенство. Но развѣ нельзя намъ надѣяться, что человѣчество мало по-малу возвысится до всеобщаго совершенства, приличнаго достоинству его природы и назначенію, и что состояніе сего міра отъ того будетъ гораздо совершеннѣе? — Безъ сомнѣнія, наша природа всегда останется съ слабостями своей чувственности; но неужели для сего нужно наибольшей части людей всегда находиться

въ низкой скотской чувственности и невѣжествѣ? Развѣ нельзя, чтобъ познаніе Бога повсюду было живѣе, разсудокъ образованнѣе, нравы чище, любовь и дружба между людьми тѣснѣе? Хотя общественная жизнь требуетъ неравенства въ имѣніяхъ, въ дѣлахъ, въ состояніяхъ; но ужѐ ли для сего нужно большей части людей безпрестанно страдать въ ужаснѣйшей бѣдности?

БѢДНОСТЬ, *скудость, нищета, нужда, убожество.*

Нуждою называется все то, чего не достаетъ для сохраненія человѣка: пища, одежда, пристойное жилище суть самыя естественныя нужды у всѣхъ народовъ. Но сколько нуждъ потомъ умножилось у человѣка просвѣщеннаго, посредствомъ его воображенія, изобилія, привычки и предразсудковъ: многіе почитаютъ себя несчастными, когда не могутъ удовлетворить своихъ мнимыхъ нуждъ; — они не почли бы себя несчастными, если бъ удостовѣрились, что большая часть сихъ мнимыхъ нуждъ только разстроиваетъ здоровье и благосостояніе.

Чтобъ жить въ довольствѣ, надобно умѣть распоряжать свои нужды. Мы всѣ были бъ довольно богаты, если бъ хотѣли

токмо нужнаго. Несчастны тѣ бѣдные, кои стараются жить не по своему состоянію.

Душевное спокойствіе и равнодушіе или безпристрастіе бѣднаго человѣка къ своимъ приключеніямъ въ продолженіе жизни, вознаграждаютъ его бѣдность и побуждаютъ пренебрегать пышность богача, изнуряемаго безпокойствами и огорченіями.

Богатство и почести дѣлаютъ насъ *Цицеронами*, а бѣдность и униженіе отнимаютъ языкъ у самаго краснорѣчія.

Стыдъ отъ бѣдности заставляетъ тщеславнаго человѣка разоряться на безполезныя издержки, великолѣпные пиры, чтобъ казаться богатымъ.

Страхъ бѣдности дѣлаетъ, что мудрый или благоразумный человѣкъ соглашается имѣть только самонужнѣйшее, и соразмѣрять свой расходъ съ доходомъ. Роскошный большими шагами приближается къ бѣдности, а умѣренный ежедневно отъ оной удаляется.

Бѣдность находитъ иногда благодѣтелей, а рѣдко друзей.

Не отъ насъ зависитъ — не быть намъ бѣдными; но всегда зависитъ отъ насъ заставить почитать и уважать нашу бѣдность.

Никогда не должно насмѣхаться надъ бѣдными; ибо кто можетъ быть увѣренъ во всегдашнемъ своемъ счастіи?

Сократъ, привыкши съ малолѣтства къ воздержной и трудолюбивой жизни, безъ коей почти нельзя выполнять обязанности добраго гражданина, оказывалъ всегда презрѣніе къ богатству и любовь къ бѣдности. Онъ почиталъ великимъ благомъ — не имѣть нужды ни въ чемъ, и думалъ, что люди подходятъ ближе къ Божеству, когда довольствуются малымъ. Увидѣвъ однажды пышную церемонію и большое количество золота и серебра: *сколько есть вещей*, сказалъ онъ, *въ коихъ я не имѣю нужды!*

Аристидъ, Аѳинскій полководецъ, сказалъ, что тотъ человѣкъ, который искореняетъ всякое желаніе къ излишеству вещей и содержитъ въ границахъ потребности, необходимыя въ жизни, — кромѣ того, что освобождается отъ тысячи безпокойствъ и даетъ себѣ совершенную свободу упражняться государственными дѣлами, подходитъ еще, нѣкоторымъ образомъ, даже къ Божеству; ибо Богъ не имѣетъ безпокойствъ и нуждъ. Онъ почиталъ богатство безпокойнымъ и опаснымъ; и хотя сей великій человѣкъ, увѣнчанный побѣдами во многихъ битвахъ, отправлялъ первыя, важнѣйшія должности въ Республикѣ и былъ совер-

шенно уполномоченъ въ распоряженіи финансовъ всей Греціи, но умеръ въ бѣдности, не оставивъ даже — чѣмъ себя похоронить! Сей правдивый, чуждый обмана и лести, врагъ любостяжанія — погребенъ былъ общеспівеннымъ иждивеніемъ.

Эпаминондъ, Ѳивейскій полководецъ, молчаливый, кроткій, правдолюбивый, милостивый, терпѣливый, великодушный, ученый, имѣлъ одну только епанчу, и ту замаранную, и часто, за неимѣніемъ другой лучшей, сидѣлъ дома: однако, при всей этой скудости, онъ не принялъ присланнаго ему однажды немалаго количества золота отъ Персидскаго Царя.

Лизандръ, Спартанскій военачальникъ, жилъ всегда бѣдно, не смотря на то, что обогатилъ Спарту.

Гомеръ, исполненный генія, первый изъ Поэтовъ и образецъ для потомства, былъ очень бѣденъ, и будучи нищій и слѣпой, читалъ на перекресткахъ стихи свои, за что награждали его — кусками хлѣба!

Діогенъ находилъ излишкомъ чашу, потому что могъ пить изъ горсти. Нынѣ же жишелямъ восточныхъ странъ чаша сдѣланная изъ одного оникса или жемчужины, не кажется излишкомъ.

Шекспиръ жилъ и умеръ въ убожествѣ.

Томсонъ умеръ въ ужаснѣйшей бѣдности.

Камоэнсъ умеръ въ нищетѣ.

Монтескье сказалъ: человѣкъ не потому бываетъ бѣденъ, что ничего не имѣетъ, а потому что не трудится.

Неутомимый трудъ есть лекарство отъ бѣдности; если не достаетъ онаго, то она содѣлывается справедливымъ наказаніемъ за лѣнь и праздность.

Какое состояніе почитаете вы лучшимъ, чтобъ ничего почти не ожидать и всего бояться, или — почти ничего не опасаться и всего ожидать? — Первое состояніе есть богачей, а впорое бѣдняковъ.

Всякаго рода роскошь есть преступленіе пропивъ общества, какъ скоро хотя одинъ только человѣкъ находится въ нуждѣ.

Это горькая, но утѣшительная въ злополучіи истина, что рѣдко можно достигнуть прочнаго счастія иной дорогой, кромѣ нужды. Кто не испыталъ бѣдности, поношенія, сострадания, болѣзней, — тотъ не знаетъ и половины чувствъ человѣческихъ.

ВЕЛИКОДУШІЕ.

Противности, человѣку всегда предлежащія, суть двоякія: однѣ внутреннія, другія внѣшнія. Внутреннія, суть страсти и

пороки, а внѣшнія двоякаго рода. Въ первомъ родѣ труды, соединенные съ должностію каждаго; а во второмъ — всякія несчастія. И потому истинное мужество во-первыхъ есть, когда кто побѣждаетъ страсти; а подъ именемъ страстей разумѣемъ мы склонности, стремящіяся противъ здраваго разума. Кто гнѣвомъ не воспаляется, кто гордость попираетъ, кто сребролюбію смѣется, кто роскошью гнушается, кто бѣдностью не сокрушается, кто не плѣняется завистью, кто не разслабляется лѣностью, и чувственными сладостраствіями не уловляется — тотъ да пріидетъ къ намъ, и мы увѣнчаемъ любезную его главу лаврами безсмертія? Многіе взяли неприступные грады, но отъ страстей своихъ плѣнилися; многіе укротили свирѣпыхъ народовъ, но непристойныхъ склонностей остались невольниками: и потому сія побѣда другихъ далеко блистательнѣе, сей подвигъ — Евангельскій, сіе торжество достойно зрѣнія Ангеловъ.

Съ другой стороны, побѣдить себя противъ чувственныхъ прелестей, изнурять свои члены трудомъ, отпрясти отъ своихъ очей дремоту, безъ скуки снести хлопоты домашнія, терпѣливо выслушать жалобы оскорбляемой невинности, великодушно разобрать самыя мелкія всякаго дѣла

обстоятельства, — безъ отягощенія въ непогоду, въ ненастье идти къ должности, въ церковь, предварить восходящее солнце, и привѣтствовать оное бодростію нашего духа, — всѣ сіи для нѣжности нашихъ чувствъ непріятныя затрудненія благополучно побѣдить, есть побѣда большая; сіе преодолѣть есть великое торжество; такая добродѣтель есть истинное мужество. Кромѣ того и на самыхъ добродѣтельныхъ людей часто падаетъ несчастливый жребій, ежели только можно назвать несчастіемъ, чтобъ страдать за справедливость. Клевета часто повреждаетъ ихъ честное имя, зависть нерѣдко лишаетъ ихъ справедливо нажитаго имѣнія, и заставляетъ ихъ свой скудный хлѣбъ омочать слезами; а злоба иногда и самую жизнь ихъ съ мученіемъ отъемлетъ. Подлинно надобно великодушіе, чтобъ все сіе снести безъ смущенія. Но гдѣ же славнѣе случай оказать намъ истинное мужество, если не при такихъ обстоятельствахъ? Когда все течетъ по желанію нашему, добродѣтель наша остается сокровенною, и не можемъ мы оказать искуства, что умѣемъ управлять кораблемъ нашимъ, какъ токмо при случаѣ грозной непогоды. Мы и между собою находимъ такихъ, изъ коихъ одни несчастныя приключенія сносятъ, не допуская себя до раз-

слабленія, другіе въ тѣхъ же самыхъ случаяхъ ослабѣваютъ, унываютъ, приходятъ въ отчаяніе. Отъ чего жъ сіе? — Одинъ болѣе укрѣпленъ въ добродѣтели и въ упованіи на Бога; другой, не имѣя ни того, ни другаго, не имѣетъ подпоры слабымъ мыслямъ своимъ, и потому смущается, и самъ себя, а не другой кто, несчастливымъ дѣлаетъ его.

Примѣры.

Римскій Консулъ *Фабрицій* получилъ письмо, во время войны, отъ врача Эпирскаго Царя, Пирра, который извѣщалъ его, что онъ тайно дастъ своему Государю яда, если токмо Римляне достойнымъ образомъ вознаградятъ его; но герой добродѣтели, *Фабрицій,* гнушаяся такою измѣной, переслалъ оное къ Царю, при слѣдующемъ отвѣтѣ: *Видно, что ты худо знаешь, кто тебѣ друзъ и кто враговъ, и въ этомъ самъ сознаешься, когда прочтешь письмо, писанное къ нимъ; тогда увидишь, что ты воюешь съ добрыми и честными людьми, а вѣришь совершеннымъ злодѣямъ и нарушителямъ вѣрности. Мы извѣщаемъ тебя о семъ, не о тебѣ жалѣя, но по любви къ самимъ себѣ, дабы смерть твоя не подала случая къ оклеветанію насъ, что мы взялись за предательство, какъ отчаявшись окончить благополучно брань сію*

пашимъ мужествомъ. — Тогда Пирръ, по полученіи сего извѣстія, воскликнулъ съ восторгомъ: „вотъ примѣрный мужъ, коего столь же невозможно совратить со стези строгой добродѣтели, какъ солнце съ пути своего теченія!“

Нѣкоторые придворные чиновники говорили Королю *Сигизмунду*, что онъ не хорошо дѣлаетъ, что вмѣсто того, чтобъ лишать жизни побѣжденныхъ враговъ своихъ, осыпаетъ ихъ милостями и чрезъ то доставляетъ имъ способъ снова вредить ему. — „*Развѣ я не убиваю своихъ враговъ*, отвѣчалъ великодушный Монархъ, *дѣлая ихъ своими друзьями?*“

ВЕЛИЧІЕ, *великость человѣка.*

Есть разные роды величія,—одно истинное, другое ложное. Обыкновенно мы называемъ величіемъ то, что представляется таковымъ нашему понятію и нашимъ чувствамъ. Знатная порода, власть, пышность, богатство и все, что съ оными сопряжено, обыкновенно привлекаетъ наше уваженіе. Сей родъ величія можно назвать чувственнымъ. Другое величіе, состоящее въ умѣ, превосходныхъ дарованіяхъ разума, въ глубокомысліи и обширныхъ познаніяхъ, въ плодовитости воображенія, въ дарѣ изобрѣ-

тщательности и краснорѣчія, назовемъ мы умнымъ величіемъ. Но есть третій родъ величія, болѣе сокровеннаго, которое рѣдкіе уважаютъ, но которое превосходитъ оба первыя; оно состоитъ въ святости. Легко усмотрѣть, сколь сіи три рода величія между собою различны: первое есть тлѣнное, земное; второе превосходнѣе, но опасно, поелику ведетъ къ гордости и тщеславію; одно третіе истинно и благонадежно.

Изъ умныхъ величій обыкновенно уважаютъ только тотъ родъ, какой кому свойственъ; другимъ же, коихъ мы въ себѣ не имѣемъ и коихъ мыслящій объ однихъ только наслажденіяхъ тѣлесныхъ и не желаетъ, не поставляемъ ни какой цѣны. Такъ уважающій Науки, открытія и дарованія ума, не считаетъ себя несчастнымъ, когда лишается пышности и великолѣпія, но совсѣмъ равнодушенъ къ дѣяніямъ добродѣтели и правды.

Вотъ три рода людей различныхъ, и каждый изъ нихъ имѣетъ свои характеры и свой родъ величія; первый мыслитъ только быть великимъ въ глазахъ своихъ соперниковъ; второй въ глазахъ людей ученыхъ; третій ищетъ значить только въ очахъ Божіихъ. Каждый изъ нихъ можетъ быть великъ въ своемъ родѣ. *Александръ* былъ таковымъ — какъ завоеватель, *Платонъ* — какъ

философъ, а Святый *Павелъ*—какъ свѣтило Христіанства.

Великій человѣкъ въ счастіи отличается умѣренностью, въ несчастіи равнодушіемъ, въ трудностяхъ благоразуміемъ, въ опасностяхъ бодростію, въ вѣрѣ благочестіемъ.

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ, въ пыли и въ попѣ,
Великій *Петръ*, какъ нѣкій Богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ.
Почтенъ и въ рубищѣ герой!
Екатерина, въ низкой долѣ
И не на Царскомъ бы престолѣ —
Была великою женой!

(Державинъ.)

ВЕСЕЛОСТЬ.

Веселость есть лекарство препятствующее огорченію. Она отдаляетъ болѣзни тѣлесныя, веселитъ разумъ, посмѣвается надъ своенравіемъ фортуны, укрощаетъ грусть о потеряніи чего-либо, дѣлаетъ пріятною жизнь и продолжаетъ оную за обыкновенный предѣлъ. Веселый нравъ есть сокровище несчастныхъ, подруга мудраго, и предметъ зависти даже Царей и философовъ, кои себя почитаютъ выше Царей. Богатый покупаетъ веселость; скупой ее торгуетъ;

а бѣдный пользуется ею иногда за ничто. Наконецъ, веселость означаетъ счастіе и здоровье.

Не надобно дѣлать пѣхъ глупостей которыя препятствуютъ людямъ быть веселыми.

Никогда такъ вкусно не ѣстся, какъ когда человѣкъ веселъ. — Вообще люди веселые бываютъ долговѣчнѣе.

В И Н А,

неправость, проступокъ, погрѣшность.

Человѣкъ не долженъ никогда краснѣть отъ признанія, если онъ виноватъ; ибо, сознаваясь въ своей винѣ, доказываетъ, что какъ будто онъ сегодня благоразумнѣе вчерашняго.

Когда счастіе захочетъ посрамить или унизить мудрецовъ, оно нападаетъ на нихъ въ такихъ маловажныхъ случаяхъ, въ коихъ обыкновенно бываютъ безъ предосторожности и безъ защиты. Самый благоразумный человѣкъ не можетъ воспрепятствовать, чтобъ малѣйшія погрѣшности не производили иногда ужасныхъ несчастій; и онъ лишается своего добраго имени или своего имущества отъ малѣйшей ошибки, точно также какъ иной переламываетъ себѣ ногу, расхаживая въ своей комнатѣ. Вспыль-

чивость ли, рѣзвость ли, пылкость ли, гордость ли, скупость ли, бываютъ причиною того, что нѣтъ ни одного человѣка на свѣтѣ, который бы не имѣлъ въ своемъ характерѣ случая дѣлать погрѣшности; и если онѣ остаются безъ всякаго послѣдствія, то симъ особенному счастію онъ остается обязанъ.

ВИНО.

Вино бываетъ источникомъ величайшихъ золъ между людьми; причиняетъ болѣзни, ссоры, возмущенія, праздность, оппращеніе къ трудамъ, неустройство въ семействахъ. Да будетъ же вино соблюдаемо какъ нѣкое врачеваніе, или какъ весьма рѣдкое питіе, употребляемое токмо въ чрезвычайные праздники.

ВЛАСТЬ.

Власть производитъ наружные знаки почтенія, которые по большой части основаны бываютъ на лести, — и часто тотъ, кто ихъ оказываетъ, внутренно ненавидитъ того, предъ кѣмъ ихъ изъявляетъ. Не знаю, кто изъ нихъ лучше, тотъ ли, который такъ лицемѣритъ, или тотъ, который симъ лицемѣріемъ услаждается; но

знаю, что сіи люди оба достойны презрѣнія. Власть, порученная доброму человѣку, есть спасительный ланцетъ въ рукѣ искуснаго врача; — власть, порученная худому человѣку, есть смертоносный ножъ въ рукѣ разбойника. *(А. Шишковъ.)*

ВНИМАТЕЛЬНОСТЬ.

Будьте внимательны къ другимъ людямъ, если хотите, чтобы и они обращали на васъ вниманіе. Кто живетъ только для самаго себя, вовсе не имѣя чувства къ дружеству, пріязни, любви, тому никто не подастъ руку помощи въ тѣсныхъ обстоятельствахъ.

ВОЗДАВАНІЕ ДОБРОМЪ ЗА ЗЛО.

Ежели врагъ твой хочетъ повредить тебѣ, старайся предупредить его, сдѣлавъ ему добро.

Одинъ богатый отецъ семейства, при старости своей, хотѣлъ напередъ раздѣлить тремъ сынамъ своимъ имѣніе, бывшее плодомъ трудовъ его и промышлености. Раздѣливъ его на три равныя части и назначивъ каждому свою долю, — у меня остается, сказалъ онъ, драгоцѣнный перстень; назначаю его тому изъ васъ, кто лучше за-

служитъ его какимъ-нибудь благороднымъ и великодушнымъ поступкомъ, и на это даю вамъ времени три мѣсяца. — Тотчасъ три сына расходятся въ разныя стороны, и въ назначенное время опять приходятъ, являются къ отцу, и вотъ что старшій разсказываетъ:

„Любезный родитель, въ продолженіе моего отсутствія, одинъ иноземецъ находился въ такихъ обстоятельствахъ, что принужденъ былъ ввѣрить мнѣ свое имѣніе; онъ не взялъ отъ меня никакой письменной довѣренности, и не могъ бы на то представить никакого доказательства и даже никакаго признака на ввѣренныя мнѣ вещи; но я вѣрно ихъ возвратилъ ему: такая вѣрность не заслуживаетъ ли какой-нибудь похвалы? — „Ты сдѣлалъ, сынъ мой, то, что должно было сдѣлать, отвѣчалъ старикъ: поступивъ иначе, можно умереть со стыда; ибо честность есть долгъ; и такъ поступокъ твой основывается на справедливости, а не на благородствѣ души.“

Потомъ второй сынъ говорилъ о себѣ такъ: „во время моего путешествія находился я однажды на берегу озера: мальчикъ, по неосторожности, упалъ въ оное и начиналъ тонуть; но я вытащилъ изъ воды и спасъ жизнь его — въ глазахъ жителей того селенія, при которомъ находится сіе озеро;

они утвердятъ истину сего поступка. — „Хорошо,“ прервалъ отецъ, — „но въ семъ поступкѣ нѣтъ еще благородства, а только одно человѣколюбіе.“

Наконецъ, третій, меньшій братъ началъ говорить такимъ образомъ: — „любезный родитель, я нашелъ смертельнаго врага моего, который, заблудясь ночью, уснулъ на краю пропасти, не зная того; при малѣйшемъ движеніи онъ непремѣнно бы туда упалъ; жизнь его была въ моихъ рукахъ: но я постарался разбудить его, съ приличными обстоятельству предосторожностями, и отвлекъ его отъ того гибельнаго мѣста. — „Ахъ, любезный сынъ!“ — вскричалъ въ восхищеніи добрый отецъ, нѣжно цѣлуя его, — „тебѣ, безспорно тебѣ принадлежитъ драгоцѣнный перстень.“ —

ВОЗДАЯНІЕ ЗА ДОБРОЕ ДѢЛО.

Радость сдѣлавши добро, и удовольствіе быть любиму, суть самыя привлекательныя изъ всѣхъ наградъ.

ВОЗДЕРЖНОСТЬ, *умѣренность.*

Для нашихъ прихотей мало и цѣлой Сибири; безъ бережливости мало и золотыхъ горъ; а съ нею можно жить въ довольствѣ

посреди самой бѣдности; ибо бѣдность можетъ обратиться въ богатство съ помощію умѣренности. — Сколько бъ слабо ни было наше тѣло, но вы можете поддержать и продолжить свое существованіе, если обуздаете сластолюбіе, которое истребляетъ преждевременно большую часть людей. Если бы люди жили просто и пища ихъ не была бъ испорчена утонченностію приправъ, то врачебное искуство мало бы имѣло занятія. И такъ будемъ помнить то, что сохраняетъ наше здоровье и силы, а не то, что удовлетворяетъ чувственности. Ничто такъ не возвышаетъ человѣка, какъ воздержность, трезвость, постоянство и строгая непорочность нравовъ; и если бы самое здоровье почиталось за ничто, то не менѣе полезно и даже нужно довольствоваться малымъ. Богачи, плавающіе въ обиліи, не рѣдко находятся въ затруднительномъ положеніи отъ мѣста и времени. Никто не можетъ удовлетворить всѣхъ своихъ желаній; но тотъ меньше жалѣетъ, кто привыкъ себѣ отказывать. Необходимое подъ руками нашими, а излишнее сопряжено съ трудностями.

Нѣкоторые народы, какъ напримѣръ Лакедемоняне, руководимые Природою, которая довольствуется малымъ, доставляли себѣ благоденствіе воздержностью. Они всѣ

безъ различія ѣли за общимъ столомъ, и никто не смѣлъ отлучиться безъ важнѣйшихъ причинъ. Дѣти приводимы были къ сему столу, какъ въ школу воздержанія. Употребивши умѣренную пищу и питіе, они расходились вечеромъ безъ огня, чтобы привыкнуть безъ страха идти ночью и во мракѣ. Имъ запрещено было закономъ показывать нѣжность свою цвѣтомъ лица, приличную однѣмъ женщинамъ, и имѣть пѣло пучное и тяжелое; потому что это было признакомъ лѣности и праздности душевной. Чрезъ каждые десять дней дѣти представляемы были осмотру Эфоровъ, и если члены ихъ были нѣжны, вялы и потолстѣвшіе отъ праздности, то ихъ били ремнями.

Повѣствуютъ, что *Александръ* Македонскій, будучи вѣренъ воспитанію, полученному въ юношествѣ, и совершенно предавшись великимъ своимъ предпріятіямъ, отказалъ однажды поварамъ, присланнымъ къ нему Адою, сестрою Мавзола, и велѣлъ сказать, что они ему не нужны, — что у него есть два наставника, коихъ получилъ отъ наставника своего, Леонада: 1-й, трудъ до наступленія дня, приготовлявшій вкусной обѣдъ,—и 2-й, воздержность за обѣдомъ, которая доставляла превосходный ужинъ. Для чего же онъ не сохранилъ

столь похвальнаго навыка во всю жизнь свою? Онъ не пронзилъ бы грудь вѣрнаго друга своего, *Клита*, если бы не выпилъ Геркулесову чашу, и Вавилонъ не былъ бы свидѣтелемъ его смерти на 33-мъ году жизни и прекращенія его замысловъ и подвиговъ, если бы онъ не изпустилъ духъ свой отъ неумѣренности въ питіи! — Вотъ печальныя слѣдствія неумѣренности!

Воздержность, непріятельница всякаго пресыщенія, была, такъ сказать, матерью крѣпкаго сложенія Римлянъ. Можно здѣсь упомянуть о Сципіонахъ, Катонахъ, Фабриціяхъ и проч. Какое безкорыстіе! какая скромность и умѣренность въ сихъ великихъ людяхъ! какіе высокіе примѣры для потомства! „Изюмъ, груши и другіе плоды,“ говоритъ *Ювеналъ*, „составляли ужинъ Сенаторовъ, когда начала измѣняться строгость прежнихъ нравовъ.“ — *Курій* довольствовался овощами, имъ самимъ возращенными. Сидя у скромнаго своего камина, онъ самъ готовилъ кушанье, какое нынѣ презрѣли бы самые поселяне, обрабатывающіе поля наши.

Какое различіе между сими вѣками простоты и воздержности, и между тѣмъ вѣкомъ, въ которомъ мы живемъ! Нынѣ — не говоря о насъ самихъ — простое не нравится даже дѣтямъ. Въ ихъ возрастѣ должно

бы привыкать ко всякой пищѣ — преодолѣвать малѣйшее отвращеніе и безъ негодованія насыщаться самою обыкновенною пищею; — но сколько такихъ, которые съ небреженіемъ отдаляютъ отъ себя вкуснѣйшую пищу! и — съ первыхъ лѣтъ жизни ихъ — въ нихъ видишь уже посѣдѣлыхъ прожоръ, для коихъ должно изобрѣтать новые соусы почти ежедневно.

Всякая вещь отъ рѣдкаго употребленія пріятна. — Омерзѣніе, послѣдующее неразлучно за частымъ употребленіемъ забавъ, есть вѣрнѣйшій знакъ несовершенства ихъ.

ВОЛЬНОСТЬ. — *Чит.:* СВОБОДА.

ВОРОВСТВО, *кража, хищеніе.*

Воръ. — Это человѣкъ, коего нищета, или лѣность, или развратъ заставили отнимать у людей — силою или хитростію — то, въ чемъ бы добровольно ему отказали. Но бываетъ, что тотъ, кто укралъ одинъ франкъ, служитъ иногда посмѣшищемъ цѣлому городу; а кто въ душѣ своей увѣренъ, что онъ укралъ двѣсти тысячъ, иногда живетъ спокойно и не боится, чтобъ назвали его воромъ.

Въ комъ есть и совѣсть и законъ,
Тотъ не украдетъ, не обманетъ,

Въ какой бы нуждѣ ни былъ онъ, —
А вору дай хоть милліонъ,
Онъ воровать не перестанетъ. (*Крыловъ.*)

Одинъ мошенникъ, увидя богатаго купца, идущаго въ театръ, пошелъ за нимъ и сталъ позади, чтобъ обрѣзать у него съ кафтана золотыя пуговицы. По окончаніи перваго дѣйствія піэсы, воръ началъ проворить, а купецъ — усмотря это, вынулъ ножичекъ, и — улуча время, отрѣзалъ у вора ухо. Воръ вскричалъ: „мое ухо!“ — а тотъ — *мои пуговицы, пуговицы . . .*“ — „Вотъ на возьми ихъ . . .“ — *Вотъ изволь и твое ухо.*

ВОСПИТАНІЕ.

Физическое воспитаніе. *

Вообще физическое воспитаніе въ первыхъ двухъ лѣтахъ жизни есть весьма важное средство къ продленію оной. Сіе время надлежитъ собственно почитать продолженнымъ раскрытіемъ: первая часть раскрытія происходитъ въ матерней утробѣ; а вторая — не меньше важная, внѣ оной, въ первые два года жизни. Дитя раждается на свѣтъ только полуобразнымъ существомъ: но тутъ уже слѣдуетъ образованіе тонкихъ органовъ души и нервной системы, дыха-

---

* Соч. *Гуфланда.*

тельныхъ органовъ, мышечнаго движенія, зубовъ, костей, органовъ рѣчи и всѣхъ другихъ членовъ, какъ вразсужденіи ихъ вида, такъ и строенія. И такъ легко понять, что совершенство или несовершенство, краткость или долговѣчность всея жизни весьма много зависятъ отъ того, при какихъ обстоятельствахъ будетъ происходить сіе дальнѣйшее образованіе; обстоятельства же бываютъ или ускоряющія, или препятствующія и разслабляющія; а потому и въ сіе уже время можетъ положено быть основаніе тѣлу, больше или меньше опасностямъ подверженному и скорѣйшему или медленнѣйшему истощенію.

Слѣдственно не совсѣмъ равно, въ какое время года дитя родится въ свѣтъ, и въ семъ смыслѣ неоспоримо вліяніе счастливаго часа рожденія на физическое благосостояніе: то есть, дѣти раждающіеся весною, имѣютъ всегда мѣньшую смертность и больше надежды къ полученію здравія и долговѣчной жизни, нежели тѣ, кои происходятъ на свѣтъ въ началѣ зимы, въ Ноябрѣ, Декабрѣ и Январѣ; ибо первые могутъ гораздо раньше и долѣе наслаждаться свѣжимъ воздухомъ, не столь бываютъ изнѣживаемы мягкими постелями и жарко-натопленными комнатами; и самое всеоживляющее вліяніе весны и лѣта

дѣйствуетъ на нихъ и возвышаетъ ихъ жизненную силу. Мы видимъ это и на животныхъ: весеннія животныя всегда крѣпче и дѣятельнѣе осеннихъ и зимнихъ. Но сіе разумѣть надлежитъ только о нашемъ климатѣ.

Всѣ правила физическаго воспитанія могутъ приведены быть въ слѣдующія начала:

1. Всѣ органы, особливо тѣ, на коихъ непосредственно основано здравіе и продолженіе физической или тѣлесной жизни, долженствуютъ надлежащимъ образомъ быть устроены, упражняемы и приводимы къ возможной степени совершенства. Сюда причисляю желудокъ, лёгкія, кожу, сердце, систему сосудовъ и органы чувствъ: лёгкія наилучше укрѣпляются чистымъ свободнымъ воздухомъ, а въ послѣдствіи разговариваніемъ, пѣніемъ, бѣганіемъ; желудокъ — здоровыми, удобоваримыми, питательными, но не очень горячительными, раздражающими ястивами; кожа — наблюденіемъ чистоты, обмываніемъ, купаніемъ, чистымъ воздухомъ, температурою ни весьма теплою, ни весьма холодною, а въ послѣдствіи движеніемъ; сердце и система сосудовъ — всѣми вышепомянутыми средствами, особливо здоровою пищею, и въ послѣдствіи тѣлеснымъ движеніемъ.

2. Надобно подкрѣплять постепенное раскрытіе тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, но не препятствовать и не вспомоществовать много оному. Всегда смотрѣть должно на единообразное разпредѣленіе жизненныхъ силъ; ибо гармонія и равномѣрность движеній есть основаніе здравія и жизни. Къ сему служитъ въ началѣ обмываніе и свободной воздухъ, а въ послѣдствіи движеніе тѣлесное.

3. Должно уменьшать чувствительность къ болѣзненнымъ причинамъ, слѣдственно къ холоду, жару, а послѣ и къ небольшимъ безпорядкамъ и безпокойствамъ. Чрезъ сіе получится та польза, что съ уменьшеніемъ чувствительности уменьшается и жизненное истощеніе.

4. Надобно предварять всѣ могущія произойти въ тѣлѣ болѣзненныя причины, наприм. накопленіе слизистыхъ мокротъ, засореніе брыжейныхъ железъ, разныя оспропы и проч., и удалять всѣ недостатки, кои могутъ произойти отъ наружнаго давленія и ушибовъ, отъ узкихъ шнурованій, неопрятности и проч.

5. Должно доставлять питаніе жизненной силѣ (къ чему наилучшее средство свѣжій, чистый воздухъ) и особливо съ самаго дѣтства хранить цѣлительную силу натуры; ибо она есть величайшее намъ врожден-

ное средство учинять недѣйствительными болѣзненныя причины: сего достигнуть можно, если пѣло съ младенчества не слишкомъ пріучать къ искуственной помощи; а въ противномъ случаѣ, натура всегда будетъ полагаться на чужую помощь, и наконецъ потеряетъ способность сама себѣ помогать.

6. Не надобно съ самаго дѣтства приводить въ весьма большую дѣятельность жизненное истощеніе, — но содержать въ среднемъ тонѣ, дабы пріобрѣсть расположеніе жить медленно и долговѣчно.

Къ выполненію сихъ идей служатъ слѣдующія простыя средства, которыя, какъ я увѣренъ, составляютъ самой важной предметъ въ физическомъ воспитаніи.

При семъ мы должны различать два періода:

Первый періодъ, отъ рожденія до конца втораго года.

Здѣсь главные пункты состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Пища должна быть хорошая, нѣжному возрасту сообразная, слѣдственно удобоваримая, болѣе жидкая нежели твердая, свѣжая и здоровая, питательная, но не очень раздражающая или горячительная.

Натура сама показала наилучшее въ семъ руководство, опредѣля молоко для начинаю-

щагося человѣка. Молоко имѣетъ всѣ помянутыя качества въ совершенной степени: оно исполнено питательнаго вещества, но питаетъ не горяча и не раздражая; оно есть существа средняго между животною и растительною пищею, и потому соединяетъ свойства послѣдней съ свойствами мясной пищи; словомъ, оно совершенно приличествуетъ состоянію дѣтскаго тѣла.

Дѣтское тѣло живетъ гораздо скорѣе, нежели тѣло взрослаго человѣка, и чаще перемѣняетъ составныя части; притомъ оно требуетъ пищи не для сохраненія только, но и для непрестаннаго приращенія, которое никогда не происходитъ столь скоро, какъ въ первые два года жизни; слѣдственно дитя требуетъ много и самой питательной пищи; но имѣя слабыя пищеварительныя силы, оно не въ состояніи еще переработывать и обращать въ свое существо твердую или съ натурою его неоднородную (наприм. растительную) пищу; и для того питаніе его должно быть жидкое и въ натуру животную превращенное, по есть другимъ животнымъ обработанное и къ его существу приближенное; но младенецъ въ высокой степени раздражителенъ и чувствителенъ, такъ, что и небольшое раздраженіе, едва ощутительное для взрослаго, можетъ произвести въ немъ искуственную лихорадку,

или даже корчи и судороги; слѣдственно пища его должна быпь нѣжная и находиться въ приличномъ содержаніи къ раздражительности.

И потому почитаю однимъ изъ первыхъ законовъ природы и главнымъ средствомъ къ основанію долговѣчной и здоровой жизни то, чтобъ младенецъ въ первой годъ питаемъ былъ молокомъ матери или здоровой кормилицы.

Въ новѣйшія времена учинены нѣкоторыя отступленія отъ сего важнаго закона природы, кои безъ сомнѣнія весьма вреднымъ образомъ дѣйствуютъ на долговременность и здравіе жизни, и кои потому должны быть здѣсь разсмотрѣны. То есть, хотѣли воспитывать дѣтей одними растительными киселями, напр. овсянымъ и проч. Конечно, это можетъ быть полезно иногда и въ особенныхъ случаяхъ, но весьма вредно дѣлать изъ того всегдашнюю пищу; ибо кисель недовольно питаетъ, и, что всего хуже, онъ несовершенно превращается въ животную натуру младенца, и въ тѣлѣ его удерживаетъ еще нѣкоторую часть кислаго растительнаго свойства. Отъ сего дѣти становятся слабы и худы, непрестанно бываютъ мучимы вѣтрами, кислотою, мокротою и подвергаются засоренію железъ и золотушной болѣзни.

Еще хуже обыкновеніе кормить дѣтей (такъ называемою) саламатою; ибо, кромѣ окисанія, имѣетъ сія пища и тотъ вредъ, что засоряетъ нѣжные млечные сосуды и брыжейныя железы, и полагаетъ основаніе золотухѣ, чахоткѣ, Англійской болѣзни и проч.

Другіе, для избѣжанія сего вреда и отчасти изъ обезьянскаго подражанія Англичанамъ, избираютъ для дѣтей мясную пищу, также даютъ имъ вино, пиво и проч. Сей предразсудокъ особливо заслуживаетъ здѣсь быть разсмотрѣнъ; ибо онъ отъчасу болѣе находитъ послѣдователей, соотвѣтствуетъ модной въ нынѣшнее время возбудительной методѣ; при томъ и самые врачи не довольно усматриваютъ вредъ, отъ сего происходящій. Мясо укрѣпляетъ, говорятъ они, а младенецъ и требуетъ укрѣпленія; слѣдовательно нѣтъ приличнѣе для младенца мясной пищи. Но мои опроверженія на то слѣдующія: всегда долженствуетъ быть извѣстное содержаніе между питающимъ и питаемымъ, между раздраженіемъ и раздражительностію: чѣмъ больше раздражительность, тѣмъ сильнѣе можетъ дѣйствовать и малое раздраженіе; чѣмъ она слабѣе, тѣмъ слабѣе и дѣйствіе раздраженія. Но сія раздражительность въ человѣческой жизни находится всегда въ умаляющейся пропорціи. Въ первомъ періодѣ жизни бываетъ она са-

мая сильная, а потомъ слабѣетъ годъ отъ году, пока въ старости угаснетъ совершенно; и потому сказать можно, что молоко вразсужденіи раздражающей и крѣпительной силы будетъ для младенца то, что для взрослаго мясо, а для старика вино. Но дай прежде времени дитяти мясную пищу, и ты дашь ему такое раздраженіе, которое равняется въ дѣйствіи вину у взрослаго человѣка, которое для него очень сильно и самою природою не назначено. Слѣдствія того: младенецъ находится всегда въ искусственной горячкѣ, ускоряется обращеніе крови, умножается теплота и произраждается расположеніе къ сильнымъ воспалительнымъ припадкамъ; такой младенецъ, хотя и кажется цвѣтущь и полонъ, однако малѣйшая причина можетъ произвести великое волненіе въ крови его; и если придетъ время прорѣзыванія зубовъ или придетъ оспа, гдѣ стремленіе крови къ головѣ и безъ того бываетъ сильно, то всегда можно быть твердо увѣрену, что онъ не избѣгнетъ воспалительной горячки, судорогъ и постръла. Люди большею частію думаютъ, что можно умереть только отъ слабости; но и излишняя крѣпость и раздраженіе, въ состояніи нанести смерть, къ чему подать можетъ поводъ неблагоразумное употребленіе раздражительныхъ средствъ. Далѣе, та-

ковою пищею ускоряютъ въ дѣтяхъ съ самаго начала жизненное истощеніе, приводятъ въ чрезвычайную дѣятельность всѣ системы и органы, сообщаютъ расположеніе къ напряженной но припомъ и поспѣшной жизни, и надѣясь укрѣпить младенца, полагаютъ въ немъ основаніе кратковременнаго бытія. Сверхъ сего, не надлежитъ забывать, что такое преждевременное питаніе мясомъ весьма ускоряетъ и прорѣзъ зубовъ, и въ послѣдствіи самую возмужалость (средство, чрезвычайно сокращающее жизнь) и на самый характеръ имѣетъ дурное вліяніе. Всѣ мясомъ питающіеся люди и животныя бываютъ склонны къ жестокости и свирѣпству; напротивъ, растительная пища располагаетъ къ кротости и человѣколюбію. Я часто видѣлъ это на самомъ опытѣ: дѣти, коихъ рано и обильно кормить начали мясною пищею, становились всегда крѣпкими, но притомъ свирѣпыми и звѣрообразными; и сомнѣваюсь, чтобы такой характеръ могъ осчастливить какъ ихъ самихъ, такъ и другихъ. Безспорно, бываютъ случаи, что мясная пища можетъ даваема быть съ пользою прежде надлежащаго времени, то есть, слабымъ, безъ материняго молока воспитаннымъ, кислотою мучимымъ дѣтямъ; но тогда она служитъ лекарствомъ, и должна Врачемъ быть опредѣляема и пред-

писываема. Что сказано о мясѣ, то еще въ большей степени разумѣть надобно о винѣ, кофе, шоколадѣ и проч. Слѣдственно весьма важное правило въ физическомъ воспитаніи дѣтей будетъ то, чтобъ до половины перваго года не давать имъ ни мяса, ни мясныхъ похлебокъ, ни вина, ни кофе, а одно матернее молоко. Только въ половинѣ втораго года можно позволить легкой бульйонъ, а мясо не прежде — какъ по прорѣзаніи зубовъ, слѣдственно въ концѣ втораго года.

Но когда непреодолимыя препятствія не позволятъ матери самой питать дитя грудью (а такія препятствія не рѣдки въ наши времена, наприм. немощное состояніе, чахотное расположеніе, слабость нервовъ матери, при чемъ младенецъ больше бы потерялъ нежели выигралъ вразсужденіи долготы жизни) и даже нельзя будетъ найти здоровой кормилицы; въ такомъ случаѣ наступаетъ печальная необходимость воспитывать дитя искуственно, и хотя сія метода всегда имѣетъ нѣчто невыгодное для здравія и продолженія жизни, однако жъ во многихъ можно сдѣлать оную безвредною, если наблюдать слѣдующее:

Пусть младенецъ, если можно, питается грудью матери по крайней мѣрѣ первыя двѣ или четыре недѣли. Повѣрить нельзя, сколь сіе важно вразсужденіи перваго пері-

ода. Потомъ, вмѣсто материняго молока, кормить его козьимъ, либо ослицынымъ молокомъ; но всегда тотчасъ послѣ доенія и исполненнымъ еще жизненнаго тепла. Если жъ и это невозможно, то давать ему смѣсь изъ половины коровьяго молока и воды, но всегда теплую, и по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ день свѣжее молоко. При семъ нужно замѣтить, что не молоко должно нагрѣвать (ибо оно тотчасъ получитъ кислое свойство), а воду, которую всякой разъ примѣшивать къ нему при самомъ уже употребленіи. Во время сего искуственнаго питанія нужно уже раньше давать супъ изъ мелко-стертыхъ сухарей, мелко исполченнаго саго или *салепа* (кукушкины слезы), сваренаго съ половинными частями молока и воды; также легкіе нежирные бульйоны, яичную воду (яичной желтокъ, изтертый въ рюмкѣ воды и смѣшанный съ сахаромъ). Картофель вреденъ въ первые два года: онъ тяжелъ для нѣжнаго желудка; ибо содержитъ въ себѣ весьма вязкую и клейкую слизь.

2. Давать младенцу съ третьей недѣли (лѣтомъ раньше, а зимою позже) пользоваться свободнымъ воздухомъ, и продолжать сіе непрерывно, не смотря ни на какую непогоду.

Дѣти и растенія совершенно сходствуютъ въ семъ между собою: доставляй имъ въ изобиліи питаніе, теплоту и проч; но отними у нихъ воздухъ и свѣтъ, то они поблекнутъ, сдѣлаются блѣдны, перестанутъ расти и наконецъ умрутъ совершенно. Воздухъ и находящіяся въ немъ оживляющія части составляютъ столь же необходимое, или еще нужнѣйшее питаніе жизни, нежели яства и питье. Я знаю дѣтей, которые по тому только остались на всю жизнь слабы и блѣдны, что въ первые лѣта воспитываемы были такъ, какъ воспитываются растенія въ парникахъ; когда, напротивъ того, ежедневное наслажденіе свѣжимъ воздухомъ, сія—такъ сказать—ежедневная воздушная ванна есть единственное средство, могущее сообщить на всю жизнь будущему существу цвѣтущую краску, силу, дѣятельность и живость. Отсюда проистекаетъ еще и та выгода, что симъ образомъ совершается важная часть патологическаго загрубѣнія, и тѣло въ послѣдствіи учиняется способно сносить перемѣны тепла, холода, погоды и проч.

Лучше всего, если дитя наслаждается свободнымъ воздухомъ на мѣстѣ, удаленномъ отъ жилищъ и покрытомъ травою и деревьями; а воздухъ въ городскихъ улицахъ гораздо меньше полезенъ.

5. Каждой день обмывать всего младенца свѣжею холодною водою. Наблюденіе сего правила необходимо нужно къ сохраненію кожи въ чистотѣ и дѣятельности, къ укрѣпленію всей нервной системы и основанію здоровой и долговѣчной жизни. Сіе обмываніе дѣлать ежедневно съ самаго рожденія, въ первыя недѣли теплою водою, а послѣ холодною, и притомъ (что составляетъ весьма важное обстоятельство) свѣжею, лишь только почерпнутою изъ родника; ибо и простая вода имѣетъ тонкія составныя части (твердый воздухъ), которыя улетаютъ, если она постоитъ нѣсколько времени незакрытою, и которыя однако жъ сообщаютъ ей особенную крѣпительную силу. Сіе обмываніе должно производить скоро, и тотчасъ послѣ онаго обтирать все тѣло; ибо продолжительное орошеніе простужаетъ, но поспѣшное обтираніе согрѣваетъ. Еще и то замѣтить нужно, что не должно мыть младенца тотчасъ послѣ сна и вообще когда у него сильна испарина.

4. Сажать младенца каждую недѣлю — одинъ или два раза — въ теплую воду, коей температура должна быть равна температурѣ лишь только выдоеннаго молока, по Реомюрову термометру 24, 26 град. Сіе превосходное средство соединяетъ въ себѣ та-

кое множество чрезвычайныхъ силъ, и такъ прилично дѣтскому возрасту, что я назвалъ бы его подлиннымъ таинствомъ физическаго совершенствованія и образованія человѣка. Оно очищаетъ и оживляетъ кожу, дѣлаетъ свободнымъ безъ ускоренія раскрытіе силъ и органовъ, даетъ равномѣрность движенія крови, гармоническую соотвѣтственность всѣмъ тѣлеснымъ дѣйствіямъ (первоначальное основаніе здравія), освобождаетъ отъ испортившихся частей соки, укрѣпляетъ нервную систему, умѣряетъ сильную раздражительность волоконъ и быстроту жизненнаго истощенія. Я увѣрительно могу сказать, что — кромѣ сего — не знаю другаго средства въ физическомъ воспитаніи, которое бы столь совершенно соединяло всѣ условія, потребныя къ основанію здравой и долговѣчной жизни. Сія ванна не должна состоять изъ одной отварной воды, но изъ свѣжей, только что въ родникѣ почерпнутой, къ которой прибавить горячей воды, сколько потребно до показанной степени тепла. Лѣтомъ лучше всего вода отъ солнечныхъ лучей нагрѣвшаяся. Сіе купаніе въ первомъ періодѣ жизни должно продолжаться четверть часа, а въ послѣдствіи болѣе; но никогда не должно предпринимать его въ первые часы послѣ кормленія.

5. Не должно изнѣживать дѣтей очень теплымъ содержаніемъ, слѣдственно теплою покоевъ, теплыми пуховиками, теплымъ платьемъ и проч. Сіе весьма умножаетъ раздражительность и жизненное истощеніе, разслабляетъ волокна и кожу, ускоряетъ раскрытіе органовъ и силъ, располагаетъ ко всегдашнему потѣнію, и слѣдственно къ непрестанной простудѣ. Особливо считаю за полезное — пріучать дѣтей съ самаго начала спать на шюфякахъ, набитыхъ конскими волосами, или мохомъ. Они не принимаютъ очень большаго тепла, имѣютъ больше упругости, и — не уступая давленію, принуждаютъ младенца лежать вытянувшись прямо, а тѣмъ самымъ предохраняютъ его отъ горбовъ и преждевременнаго пробужденія дѣтородныхъ силъ. Въ зимніе морозы можно класть сверхъ шюфяка мягкую перяную подушку.

6. Платье должно быть просторное, которое нигдѣ бы не давило, и сшито не изъ толстой и испарину удерживающей матеріи (напр. шуба), но изъ такой, которую можно часто перемѣнять или мыть, лучше всего изъ бумажной, а въ холодныя зимы изъ легкой шерстяной матеріи. Надлежитъ удалять всѣ тѣсныя перевязки, тугія шнурованья, узкіе башмаки и проч.; они могутъ положить основаніе болѣзнямъ,

кои въ послѣдствіи сокращаютъ продолженіе жизни. Голову совсѣмъ не должно покрывать съ четвертой либо шестой недѣли, смотря по тому, какое будетъ время года.

7. Хранить прилѣжно чистоту, то есть перемѣнять каждой день рубаху, каждую недѣлю платье, каждый мѣсяцъ постелю; удалять дурныя испаренія, особливо не терпѣть многолюдства, не вѣшать ни мокраго, ни чернаго бѣлья въ дѣтскомъ покоѣ. Наблюденіе чистоты есть половина жизни для дѣтей; чѣмъ они чище содержатся, тѣмъ и возраспаютъ лучше. Единая чистота, при весьма умѣренномъ питаніи, можетъ въ коротkое время учинить ихъ крѣпкими и живыми; напротивъ того, безъ чистоты, при самой обильной пищѣ, они дѣлаются слабы и немощны. Сіе составляетъ ту неизвѣстную причину, отъ которой многіе дѣти худѣютъ и увядаютъ; непросвѣщенные жъ люди часто приписываютъ то колдовству или очарованію: но единое пренебреженіе чистоты есть тотъ злой демонъ, который овладѣваетъ ими, и наконецъ ихъ пожираетъ.

Второй періодъ, отъ конца втораго до двѣнадцатаго и четырнадцатаго года. Въ разсужденіи онаго слѣдующее примѣчать должно:

1. Продолжать по вышесказанному наблюденію чистоты, холодное умыванье, ба-

нію и легкое одѣяніе тѣла на свободномъ воздухѣ.

2. Діета недолжна быть очень искуственна или строга. Въ семъ періодѣ лучше всего пріучать дѣтей ко всему и кормить ихъ мясною и растительною пищею, только не слишкомъ много и не весьма часто. Я увѣряю, что при надлежащемъ наблюденіи прочихъ пунктовъ физическаго воспитанія, тѣлеснаго движенія, чистоты и проч., не нужно никакой очень деликатной и строгой діеты, чтобъ имѣть здоровыхъ дѣтей. Посмотрите на крестьянскихъ дѣтей: сколь они здоровы и крѣпки безъ всякой Медицинской діеты! Не надлежитъ здѣсь поступать такъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ поступаемо было, наприм.: кормить грубою пищею, и притомъ нѣжить мягкою постелею, сидячею жизнію и праздностью (такимъ же образомъ иные употребляли холодныя ванны, но вмѣстѣ удерживали теплыя комнаты, теплые пуховики и проч.) Я повторю еще сказанное мною, что главный пунктъ хорошаго воспитанія состоитъ въ томъ, чтобъ наблюдать одинакой тонъ и не соединять противорѣчащихъ поступковъ. Весьма хорошо давать дѣтямъ ѣсть четыре раза въ день въ извѣстные часы, и вѣрно слѣдовать сему порядку. Одно, чего недолжно получать имъ, суть — пряныя веще-

ства, кофе, шоколадъ, здобные пирожки, сахарныя закуски, конфекты, грубая мучная пища и сыръ. Для питья нѣтъ ничего лучше свѣжей и чистой воды; а къ пиву пріучать дѣтей позволить бы только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ чистой ключевой воды.

3. Тѣлесное движеніе должно быть въ семъ періодѣ первымъ началомъ физическаго воспитанія. Пусть дитя проводитъ большую половину дня въ тѣлесныхъ движеніяхъ, въ гимнастическихъ играхъ всякаго рода, и притомъ на свободномъ воздухѣ, гдѣ онѣ всего полезнѣе. Сіе укрѣпляетъ невѣроятно, придаетъ тѣлу особенную дѣятельность, способствуетъ равномѣрному разпредѣленію силъ и соковъ, и предохраняетъ отъ недостатковъ въ ростѣ и образованіи.

4. Не надобно прежде времени принуждать дитя къ ученію: весьма вреденъ предразсудокъ, что будто нельзя довольно скоро начать онаго. Можно, безъ сомнѣнія, слишкомъ скоро начать, ежели избрать къ сему такое время, когда еще натура занята образованіемъ тѣлесныхъ силъ и органовъ, и употребляетъ на то всю свою силу, что продолжается даже до седьмаго года. Если тогда принуждать будешь дитя къ сидячей жизни и ученью, то похитишь у тѣла его самую благородную часть силъ, которая

истощится на размышленіе; а изъ сего произойдетъ остановка въ ростѣ, несовершенство въ образованіи членовъ, слабость мышечныхъ частей, худое пищевареніе, дурные соки, золотуха, перевѣсъ нервной системы въ цѣлой машинѣ, который во всю жизнь отягощать будетъ нервными припадками, ипохондріею и проч. Но и здѣсь многое зависитъ отъ разности организаціи и бо́льшей или меньшей живости духа. Вообще усердно прошу, дѣлать противное тому, что обыкновенно дѣлаютъ. Если дитя прежде времени склонно къ размышленію и ученью, то — вмѣсто того, чтобы поощрять его къ сему, гораздо будетъ лучше заставить его позже учиться; ибо такое преждевременное созрѣніе есть большею частію болѣзнь, по крайней мѣрѣ ненатуральное состояніе, которому препятствовать, а не способствовать надлежитъ (развѣ кому угоднѣе будетъ воспитать изъ дитяти чудо учености, а не здороваго и долговѣчнаго человѣка). Напротивъ того, дитя, которое больше есть тѣло, нежели умъ, и въ коемъ медленно раскрывается сей послѣдній, можно нѣсколько раньше и сильнѣе поощрять къ размышленію и упражнять въ ономъ. При семъ и то сказать надобно, что многоразличной вредъ преждевременнаго упражненія происходитъ не столько отъ напряже-

нія ума, сколько отъ сидѣнія въ комнатѣ, отъ запертаго и испортившагося воздуха, въ которомъ дѣти занимаются своимъ дѣломъ; по крайней мѣрѣ отъ сего вдвое умножается слабость. Я увѣренъ совершенно, что гораздо бъ меньше было вреда, если бъ въ хорошую погоду заставляли ихъ упражняться на свободномъ воздухѣ, гдѣ припомъ всегда раскрыта предъ глазами книга природы, которая (если только учитель самъ разумѣетъ ее) гораздо пристойнѣе и занимательнѣе для дѣтей — при первомъ наставленіи, нежели всѣ печатныя и писменныя книги.

5. Не давать съ самаго начала, никакого раздражительнаго, крѣпкаго, питательнаго кушанья и питья. Многіе, начиная прежде времени пріучать дѣтей къ мясу, вину, кофе и проч., конечно не думаютъ, что симъ дѣлаютъ имъ вредъ; особливо жъ вредно кормить ввечеру мясомъ, крупными яицами, пряными или вѣтры производящими веществами, наприм.: картофелемъ; вредно также и не задолго до сна давать ужинать.

6. Употреблять каждой день помянутое холодное умыванье, дозволять дѣтямъ наслаждаться свободнымъ воздухомъ, и одѣвать ихъ легко.

7. Спать должно имъ не на перинахъ, а на тюфякахъ; ложиться въ постелю ввечеру

послѣ хорошаго движенія и довольно упомясь, а поутру вставать тотчасъ, какъ скоро проснутся. Сіе время нѣженья въ постелѣ, между сномъ и бодрствованіемъ, особливо подъ теплымъ одѣяломъ, есть одна изъ самыхъ вредныхъ привычекъ.

8. Каждой день упражнять ихъ довольно въ тѣлесномъ движеніи, такъ, чтобъ естественное количество силъ разпредѣляемо и отводимо было; ибо если такое бѣдное дитя цѣлой день будетъ сидѣть и находиться въ страдательномъ положеніи тѣла, то удивительно ли, когда силы, которыя хотятъ и должны дѣйствовать, получатъ ненатуральное направленіе? Пусть дитя или молодой человѣкъ бѣгаетъ, прыгаетъ и проч. на свободномъ воздухѣ даже до утомленія.

9. Не напрягать очень рано и сильно органовъ ума и чувствованія; чѣмъ болѣе будешь ихъ утончевать и совершенствовать, тѣмъ больше расположишь тѣло къ разслабленію. И потому я согласенъ съ Древними, что до четырнадцати лѣтъ не надлежитъ говорить съ дѣтьми ничего относительно къ дѣторожденію: къ чему натура не имѣетъ еще опредѣленнаго органа, о томъ не должно имѣть и никакого понятія; въ противномъ же случаѣ понятіе можетъ прежде времени произвести органъ.

10. Также остерегать дѣтей отъ комедій, романовъ и стихотвореній, возбуждающихъ подобныя чувствованія. Ничего не должно допускать до нихъ, что можетъ воспламенять воображеніе и склонять его къ онымъ. Такъ наприм., многимъ весьма было вредно чтеніе нѣкоторыхъ древнихъ стихотворцевъ или упражненіе въ Миѳологіи; а потому и въ семъ смыслѣ гораздо лучше начинать упражненіе съ познанія Природы, царства растеній, животныхъ, экономіи и проч. Сіи предметы не возбуждаютъ таковыхъ губительныхъ наклонностей, но сохраняютъ чистое натуральное чувствіво, которое служитъ наилучшимъ отъ нихъ предохраненіемъ.

Средства лучшаго физическаго воспитанія человѣка.

1. Ежедневное мытье дѣтей холодною водою, къ которой постепенно должно ихъ пріучать.
2. Тепловатая ванна, или мытье теплою водою одинъ разъ въ недѣлю.
3. Дневная воздушная баня, то есть, ежедневное наслажденіе вольнымъ воздухомъ.
4. Чистота и опрятность, то есть, частая перемѣна бѣлья.

Сіи средства суть тотъ источникъ, отъ котораго достигаютъ великой цѣли, то есть: образованія здоровыхъ и долговѣчныхъ людей.

Воспитаніе физическое и нравственное.

Всякаго благоразумнаго человѣка обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ доставить дѣтямъ своимъ тѣлесное здравіе, основательный разумъ, твердую душу, хорошій нравъ, доброе сердце.

Что касается до тѣла: — если оно здороваго сложенія, то Природа предписываетъ почти одно правило, которое состоитъ въ томъ, чтобъ *дать ей свободно дѣйствовать, дабы она непринужденно производила свои впечатлѣнія и законы, и заблаговременно бы приспособлена была ко всему*. Природа же гораздо надежнѣе и знающѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, нежели всякое искуство, которымъ мы, желая исправить ее, только стѣсняемъ ее и дѣлаемъ принужденною. Чѣмъ болѣе сближаемся съ природою, тѣмъ болѣе сердце наше отверзается гласу ея.

Къ чему служатъ дѣтямъ сіи свивальники, шнурованья изъ китовыхъ костей и стальныхъ полосокъ, которыя, подъ мнимымъ предлогомъ исправленія стана, стѣсняютъ ихъ дыханіе, препятствуютъ обращенію крови въ жилахъ? Къ чему служитъ

все это? Развѣ только къ однѣмъ слезамъ, къ жалобамъ и роптанію ихъ? Невинныя эти жертвы не только мучатся и дѣлаются нездоровыми отъ сихъ жестокихъ изобрѣтеній нашихъ; но, подобно нѣжнымъ деревцамъ, у коихъ отъ перевязыванія остановлено теченіе сока, слабѣютъ и весьма худо растутъ; члены ихъ не пріобрѣтаютъ такого проворства, силы и крѣпости, кои видны въ природѣ, искуствомъ неугнетаемой.

Надобно одѣвать дѣтей въ легкое и просторное платье; отъ сего они будутъ здоровы и полезны себѣ и другимъ.

По мнѣнію *Локка*, сложеніе дѣтей по большой части портится отъ излишней нѣги и чрезмѣрнаго баловства. Часто случается, что дѣти цѣлой день бываютъ въ состояніи плакать, когда примѣтятъ, что другіе не хотятъ, дабы они плакали; а что еще хуже: упрямство, укоренившееся въ нихъ отъ сей привычки, усиливается еще болѣе съ лѣтами. Та же самая причина, которая заставляетъ ихъ быть крикливыми въ трехлѣтнемъ возрастѣ, дѣлаетъ ихъ упрямцами въ 12 лѣтъ, сварливыми въ 20, своевольными въ 30 и несносными во всю жизнь.

Продолжительный плачъ младенца, который ни связанъ, ни боленъ и ни въ

чемъ нужды не имѣетъ, есть плачъ упрямства и дурной привычки. Лучшій и единственный способъ къ исцѣленію и предупрежденію сей привычки есть невниманіе къ оной. Никто не любитъ напрасныхъ мученій, даже и самые младенцы.

Матери не такъ должны поступать съ дѣтьми своими, какъ располагаетъ къ нимъ слѣпое пристрастіе; но такъ, какъ заставляетъ благоразумная любовь. „Пріучайте ихъ, говоритъ *Монтань,* къ жару, къ стужѣ, къ вѣтру, къ солнечному зною и ко всѣмъ перемѣнамъ, которыя имъ должно переносить; напротивъ, не пріучайте ихъ къ нѣгѣ, мягкимъ одеждамъ и постелямъ, къ напиткамъ и сладкимъ кушаньямъ; старайтесь, чтобъ они не были женоподобные красавчики, но были цвѣтущіе и крѣпкіе юноши.

Должно мыть ихъ холодною и теплою водою не вдругъ, но съ нѣкоторою перемѣною; пусть они привыкаютъ, для безопасности, заблаговременно мыть ноги холодною водой, какъ обыкновенно мы моемъ руки безъ всякаго вреда.

Надобно, чтобъ они ходили много, но безъ усталости; чтобъ бѣгали, прыгали и рѣзвились, но умѣренно: тѣлодвиженіе сдѣлаетъ ихъ не только сановитыми и пріятными, но даже сильными и проворными.

Не надобно давать имъ пить ни вина, ни пива, ни водки, ни чаю, ни кофе, ни шоколаду.

Мать, изнѣживая дѣтей своихъ, дѣлаетъ ихъ слабыми, крайне чувствительными къ малѣйшимъ впечатлѣніямъ и неспособными сносить никакого труда, болѣзни и несчастія.

Весьма нужно дѣтямъ много спать; только не должно имъ спать вмѣстѣ съ старымъ человѣкомъ, ибо это для нихъ очень вредно.

Нужно, чтобъ они имѣли ежедневное испражненіе на низъ. Это замѣчаніе для нихъ важно. Также: чтобъ они прогуливались ежедневно на чистомъ воздухѣ, какова бы погода ни была. Въ жаркихъ комнатахъ не должно держать дѣтей.

Никогда не должно пугать ихъ незапнымъ шумомъ или крикомъ. Особенно вредны для нихъ сказки о домовыхъ, о чертяхъ, о мертвецахъ, о медвѣдяхъ; родители должны имѣть о семъ великое попеченіе.

Надобно пріучать пятилѣтнихъ дѣтей къ холоду; но только должно имъ убѣгать сырости.

Не надобно, чтобъ они были знобки или чувствительны къ стужѣ, и непріучать ихъ грѣться у огня передъ каминомъ, или у печки, или на лежанкѣ; чрезъ это они

избѣгнутъ отъ насморковъ, флюсовъ и простудъ.

Замѣчено вообще, что тѣ части тѣла, кои болѣе выставлены бываютъ на холодъ, дѣлаются къ нему нечувствительными. Никто не жалуется, что лице и глаза много зябнутъ. Женщины, привыкшія открывать грудь, никакого вреда отъ сего не чувствуютъ. Философъ *Скифъ*, который ходилъ нагой среди зимы, отвѣчалъ тѣмъ, кои ему удивлялись: *Я весь голъ какъ лице* (je suis tout visage.)

Не должно имъ много стричь волосъ. Надобно, чтобъ они держали плеча назадъ, а грудь впередъ.

Не давать имъ ѣсть горячихъ щей или супу; не давать грызть орѣховъ, — ибо отъ сего зубы могутъ испортиться и въ совершенныхъ лѣтахъ.

Пріучить дѣтей — каждое утро полоскать ротъ холодною водой, и по рюмкѣ оной давать имъ пить натощакъ.

Сырыхъ плодовъ и ягодъ никогда не должно давать ѣсть дѣтямъ.

Никогда не должно бить дѣтей: наказаніе ихъ должно состоять въ томъ, чтобъ лишать ихъ того, что имъ болѣе всего нравится, и возбуждать въ нихъ самолюбіе, стыдя ихъ при другихъ людяхъ.

Начинать учить ихъ должно не прежде 7-ми лѣтъ.

Послѣ ученія, непремѣнно нужно для дѣтей тѣлодвиженіе.

Поутру, когда они встаютъ, заставлять ходить ихъ босикомъ.

Кровать ихъ должна быть безъ занавѣсъ, тюфякъ ровный и гладкій стеганой, набитый сѣномъ или соломой, и чтобъ комната была сухая и освѣщаемая солнцемъ; чтобъ подушки на кровати не были высоки и голова дитяти не очень высоко лежала во время сна; также не надобно очень тепло имъ одѣваться въ постелѣ. Пріучить ихъ рано ложиться спать и рано поутру вставать.

Непремѣнно нужно, чтобъ дѣти упражнялись въ разныхъ тѣлодвиженіяхъ, но только безъ большой усталости, и чтобъ бѣгали болѣе съ открытою головой и грудью. Не надобно имъ ни перчатокъ, ни муфты, ни трости.

Медленными и тихими стопами, говоритъ *Руссо*, можно довести совершеннаго человѣка и ребенка до неустрашимости во всемъ. Чтобъ предохранить питомца отъ страха, производимаго темнотою, пушечными выстрѣлами, громовыми ударами и прочими предметами, наводящими ужасъ, надобно заблаговременно и нечувствительно познакомить его со всемъ тѣмъ, что наво-

дить страхъ; напримѣръ: ежели я хочу пріучить его къ огнестрѣльному оружію, то сначала спущу курокъ у пистолета, который еще не заряженъ; сверькающее и скоро исчезающее пламя послужитъ ему забавою; потомъ повторю сіе, положа пороху; мало по-малу буду присоединять къ сему небольшіе заряды; послѣ того увеличу ихъ, и продолжу это до тѣхъ поръ, пока онъ привыкнетъ къ ружейному выстрѣлу, наконецъ къ пушечному и къ самому ужаснѣйшему грому.

Богъ сотворилъ человѣка способнымъ подражать Его совершенствамъ, сколько дозволяетъ то слабость человѣческая,— и человѣкъ становится тѣмъ больше великимъ, чѣмъ болѣе приближается къ Образцу своему.

Совершенное счастіе на свѣтѣ состоитъ въ томъ, чтобъ — имѣть основательный разумъ, добродѣтель и доброе здоровье. Сіи три выгоды заключаютъ въ себѣ всѣ другія, такъ, что рѣдко тотъ, кто оныя имѣетъ, чего-нибудь еще могъ бы пожелать; а если кто лишенъ одной или другой изъ нихъ, то уже непремѣнно бываетъ несчастливъ; и такъ недостаточно еще — доставить дѣтямъ хорошее тѣлосложеніе; но надобно также, чтобъ воспитаніе въ то же время просвѣтило ихъ разумъ и сердце.

Всякой человѣкъ долженъ усердно выполнять свою должность, къ которой онъ опредѣленъ Провидѣніемъ: это первый предметъ нравственнаго воспитанія; ибо опытами многихъ вѣковъ дознано, что люди неученые, то есть неграмотные, всегда были грубѣе и развращеннѣе, а хорошо выученные подавали собою примѣръ добродѣтели и повиновенія законамъ.

Извѣстно, что если въ комъ привычка къ трудамъ и размышленію не укоренилась въ дѣтствѣ, то таковые дѣлаются неспособными къ упражненію на всю жизнь, — а праздность есть начало всѣхъ пороковъ и преступленій. Безъ труда и великіе таланты вяряются.

Во-первыхъ, должно внушать дѣтямъ *нравственность* и *законъ*.

Нравственность есть столь естественное знаніе для человѣка, что оно, кажется, вмѣстѣ съ нимъ раждается. „Нравственность есть *крѣпкій жезлъ для надежнаго шествія по многотрудному пути жизни*;“ она есть Наука должностей и чувствованій нашихъ; она несравненно полезнѣе знанія языковъ; она есть Наука мудрости и счастія, Наука — вразумляющая насъ сопрягать истинное благо наше съ благомъ другихъ, и непозволяющая почитать полезнымъ то, что безчестно. Самыя главныя прави-

ла сей Науки весьма ясны, просты и всякому удобопонятны: *не дѣлай другимъ того, чего себѣ не хочешь; но дѣлай имъ все то, чего самъ себѣ желаешь. Люби Бога, люби подобныхъ себѣ.* Словомъ сказать, сія Наука есть ученіе, приличествующее всѣмъ человѣкамъ; она есть первая и послѣдняя Наука въ сей жизни; она должна господствовать и распоряжать всѣми другими знаніями, опредѣлять выборъ ихъ, предписывать цѣль онымъ, открывать ихъ цѣну и показывать возмездіе за оныя. *Монтескье,* говоря о величіи Рима, сказалъ: *„изобиліе состоитъ во правахъ, а не въ богатствѣ.“*

Надобно напитать дѣтей Закономъ, безъ коего истинное нравоученіе существовать не можетъ. *Евангеліе,* при величественной простотѣ своей, вразумляетъ насъ несравненно болѣе, нежели другія пышныя знанія. Съ какою умилительною радостью мы раскрываемъ священную книгу сію! Одно слово высочайшей Премудрости болѣе поражаетъ душу и сердце наше, нежели суетныя выраженія мудрецовъ нынѣшняго свѣта. Какъ пріятно и утѣшительно для насъ слышать изъ божественнаго Слова Ея, *что Она управляетъ всѣми происшествіями, самое зло обращаетъ въ добро для любящихъ ее, и прибѣгающихъ къ ней въ несчастіи не оставляетъ; что Она не попускаетъ намъ*

быть искушаемыми свыше силъ нашихъ, и что ни одинъ волосъ съ головы нашей безъ воли ея погибнуть не можетъ. Такимъ образомъ будучи просвѣщены драгоцѣннымъ свѣтомъ Небесной Премудрости, мы должны благодарить Ее за всякое внушаемое намъ благо, и повиноваться Ей при всѣхъ искушеніяхъ, на насъ низпосылаемыхъ.

Блаженство жизни основано Всевѣчнымъ на *добродѣтели, любви* и *дружбѣ*. Добродѣтель же состоитъ въ исполненіи нашихъ обязанностей.

Надобно всѣми мѣрами внушать дѣтямъ *добродѣтель*.

Добродѣтельный человѣкъ въ счастіи и несчастіи спокойно наслаждается Богомъ и самимъ собою; восхищается всею природою, утѣшается безъ страха и зависти тѣмъ, что видитъ добраго въ ближнихъ своихъ; старается содѣлать счастіе ихъ совершеннѣйшимъ; и всякое зло, съ нимъ встрѣчающееся, котораго онъ отвратить не можетъ, переноситъ безъ огорченія и досады. Кажется, все улыбается отъ его взора, все украшается отъ его прикосновенія. Онъ дѣлаетъ столько добра, сколько можетъ; никто не обвиняетъ его въ своемъ несчастіи; ни чья горькая слеза не отравляетъ его радостей. Онъ не допускаетъ никого страдать въ злоключеніяхъ, кромѣ тѣхъ, кои,

нанося вредъ другимъ, сами себя дѣлаютъ несчастными. Ежели онъ заставляетъ другихъ плакать, то сіи слезы текутъ отъ сострадания и благодарности. Онъ появляется — и гласъ похвалы и веселія вокругъ его раздается. Всѣ около его наслаждаются счастіемъ: ибо благополучіе другихъ есть главный предметъ его желаній; а находясь посреди облагодѣтельствованныхъ имъ людей, можетъ ли онъ самъ быть несчастливъ?

Ненадобно давать дѣтямъ читать романы. *Руссо* изложилъ слѣдующее правило, впрочемъ согласное съ опытомъ и здравымъ разсудкомъ: *благовоспитанная дѣвица не должна читать романовъ*. Утонченность вкуса, царствующаго въ большихъ городахъ, хитрая придворная политика, ослѣпительный блескъ роскоши, Эпикурейское нравоученіе — вотъ наставленія, почерпаемыя изъ романовъ! Многіе жалуются, что романы кружатъ голову; это весьма вѣроятно. Они, безпрестанно представляя читателямъ мнимыя выгоды того состоянія, въ которомъ другіе находятся, заставляютъ ихъ презирать собственный жребій и мысленно мѣняться его на то состояніе, которое очаровало ихъ воображеніе. Сіи легкомысленные люди желаютъ быть тѣмъ, въ чемъ судьба имъ отказала, и чѣмъ пользуются другіе, и доходятъ наконецъ до того, что

смотрятъ на себя совсѣмъ другими глазами. Послѣ сего можно ли повѣрить, чтобъ такіе люди имѣли основательное о вещахъ понятіе и здравый разсудокъ? — *(Руссо.)*

„Самой надежнѣйшій способъ укрощать пороки — состоитъ въ уменьшеніи нуждъ.“ — Нѣкто сказалъ весьма хорошо: „Натура требуетъ нужнаго, разумъ хочетъ полезнаго, самолюбіе ищетъ пріятнаго, а страсть излишняго.“ — Распутство всѣми почитается необходимымъ слѣдствіемъ роскоши. Все трудно для людей, воспитанныхъ въ нѣгѣ. Есть въ нихъ отважность, но недостаетъ силъ. Людямъ, довольствующимся однимъ только нужнымъ, остается только желать славы отечества и своей собственной. Но душа, развращенная роскошью, имѣетъ много другихъ желаній; она скоро дѣлается врагомъ законовъ, кои ограничиваютъ ее. — *Франклинъ* сказалъ: „Кто покупаетъ излишнее, тотъ скоро продастъ нужнѣйшее.“ —

Скупой человѣкъ только и дѣлаетъ хорошаго — что умираетъ. Какъ можно ему быть хорошимъ для другихъ, когда уже онъ для себя безполезенъ?

Три *много* и три *мало* бываютъ весьма пагубны для человѣка: много говорить и мало знать, много проживать и имѣть мало доходовъ; много о себѣ думать и стоить мало!

Корыстолюбіе и честолюбіе, сіи опасныя страсти влекутъ за собою коварство и подлость, раждаютъ неправды и пороки. Весьма часто принуждая искать съ безпокойствомъ ложной славы, онѣ повергаютъ въ стыдъ и поношеніе, и, дѣлая несчастіе другимъ, всегда составляютъ собственное наше мученіе.

Философъ *Платонъ* сказалъ: „Гдѣ пренебрегаютъ хорошимъ воспитаніемъ, тамъ имѣютъ великую нужду въ Докторахъ и Судіяхъ.“

Что должно оставлять въ наслѣдство дѣтямъ своимъ? спросилъ одинъ Французскій дворянинъ Рыцаря *Баяра*. „*То*, отвѣчалъ онъ, *надъ чѣмъ не властны ни время, ни люди: благоразуміе и добродѣтель.*“

Только чрезъ воспитаніе дѣлается человѣкъ тѣмъ, что онъ есть: добрымъ или злымъ. Законы и наказанія могутъ удерживать совершеніе зла (хотя и не всегда), но никогда не образуютъ человѣка. Только то, что сообщается намъ во время дѣтства и юности, переходитъ въ наше существо, и такъ соединяется съ нашею натурою, что во всю жизнь не можемъ совершенно избавиться отъ него, будетъ ли оно доброе, или злое. Пріобрѣтаемое же послѣ сего времени, составляетъ нѣчто постороннее, которое навсегда остается только поверхностны мъ

и никогда не можетъ содѣлаться совершенною нашею собственностью.

Извѣстно, сколь глубоко вкореняться могутъ въ дѣтствѣ предразсудки, пороки и суевѣрія, напр.: страхъ привидѣній и проч., такъ, что въ послѣдствіи ничѣмъ ужѐ не могутъ они быть истреблены. Тѣмъ больше мы должны пользоваться симъ періодомъ жизни, дабы насаждать сѣмена добродѣтели и благородныхъ чувствъ; ибо они въ послѣдствіи столь же будутъ неизгладимы, и человѣкъ получитъ тогда благую, добродѣтельную способность, которой не могутъ сообщить даже ученыя и глубокомысленныя доказательства. Сюда относится также и вѣрованіе Богу и безсмертію души. Кто не пріобрѣлъ онаго въ дѣтствѣ, тотъ едва ли будетъ твердо содержать оное и при старости, какъ то нынѣ показываютъ многіе пагубные примѣры.

Гуфландъ пишетъ: Я не могу не привести здѣсь того, что великій *Платонъ* говоритъ столь прекрасно о воспитаніи: „Тотъ, кому ввѣрено смотрѣніе надъ воспитаніемъ молодыхъ людей, и тѣ, кои избрали его, должны знать, что изъ всѣхъ должностей въ государствѣ — сія, безъ всякаго сравненія, есть самая важнѣйшая.“ — Хотя человѣкъ отъ природы кротокъ, однако жъ только чрезъ воспитаніе дѣлается

онъ самымъ лучшимъ изъ всѣхъ животныхъ, тѣмъ, что наиболѣе уподобляется Божеству. Но если возраспаетъ онъ безъ воспитанія, или получитъ дурное, то содѣлается свирѣпѣе всѣхъ животныхъ, какихъ только земля производитъ. Посему первымъ попеченіемъ Законодателя или Правительства долженствуетъ быть наставленіе молодыхъ людей; и когда оно хочетъ достойнымъ образомъ исполнять сію обязанность, то должно обращать взоры на того изъ своихъ гражданъ, кто во всѣхъ добродѣтеляхъ наиболѣе отличился, и поручить ему полное смотрѣніе надъ воспитаніемъ."

Воспитаніе болѣе основывается на нравственности и Религіи, нежели на знаніяхъ и Наукахъ. Такъ говоритъ Аббатъ *Фрейсину*, извѣстный Французскій проповѣдникъ.

Зависть, воровство, пьянство, лѣность, праздность, пріобрѣтаются отъ невоспитанности, или отъ худыхъ навыковъ.

Если бъ всѣ люди поступали по одному только сему правилу: *не дѣлай другимъ того, чего себѣ не желаешь*, — тогда бы для нихъ конечно былъ вѣкъ золотый; и посему не надобно намъ никогда упускать сего наставленія изъ виду, при воспитаніи юношества.

Всякому извѣстно, по собственному опыту, что привычка есть вторая нату-

ра, и что наши мнѣнія, чувствованія, дѣйствія, намѣренія и предпріятія образуются по навыкамъ, основаннымъ иногда на правильныхъ, а иногда и на ложныхъ понятіяхъ о истинѣ, то есть, на воображеніи и мечтахъ, и потому иногда бываютъ справедливы и благоразумны, а иногда безразсудны.

Всѣ, съ одной стороны, согласны въ томъ, что добрые и худые навыки, полученные въ теченіе девяти или десяти лѣтъ воспитанія, имѣютъ многое вліяніе на всю жизнь; съ другой же, что возрастъ, въ которомъ удобнѣе пріобрѣтаются навыки, есть юношество, въ коемъ худыя привычки не сильны еще къ побѣжденію и разрушенію ихъ прежде, нежели можно утвердить добрыя.

Всѣ согласны, что навыки, необходимые къ счастію питомца, къ счастію его родителей и отечества, суть навыки въ благонравіи и добродѣтели, то есть, они состоятъ: въ опасеніи дѣлать кому-нибудь обиду, зло или несправедливость, дабы тѣмъ не прогнѣвить Бога, и въ привычкѣ — дѣлать другимъ добро, для угожденія Ему.

Есть много познаній, кои гораздо полезнѣе было бы преподавать ученикамъ, для пріобрѣтенія благодѣтельныхъ навыковъ и знаній, по мѣрѣ того, какъ сіи

навыки и знанія могутъ имъ быть полезны къ усугубленію счастія ихъ, родителей и сограждан.

Но ежели бы между людьми было больше правды и благочестія, то видно бы было несравненно болѣе и счастія въ сей жизни.

Доброе воспитаніе есть дѣйствительнѣйшій способъ, чтобы силѣ навыковъ или силѣ второй натуры дать правильное и благодѣтельное направленіе. А изъ сего и слѣдуетъ, что доброе воспитаніе юношества есть важнѣйшая часть государственнаго устройства.

Воспитаніемъ довершается трудъ натуры. Оно юнымъ душамъ даетъ направленіе ко всему справедливому и благородному.

Отецъ, занимающійся гораздо болѣе собираніемъ богатства для дѣтей своихъ, нежели ихъ воспитаніемъ, подобенъ безумцу, который болѣе печется о своихъ башмакахъ, нежели объ ногахъ.

Эскандеръ осыпалъ благодѣяніями своего учителя, и, разставаясь съ нимъ, сказалъ ему: „тотъ, кому я обязанъ моимъ существованіемъ, такъ сказать, опустилъ меня съ неба на землю; но вы, которому я долженъ способностію разсуждать, вы меня возвели опять отъ земли на небо.“

Нравственное воспитаніе.

Обязанности домашняго общества.

Одинъ древній святый Отецъ разсказываетъ, что въ его время жилъ въ Цареградѣ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, именемъ *Георгій*, которой не постился много, не проводилъ ночей въ молитвахъ, не спалъ на голой землѣ, не носилъ власяницы и никогда не удалялся отъ міра; который жилъ посреди городскаго шуму, служилъ при царскомъ дворѣ, былъ управителемъ у одного вельможи и который однакожъ былъ столько любезенъ Богу, что въ одно время удостоился небеснаго видѣнія, какого рѣдко удостоиваются и строжайшіе пустынножители. Вы спросите: за что нашелъ онъ у Господа такую благодать?... Единственно за то, что сей благословенный юноша съ великимъ попеченіемъ старался сохранить свою совѣсть въ такой чистотѣ, чтобы она ни въ чемъ не обличала его, и съ радостію исполнялъ все доброе, что она ни повелѣвала ему. Изъ сего видимъ, что ни юность, ни міръ, ни служба государственная, ни обязанности семейственныя не препятствуютъ намъ быть святыми; ибо не препятствуютъ исполнять заповѣди Господни, если имѣемъ

къ тому расположеніе. Стоитъ только представить себѣ по сладчайшее удовольствіе, которое Богъ соединилъ съ исполненіемъ вообще обязанностей и особенно обязанностей семейственныхъ: тогда согласимся, что гораздо труднѣе нарушать, нежели исполнять оныя. Видѣть миръ и счастіе вокругъ себя — есть тоже, что имѣть миръ и счастіе въ себѣ самомъ: вотъ плоды домашнихъ добродѣтелей! Напротивъ, горесть окружающихъ меня не есть ли мучительное состояніе моего сердца?

Общественныя преступленія наказываетъ законъ гражданскій, или безславіе и укоризны свѣта; а семейственныя — какъ сокрытыя отъ блюстителей закона и отъ глазъ Свѣта, по большей части предоставляются своей совѣсти и суду Божію. Строгости законовъ и укоризнъ Свѣта человѣкъ боится; а о совѣсти и Богѣ рѣдко и думаетъ. Не стыдъ ли душѣ Христіанской!

Одинъ святый старецъ, славный добродѣтелями и даромъ чудотворенія, по гласу небесному предпринималъ дальное путешествіе, чтобы найти и увидѣть двухъ человѣкъ, которые больше его угодили Богу. Кто же сіи примѣрные люди? Двѣ молодыя женщины, супруги двухъ братьевъ. Чѣмъ онѣ заслужили такую благодать, что самъ Богъ представилъ ихъ въ примѣръ святому

и знаменитому пустыннику? Послушайте: онѣ пятьнадцать лѣтъ жили вмѣстѣ и въ это время ни одного досаднаго слова другъ другу не сказали; своимъ мужьямъ были помощницами и утѣшеніемъ ихъ жизни; дѣтей воспитывали въ благочестіи; съ рабами поступали кротко и ласково; имѣли подругъ столь же добродѣтельныхъ; чаще были дома и любили заниматься хозяйствомъ. И такъ семейственныя добродѣтели сдѣлали ихъ столько любезными Богу. Отними у нихъ сіи добродѣтели: тогда онѣ не только въ очахъ Божіихъ, но и въ глазахъ благоразумнаго человѣка не будутъ имѣть никакихъ достоинствъ.

Истинная добродѣтель сама собою столь прекрасна и знаменита, что ее противъ воли уважаетъ и самый порочный.

Чтобы исполнить сіе Божественное наставленіе и устроить общее благоденствіе семейства, — домовладыки! управляйте своимъ домомъ съ благоразумнымъ хозяйствомъ, предохраняющимъ семейство ваше отъ убожества и униженія, которыя слѣдуютъ за расточительностью; но притомъ не допускайте, чтобы въ распоряженіе хозяйства вмѣшалась скупость, не менѣе нарушающая спокойствіе домашнихъ. Счастливъ, кто идетъ среднею дорогой! Она гладка, злачна и усѣяна цвѣтами, но узка и требуетъ ос-

торожности, чтобы непереступить на ту или другую сторону. Не страшитесь издержекъ, но страшитесь пустыхъ издержекъ.— Супруги! наблюдайте взаимный покой единствомъ воли и поведенія, по закону Господню, и старайтесь найти счастіе только въ сердцѣ другъ друга. — Родители! при всей неусыпности воспитанія, не изнуряйте дѣтей своихъ излишнею строгостью; но поступайте съ ними, какъ съ нѣжными отраслями, которыя не получили еще надлежащихъ силъ: благоразумная снисходительность — вотъ ваше правило. — Дѣти! безпрекословно повинуйтесь родителямъ.—Братья! обитайте одинъ въ душѣ другаго. — Господа! снисходите своимъ рабамъ. — Рабы! усердно исполняйте волю господъ. — Благодѣтели! оказывайте сообразную нуждамъ и безкорыстную помощь. — Облагодѣтельствованные! питайте въ душѣ дѣтскую признательность. Словомъ: другъ друга тяготы носите, и такимъ образомъ, исполняя взаимныя обязанности, исполните законъ Христовъ.

Нѣтъ хуже, если жена укоряетъ своего мужа несчастіями, которыя не всегда отвратить можно; если дѣти жалуются на уменьшеніе яствъ и нарядовъ, слуги — на скудость содержанія! Отъ сихъ огорченій отецъ семейства скорѣе можетъ сойти въ гробъ, нежели отъ самаго несчастія.

Сохраняйте спокойный, веселый и довольный видъ, и своими поступками показывайте справедливую внимательность къ тѣмъ, которые съ вами живутъ. Тотъ дурной человѣкъ, который хочетъ, чтобы всѣ на него смотрѣли, а самъ ни на кого смотрѣть не хочетъ. Древніе Хрисіпіане говаривали: „если будешь о себѣ думать скромно, то будешь вездѣ спокоенъ; если не станешь выходить изъ предѣловъ твоего состоянія, то никогда не навлечешь на себя неудовольствія отъ другихъ. Едва ли къ чему-нибудь способны тѣ люди, которые живутъ нѣсколько лѣтъ съ другими и не знаютъ, какъ съ ними жить должно.“ Спокойствіе домашняго общества ничѣмъ столько не нарушается, какъ своенравіемъ. Человѣкъ неуступчивый и сварливый, самъ будучи всегда безпокоенъ, отнимаетъ покой и у другихъ. Кто живетъ въ обществѣ, тому необходимо надобно переносить случающіяся неудовольствія; и это тѣмъ нужнѣе, что мы — по большей части, сами бываемъ причиною своихъ неудовольствій.

Гнѣвливый человѣкъ обыкновенно возбуждаетъ ссоры, равно какъ терпѣливый укрощаетъ ихъ; одно уступчивое слово можетъ уполить гнѣвъ, а грубое привести въ бѣшенство. Если бы кто сказалъ тебѣ что-нибудь и непріятное: не всякое слово при-

нимай въ спрогомъ разумѣ; ибо иной оскорбилъ тебя языкомъ, но отнюдь не душею: и подумай, кто не согрѣшилъ языкомъ своимъ?

Блаженны миротворцы, ибо они нарекутся сынами Божіими: и такъ не только не заводи ссоръ, но и случающіяся между другими старайся примирять, употребляя къ тому всѣ средства, какъ то: извиняя, толкуя въ хорошую сторону, или не столь въ дурномъ видѣ представляя проступки другихъ, — умалчивая, что видишь или слышишь худаго, если нѣтъ отъ того вреда или небольшой вредъ можешь исправить самъ. Сія добродѣтель касается до всѣхъ членовъ семейства и отнюдь не нарушаетъ откровенности между мужемъ и женою, между родителями и дѣтьми, между господами и слугами. Самая ложь, если она невинна, въ подобныхъ случаяхъ есть доброе дѣло: ибо она хранитъ или возстановляетъ покой домашняго общества. Одинъ старецъ, разсердясь на сосѣда, послалъ своего ученика, выгнать его изъ хижины, которая ему принадлежала: но ученикъ, отъ имени старца, спросилъ сосѣда о здоровьи. Посланный для того же въ другой разъ сказалъ, будто посланъ поздравить его съ пріятнымъ утромъ. Въ третій разъ, когда раздраженный старецъ уже самъ пошелъ вы-

гнать сосѣда, — добрый юноша, предупредивъ, извѣстилъ его, что наставникъ идетъ къ нему въ гости; сей поспѣшилъ навстрѣчу и, поклонясь до земли, извинялся, что самъ прежде не исполнилъ сей обязанности; удивленный старецъ невольно также повергся ему въ ноги; послѣдовало взаимное объясненіе: ученикъ признался въ спасительномъ обманѣ, и — два старца сдѣлались друзьями на всю жизнь. Въ семействѣ, съ благоразумiемъ пользуясь подобными примѣрами, мы сохранимъ тишину и благословеніе Божіе.

Съ благоговѣніемъ взирайте на воспитаніе Іисуса Христа, и отъ Него научайтесь божественной кротости и чистотѣ сердца. — Имѣйте всегда предъ очами страхъ Божій, родителямъ воздавайте достойную честь, на старшихъ взирайте съ уваженіемъ, будьте добродушны и стыдливы, не презирайте уничиженія. Вотъ украшеніе вашего возраста и вотъ признаки, по которымъ можно назвать васъ истинными дѣтьми Отца небеснаго. — Дщери благочестивыя! желаете ли быть святыми? храните благопристойность, свойственную вашему полу: пусть стыдливость царствуетъ на лицѣ вашемъ, скромность разверзаетъ уста ваши, цѣломудріе управляетъ вашими взорами, смиреніе украшаетъ ваши наряды; ибо въ семъ только состоятъ ис-

тинные ваши наряды; въ семъ только состоятъ истинныя ваши преимущества, которыя содѣлаютъ васъ любезными Богу и людямъ. Всѣ члены домашняго общества, какого бы вы пола, возраста и состоянія ни были, исполняйте свои обязанности, сообразуясь съ закономъ Господнимъ: будьте благочестивы.

Семейства безъ благочестія—составлены изъ однихъ несчастныхъ: тамъ супруги безъ взаимной нѣжности; тамъ—безпечные отцы и разсѣянныя матери; тамъ—дѣти, пагубными примѣрами испорченныя; тамъ—ссорящіеся родственники; тамъ—немилосердые господа; тамъ—слуги безъ привязанности и честности; и кажется, всѣ сіи разныя состоянія для того только соединились, чтобы совокупно дѣлать другъ друга несчастными. Въ семъ только одномъ они согласны. Жалкое зрѣлище!

Фенелонъ говоритъ, что дѣти не столько принадлежатъ своимъ родителямъ, какъ обществу; они дѣти народа, надежда и крѣпость его; не время исправлять ихъ, когда развратятся. Этого мало, чтобъ отдалять ихъ отъ должностей, если усмотрѣно будетъ, что учинились оныхъ недостойными: гораздо лучше предупреждать зло, нежели доходить до того, чтобъ оное наказывать. Царь, говорилъ онъ, отецъ всего своего на-

рода, есть наипаче отецъ всего юношества, которое есть цвѣтъ всего народа. Во цвѣтѣ надобно пріуготовлять плоды. По сему-то добрые и мудрые Государи не только не оставляли безъ вниманія, но сами наипаче возбуждали и подавали собою примѣръ попеченія о воспитаніи юношества. При воспитаніи дѣтей да поставляется въ честь отвращеніе отъ сладострастной нѣги и излишествъ; да почитаются неправда, ложь, неблагодарность—гнусными пороками; да научаютъ дѣтей отъ самой нѣжной ихъ юности воспѣвать похвалы героямъ, которые содѣлали великодушныя дѣла для своего отечества и явили мужество во бранях; да сладость музыки плѣняетъ ихъ души — къ содѣланію ихъ нравовъ кроткими и непорочными; — да научаются они быть усердными къ своимъ друзьямъ, вѣрными къ союзникамъ, справедливыми ко всѣмъ человѣкамъ и къ самымъ жестокимъ врагамъ своимъ; — да меньше боятся смерти и мученій, нежели малѣйшаго угрызенія своей совѣсти. Если заблаговременно исполнятся дѣти сими великими правилами, и сладость пѣнія впечатлѣетъ оныя въ сердце ихъ, то мало останется такихъ, которые бы къ славѣ и добродѣтели не воспламенились любовію.

*

Фенелонъ присовокупляетъ, что главное дѣло есть пріучать юношество къ суровымъ тѣлеснымъ подвигамъ, въ избѣжаніе нѣги и праздности, самую добрую природу повреждающихъ: онъ желалъ великой разнообразности въ играхъ и зрѣлищахъ, которыя бы оживляли весь народъ, а наипаче доставляли бы тѣламъ упражненіе для содѣланія ихъ проворными, гибкими, крѣпкими; опредѣлялъ награды къ возбужденію благороднаго соревнованія. Но болѣе всего желалъ, для добрыхъ нравовъ, чтобъ юноши благовременно вступали въ супружество, и чтобъ родители ихъ, безъ всякихъ корыстолюбивыхъ видовъ, дозволяли имъ избирать женъ пріятныхъ тѣломъ и умомъ, къ коимъ бы могли они прилѣпиться.

Въ училищахъ надобно обучать страху Божію, любви къ отечеству, уваженію къ законамъ, и чтобъ честь была предпочитаема веселіямъ и самой жизни.

Законы управляютъ обществомъ: воспитаніе приготовляетъ души будущихъ гражданъ къ исполненію законовъ; слѣдовательно оно должно быть однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ законодателей и правителей. Никогда человѣкъ не можетъ пріобрѣсти удобнѣе и болѣе способности и знаній, которыя дѣлаютъ его достойнымъ почтенія и полезнымъ отечеству, какъ во время мо-

лодости. Въ семъ возрастѣ наполняется разумъ его понятіями, а сердце возвышается благородными чувствованіями. Благоразумно проведенная молодость оправдываетъ за цѣлую жизнь. Игры Петра Великаго предзнаменовали преобразователя Россіи. Благородная душа въ самомъ младенчествѣ открываетъ нѣкоторые лучи будущаго своего сіянія. Какую славу оставилъ по себѣ Герцогъ Бургундскій, воспитанникъ Фенелона, хотя похищенъ былъ смертью въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ! Онъ не успѣлъ сдѣлать Франціи всего блага, которое обѣщало ей будущее его восшествіе на престолъ! Общенародный плачъ свидѣтельствовалъ почтеніе, которое имѣли къ добродѣтелямъ его. Но сіи добродѣтели его были дѣломъ воспитанія: съ природы вспыльчивъ, жестокъ, упоренъ, онъ умѣлъ искоренить изъ души своей всѣ сіи пороки, которые принесъ при рожденіи; исполненный глубокаго уваженія къ правамъ человѣчества, къ законамъ земли своей, кротокъ въ самомъ начальствѣ воинствомъ, доступенъ, ласковъ, благоразуменъ, онъ заслужилъ даже уваженіе дѣда своего, *Лудовика* XIV, который въ старости своей видѣлъ несчастія, на Францію навлеченныя гордостью его и ненасытнымъ честолюбіемъ. —*Ликургъ* воздвигъ зданіе своей республики на воспитаніи.—Римскіе юноши при-

лѣплялись къ великимъ людямъ воинымъ или мудрымъ градоначальникамъ, и, научаясь ихъ бесѣдою и примѣромъ въ походахъ и въ Сенатѣ, становились сами достойны подражанія.

Человѣкъ родится для общежитія; воспитаніе содѣлываетъ его полезнымъ обществу и отечеству. Отъ самой колыбели, отъ первыхъ дней рожденія, каждый человѣкъ имѣетъ необходимость въ помощи ближнихъ. Первые наши ближніе, наши помощники, наши надзиратели — *отецъ* и *мать*. Послѣ нихъ занимаютъ второе мѣсто, и въ руководствѣ и въ сердцахъ, *наставники* и *наставницы*.

Александръ, сынъ *Филиппа*, Царя Македонскаго, говорилъ: *отцу моему обязанъ я жизнію, а наставнику моему, Аристотелю, обязанъ умѣньемъ жить*.

Счастливъ тотъ, кто можетъ сказать: „отцу моему обязанъ я и жизнію и всѣмъ тѣмъ, что научило меня быть полезнымъ отечеству и соотечественникамъ.“

У самой колыбели *Вѣра* встрѣчаетъ и соединяетъ новорожденнаго съ *Богомъ* и *Небомъ*. Ученіе и познаніе вѣры утверждаетъ нравственность, разумъ и дѣла. Безъ нея умъ и сердце не находятъ пристанища ни на землѣ, ни въ небѣ. Безъ нея нѣтъ ни общества, ни связей общественныхъ.

Въ необходимости вѣры признавались и самые злѣйшіе ея гонители. Истребите вѣру, и общество превратится въ вертепъ дикихъ и необузданныхъ звѣрей.

Вступая въ общество, мы вступаемъ подъ покровъ и владычество законовъ. Всѣ общественные наши поступки и дѣла непосредственно сопряжены съ распорядкомъ, основаннымъ на законахъ. Мы должны дѣлать не то, что хотимъ, — но то, что законы предписываютъ; мы часто жалуемся на законы — не по тому, будто бы они подлинно худы, но по тому, что не знаемъ ихъ. Не зная *отечественныхъ законовъ*, не будемъ знать, что̀ защищаетъ и сохраняетъ личную безопасность, собственность, честь и благосостояніе наше. Безъ сего познанія, и въ отечествѣ своемъ будемъ мы *внѣ отечества*.

Гражданинъ, воспитанный въ вѣрѣ и вѣрности, видя злоключеніе и раззореніе родной страны, подобно *Минину*, скажетъ согражданамъ своимъ: *отдадимъ все отечеству; не пожалѣемъ ни женъ, ни дѣтей!* Воины Русскіе, воспитанные въ вѣрѣ, будутъ — подобно предкамъ своимъ, *всѣ умирать за одного*. И трудолюбивые воздѣлыватели полей, и Русскіе земледѣльцы, умѣютъ любить родной край, и не щадятъ жизни за вѣру и вѣрность. Земледѣлецъ *Сусанинъ*, спасая отъ

враговъ Царя *Михаила Ѳеодоровича*, и умирая подъ остріемъ мечей, воскликнулъ: *радостно умираю; и сохранилъ Царя отъ опасности!*

Изъ общей любви къ отечеству всѣхъ состояній происходятъ *единодушіе* и *единомысліе*, составляющія твердость и неколебимость державъ.

Плутархъ сказалъ: Природа безъ воспитанія и ученія слѣпа и несмысленна.

Платонъ говорилъ, что Природа не сообщаетъ добродѣтели; но мы родимся для добродѣтели.

Платонъ Аѳинскій, въ книгѣ своей *О законахъ*, пишетъ: „не умножайте для дѣтей богатства; не помышляйте о томъ, чтобы оставить имъ болѣе имущества. Богатство не полезно ни для нихъ, ни для отечества. Но оставьте дѣтямъ своимъ сокровище нравственное: внушите имъ правила, съ помощію коихъ не будутъ они рабами ласкателей, и научатся довольствоваться малымъ. Оставьте имъ немного золота и серебра; но много чести, добродѣтели и любви къ отечеству.

Воспитаніе есть предуготовленіе къ добродѣтели; и потому не состоитъ оно въ нѣжностяхъ тѣлесныхъ, въ увеселеніяхъ чувственныхъ, въ обученіяхъ, поражающихъ только своею наружностью. Не въ семъ со-

стоитъ воспитаніе, — но въ томъ, чтобъ изучиться познать самаго себя, Создателя и цѣль бытія своего. Утвердясь на семъ незыблемомъ основаніи, должно душу свою такъ приготовить, чтобъ снискать къ благочестію горячность, къ Государю вѣрность, къ вышшимъ почтеніе, къ нижшимъ снисхожденіе, къ равнымъ усердіе, къ родителямъ благодарность, къ пріятелямъ искренность, ко всѣмъ любовь; въ должности быть прилѣжну, въ хозяйствѣ тщательну, въ трудахъ нелѣностну, къ бѣдности другихъ сожалительну, въ счастіи не надменну, въ несчастіи не унывать, къ общей пользѣ быть ревностну, во всѣхъ обхожденіяхъ искренну, ласкову, вѣжливу, снисходительну. Въ семъ состоитъ существенная сила воспитанія. Принявъ сіе за основаніе, должно, сколько возможно, отъ дѣтей удалять худыя содружества, вредные разговоры, безчинныя книги, соблазнительныя сцены; а вмѣсто того приставить къ нимъ добрыхъ учителей, честныхъ наставниковъ, которые бы не только были ревностны къ пользѣ воспитываемаго, но притомъ имѣли бы и духъ патріотическій.

Но—нравы уже испортились: да и какъ имъ не быть таковыми, когда пренебрежено воспитаніе? Между простыми людьми

мало о томъ и помышленія: дни юныхъ лѣтъ проводятъ дѣти въ праздности и рѣзвости; когда же подростутъ, то принимаются они за промыслъ какой-либо, чтобъ снискать себѣ пропитаніе. А гдѣ наука нравовъ? Гдѣ обученіе честности? Гдѣ то училище, въ коемъ были бы наставлены, какъ избавиться отъ волненія многочисленныхъ искушеній? О семъ, хотя и необходимо-нужномъ, весьма мало пекутся. Иные же хотя, по видимому, того и не пренебрегаютъ, но поставляютъ оное въ однѣхъ наружностяхъ, болѣе до устройства тѣла и временнаго мнимаго счастія, нежели до благосостоянія души и спасенія вѣчнаго надлежащихъ. Юные дѣти, безцѣнное родителей своихъ сокровище, повѣряются иностраннымъ пришельцамъ, людямъ неизвѣстной вѣры и честности, преходящимъ моря и земли — для пріобрѣтенія пропитанія, котораго, вѣроятно, въ своемъ отечествѣ снискать не умѣли или не могли. Какъ же при этомъ быть добрымъ нравамъ? А что въ младости будетъ посѣяно, то останется и навсегда.

Воспитаніемъ довершается трудъ Натуры. Оно юнымъ душамъ даетъ направленіе ко всему справедливому и благородному.

Воспитаніе — вотъ благородство, отличающее людей.

Сколь много зависитъ отъ воспитанія нравственность и слѣдственно самое благоденствіе народа, доказываютъ опыты всѣхъ вѣковъ. *Ликургъ*, посредствомъ воспитанія, сдѣлалъ Лакедемонянъ добродѣтельными.

Воспитаніе изнѣженное.

Ни что столько не сокращаетъ и не ослабляетъ и безъ того уже краткую и слабую жизнь дѣтей, какъ то, если въ первыхъ лѣтахъ ихъ давать будемъ имъ нѣжное и утонченное воспитаніе, то есть: оберегать ихъ отъ суровыхъ вѣтровъ, зарывать въ пухъ и въ перья по крайней мѣрѣ большую часть года, наполнять неумѣренно пищею, и всю ихъ жизненную дѣятельность возбуждать сильно посредствомъ кофе, шоколада, винъ, горячительныхъ приправъ и тому подобныхъ веществъ, которыя суть подлинный ядъ для дѣтей.

ВРАЧЕВАНІЕ.

Никакое состояніе не можетъ быть столь благодѣтельно для человѣчества, какъ состояніе врача, когда онъ точно исполняетъ свое назначеніе. Человѣкъ, разсматривающій всѣ сокровища природы и изыскивающій ея силы, съ тѣмъ, чтобы найти средства освободить человѣка, самое превосходнѣйшее твореніе, отъ мученій или

слабостей, коими отягощена видимая физическая его часть; человѣкъ, который не щадитъ своего покоя, а иногда самаго даже здоровья и жизни, чтобы только помочь спраждущимъ собратіямъ своимъ; такой человѣкъ заслуживаетъ уваженіе и искреннѣйшую благодарность: онъ возвращаетъ иногда многочисленному семейству покровителя его, благодѣтеля; спасаетъ малолѣтнымъ дѣтямъ нѣжнаго отца и попечителя; достойнаго супруга съ краю гроба возвращаетъ въ объятія вѣрной его супруги; словомъ: почти ни одно состояніе не имѣетъ столь благодѣтельнаго вліянія на благо человѣчества, на счастіе, спокойствіе, довольство гражданина, какъ состояніе врача. И сколько потребно къ сему познаній!

В Р Е М Я.

(Изъ сочиненій Сенеки.)

1. *Употребленіе жизни и драгоцѣнность времени.* — Для чего жизнь кажется одною только минутою, или точкою непримѣтною, тогда, какъ наши желанія блуждаютъ въ неизмѣримомъ пространствѣ? Какой человѣкъ знаетъ хорошо всю цѣну времени, который бы умѣлъ наслаждаться настоящимъ днемъ, и который бы размышлялъ;

что онъ можетъ умереть во всякую минуту? Человѣкъ, который привыкаетъ разсуждать, какъ бы всякой часъ лучше употребить, и который умѣетъ жить сего дня, не зависитъ отъ завтрашняго дня. Между тѣмъ какъ откладываютъ, жизнь проходитъ. Все находящееся на землѣ, намъ не принадлежитъ; одно время есть наша собственность.

2. *Умѣнье наслаждаться самимъ собою.*— Я почитаю мудрымъ того человѣка, который можетъ жить съ собою. Человѣкъ благоразумный, желающій въ полной мѣрѣ наслаждаться собою и временемъ, предоставленнымъ ему природою, не долженъ упускать ни одного дня въ бездѣйствіи.

3. *Вести себя всегда, такъ, какъ будто всегда находишься въ присутствіи Бога, людей, и друга строгаго, судіи всѣхъ нашихъ дѣлъ.*— Живите съ людьми такъ, какъ будто само Божество при томъ присутствуетъ: изберите для себя чистосердечнаго друга и честнаго, который могъ бы вамъ совѣтовать и остерегать; и, даже въ его отсутствіи, все то, что вы будете дѣлать, воображайте, что онъ на васъ смотритъ, замѣчаетъ и судитъ ваши разговоры и поступки.

4. *Истинная Нравственная Философія.* — Истинная Философія — не простонародная наука, и существуетъ не для чванства; она не состоитъ въ словахъ, но на самомъ дѣ-

лѣ; она распоряжаешъ и располагаетъ всѣми дѣяніями въ жизни. Каждый день, каждую минуту случаются какія-нибудь новыя приключенія, о которыхъ должно совѣтоваться съ самимъ собою; въ такомъ случаѣ должно прибѣгать къ Философіи. Надобно употребить всѣ свои старанія, чтобъ пріобрѣсть здравый разсудокъ. Самыми важнѣйшими дѣлами должны мы сами распоряжать. Если намъ не остается ничего изъ того, что прошло, то это происходитъ отъ того, что мы не думали жить хорошо, но хотѣли только жить долго.

5. *Ученіе и познаніе самаго себя.* — Я наблюдаю себя каждый день, такъ какъ бы я былъ при послѣднемъ днѣ моей жизни; вспоминаю о прошедшей моей жизни, и говорю себѣ: мои слова и дѣянія соотвѣтствуютъ ли внутреннимъ помысламъ и намѣреніямъ моей души (или лучше сказать: въ согласіи ли я самъ съ собою)? — Начало врачеванія души есть — познаніе своихъ пороковъ. (Вѣрнѣйшее средство, чтобъ узнать свои пороки и отъ нихъ исправиться, есть безпрестанное наблюденіе надъ собою.)

6. *Расточеніе и потеря времени; необходимость въ хорошемъ и бережливомъ распоряженіи жизни.* — Великая потеря — тратить время напрасно, въ жизни, столь кратковременной какъ наша, и которую мы болѣе еще

сокращаемъ нашею безразсудностью или вѣтреностью. — Наибольшая часть людей довольствуется, по несчастію, только тѣмъ, чтобъ быть какъ бы нѣкотораго рода пустымъ, безполезнымъ и постыднымъ растеніемъ, котораго вѣрное изображеніе видѣть можно въ слѣдующихъ двухъ спихахъ:

Вставши, оденутся; позавтракавъ, ѣдутъ;
Обѣдавъ, играютъ; отъужинавъ, спать лягутъ.
On se lève, on s'habille, on déjeûne, et l'on sort;
On dine, on joue, on soupe, on se couche, et l'on dort.

Кто не почелъ бы за безумца того обладателя великихъ богатствъ, коего самое большое удовольствіе было бы ходить и бросать въ рѣку или въ море червонцы, одинъ за другимъ, составляющіе все его сокровище? Имѣлъ ли бы право сей человѣкъ послѣ жаловаться на то, что онъ обѣднялъ? Однако точно такова же глупость большей части людей, бросающихъ свои дни, одинъ за другимъ, изъ коихъ сосплавляется ихъ жизнь, въ пропасть, отверзтую разсѣянностью и праздностью, и кои смѣютъ потомъ упрекать натуру въ назначеніи тѣсныхъ границъ ихъ существованію. Жизнь

есть сокровище, коимъ распоряжать намъ предоставлено, и которое весьма часто расточаемъ попусту съ безпечностію. Всякой день есть часть жизни, которой цѣна состоитъ изъ 24 часовъ, кои должны быть истрачены полезнѣйшимъ образомъ, такъ какъ всякой луидоръ есть монета, составляющая 24 ливра, которую благоразумный человѣкъ тратитъ съ разборчивостью, чтобъ пріобрѣсть отъ того нѣкоторое удовольствіе или выгоду. Луидоры, худо прожитые или проигранные, могутъ опять возвратиться посредствомъ дѣятельной промышленности; но дни потерянные — никогда не возвратятся.

7. *Присутствіе Божества въ человѣкѣ, обнаруживаемое посредствомъ его совѣсти.* — Богъ находится близъ насъ и съ нами. Онъ видитъ и замѣчаетъ наши хорошіе и дурные поступки и намѣренія. Онъ есть нашъ охранитель. Предъ лицемъ Его, вездѣсущаго, мы должны наблюдать сами надъ собою безпрестанно, чтобъ не дѣлать ничего, чтобъ могло насъ содѣлать недостойными Сего Высочайшаго Свидѣтеля. Добрая совѣсть бываетъ открыта для всѣхъ людей и не боится никогда взоровъ людскихъ; худая же совѣсть всегда бываетъ безпокойна, даже въ уединеніи.

8. *Путь, по коему слѣдовать должно, и цѣль жизни.* — Нѣтъ нужды изслѣдывать, откуда мы происходимъ; довольно наблюдать путь, по которому мы слѣдуемъ. Мы созданы на свѣтъ, чтобъ дѣлать людямъ добро; для этого мы только и призваны.

9. *Скоротечность времени.* — Скоротечность времени удивительна; одни только размышляющіе люди могутъ ее примѣтить. Теченіе времени столь скоро и непримѣтно, что оно даже и тѣхъ обманываетъ, которые только о настоящемъ размышляютъ.

10. *Счастіе.* — Счастіе не состоитъ въ долговѣчности, но въ хорошемъ употребленіи жизни.

11. *Пороки, или болѣзни душевныя.* — Въ началѣ только можно лѣчить съ успѣхомъ болѣзни душевныя, кои не что иное суть, какъ пороки. Должно почитать ихъ за величайшихъ враговъ и преслѣдовать ихъ безпрестанно. Надобно бодрствовать, вмѣсто того, чтобъ жить въ усыпленіи или въ забытьи, дабы замѣчать свои заблужденія, свои слабости, свои ошибки, и прудиться въ исправленіи оныхъ.

12. *Навыкъ и любовь къ трудамъ.* — Есть люди, кои даже въ глубочайшемъ уединеніи умѣютъ всегда заниматься или упра-

жняться и не скучаютъ ни на одну минуту. Дѣятельная жизнь ихъ доставляетъ имъ довольство и изобиліе, потому, что они приобыкли ею управлять и наблюдать оную безпрестанно.

13. *Управленіе собою*, (то есть какъ покорять свои страсти, обуздывать, воздерживать себя.) Есть возможность продлить время и жизнь, когда умѣемъ управлять своими страстями. Весьма мало людей умѣющихъ входить въ самихъ себя; они думаютъ, что много дѣлаютъ, когда употребляютъ малѣйшую часть ихъ времени для Философіи.

14. *Средство употреблять время.* — Я почитаю настоящій день за цѣлую мою жизнь; я его не трачу, какъ послѣдній въ моей жизни, но провожу съ пользою, такъ какъ онъ можетъ быть таковымъ. Я готовъ отправиться въ путь, и, въ ожиданіи, наслаждаюсь жизнію. Въ какомъ бы мѣстѣ я ни былъ, я всегда себѣ принадлежу. Я не занимаюсь разными упражненіями, или удовольствіями въ жизни; но къ онымъ приготовляюсь, и вездѣ, куда иду, ношу съ собою мои мысли, размышляя всегда о чемъ-нибудь полезномъ. — Созерцаніе премудрости занимаетъ часть моего времени.

15. *О праздныхъ и безполезныхъ людяхъ.* — Нѣтъ нужды умирать ранѣе или

позднѣе, но умирать — проживши хорошо. Жизнь, хорошо употребляемая, есть благодѣяніе Неба; она становится стыдомъ для тѣхъ, кои провождаютъ ее въ постыдныхъ упражненіяхъ, или кои ни мало не пользуются оною, живя въ праздности, вмѣсто того, чтобъ жить съ пользою.

16. *Умѣть въ согласіи жить съ собою, есть знакъ мудрости и средство къ счастію.*—Жизнь не можетъ прискучить, когда занимаемся изящными и великими дѣлами, чувствованіями чистыми, возвышенными, великодушными, мыслями дальновидными и обширными.

17. *Добрая совѣсть не опасается никакого свидѣтеля своимъ дѣяніямъ, ни своимъ мыслямъ.*—Кто можетъ дать себѣ отчетъ съ удовольствіемъ во всѣхъ подробностяхъ своей жизни, и сообщить друзьямъ своимъ о томъ, что онъ дѣлаетъ всякой день и всякую минуту во дни; кто не имѣетъ ничего въ своемъ поведеніи, чтобы онъ почиталъ обязанностію скрывать; тотъ даетъ хорошее мнѣніе о состояніи своей совѣсти. Надобно жить наединѣ такъ, какъ будто весь міръ на васъ смотритъ, а мыслить такъ, какъ будто бы всякой могъ читать въ глубинѣ души вашей.

18. *Употребленіе и оцѣнка жизни. — О праздныхъ и безполезныхъ людяхъ. —*

Жизнь всегда была довольно уже продолжительна, когда она была хорошо проводима. Какую пользу принесли 80 лѣтъ тому человѣку, который проводилъ оныя въ лѣности и бездѣйствіи? Онъ совсѣмъ не жилъ; но только былъ въ жизни. Какая нужда считать 80 лѣтъ безполезной праздности?.... Другой умеръ, правда, въ цвѣтущихъ лѣтахъ; но онъ выполнилъ всѣ должности хорошаго гражданина, добраго друга, почтительнаго сына: лѣта его были малочисленны; но жизнь его была преисполнена доблестями. И такъ должно уважать, хвалить, почитать счастливыми, брать за образецъ или подражать тѣмъ, кои умѣли хорошо употребить малое время, имъ предоставленное. Время, въ которое я существую, не есть дѣйствительно мое время; но то мнѣ принадлежитъ, въ которое я веду себя какъ честный человѣкъ, и дѣлаю благородное употребленіе изъ моихъ способностей, а особенно моего разсудка. Общество хорошихъ людей, вліяніе ихъ примѣровъ и разговоровъ весьма много споспѣшествуютъ къ доведенію человѣка до той степени совершенства, до котораго можно ему достигнуть. Перенимаютъ нечувствительно ихъ добродѣтели, смотря на нихъ и слушая ихъ. Можно ими воспользоваться во всѣ минуты жизни.

19. *Бѣгство, потеря времени.*—Скоростъ, съ каковою время проходитъ; потеря, которую люди опъ того дѣлаютъ, и употребленіе, которое они должны бы изъ онаго сдѣлать,—вотъ самая обильная матерія для разсужденій философа. Время бѣжитъ, и не возвращается болѣе; и потому должно бодрствовать во время его теченія и спараться, чтобы оно не было потеряно.

20. *Природа человѣческая.* — Натура положила въ насъ сѣмена всѣхъ добродѣтелей, равно какъ и всѣхъ наукъ; *но она не дала намъ ихъ совершенно образованными.* Должно *ихъ выучивать*, а особенно на дѣлѣ ихъ *исполнять.* Воспитаніе, наблюденіе насъ самихъ и другихъ, опытъ вседневной жизни, размышленіе, должны способствовать развитію и плодоносію сего драгоцѣннаго сѣмени, которое натура вложила въ наши сердца и умы.

21. *Польза частаго самоиспытанія и привычнаго разсматриванія своей жизни.* — Размышленія, кои мы дѣлаемъ, замѣчанія и происшествія, кои мы можемъ собирать, и сходствио или сравненіе оныхъ, ведутъ насъ къ сужденію о томъ, что честно и добро. Чѣмъ болѣе себя разсматриваютъ откровенно, тѣмъ болѣе сознаются, сколько сдѣлано ошибокъ, сколько разъ имѣли нужду въ снисхожденіи другихъ; тѣмъ болѣе дѣлаются сами снисходительными и чело-

вѣколюбивыми. Что можетъ быть почтеннѣе, какъ открывать сердце родительское тѣмъ, кои заблуждаютъ?

22. *Вседневное разсмотрѣніе своей жизни и своей совѣсти.* — Человѣкъ, желающій достигнуть мудрости и счастія, долженъ вопрошать свою душу, всякой вечеръ, прежде нежели уснетъ. Отъ какого порока ты излѣчилась сегодня? Какому пороку ты сопротивлялась? Лучше ли ты сегодня была, нежели вчера? Всякая страсть, всякая привычка порочная сдѣлается умѣреннѣе и ослабнетъ, или и совсѣмъ исчезнетъ, когда она обязана будетъ каждый вечеръ предстать передъ своего судію. Я самъ выполняю, говоритъ *Сенека*, сіе средство. Когда огонь ужѐ потушенъ и жена моя засыпаетъ, тогда я самъ себя разсматриваю; ничего отъ себя не скрываю мною сдѣланнаго. Я ничего не боюсь отъ моихъ заблужденій, когда могу самъ себѣ сказать: „впередъ болѣе того не дѣлай; я тебя прощаю, съ симъ условіемъ.“ Очистимъ нашу душу; особенно постараемся искоренить наши пороки, кои, хотя по видимому слабы, но всегда готовы возродиться: не будемъ слѣдовать мнѣнію, путеводителю обманчивому, но совѣтоваться и слушать совѣсти; будемъ спрашивать совѣта у нашей совѣсти и слѣдовать оной.

23. *Религія, подпора нравственности.* — Пріятно мнѣ питать мысль, возвышающую мою душу, — что вселенная есть мое отечество, что Божество въ оной присутствуетъ, что оно надо мною, и меня окружаетъ, видитъ всѣ мои дѣянія, слышитъ всѣ мои слова, читаетъ всѣ помышленія: это есть главнѣйшій предметъ Религіи. Сія величественная и утѣшительная мысль о Богѣ, Свидѣтелѣ и Судіѣ нашихъ дѣяній, есть предохранительное средство отъ пороковъ, самое сильное побужденіе къ добродѣтели.

24. *Скоротечность и растрата жизни.* — Не время намъ не достаетъ, но искуства беречь оное. Наша жизнь была бы довольно долга для совершенія величайшихъ дѣлъ, еслибъ мы умѣли употреблять ее съ пользою. Но, мы ее провождаемъ въ безпечности и безъ всякой пользы. Не примѣчаемъ, что время проходитъ, и потомъ удивляемся когда почувствуемъ, что оно прошло. Богъ не далъ намъ кратковременную жизнь; мы сами ее много сокращаемъ. Сіе благо, намъ дарованное, не очень скудно; но мы слишкомъ на оное щедры. Богатства царскія въ рукахъ худаго обладателя расточаются въ самое коротkое время; имѣніе посредственное умножается въ рукахъ благоразумнаго хозяина. Если бъ мы умѣли наслаждаться

жизнію, то нашли бы ее гораздо продолжительнѣе, нежели какъ объ ней думаютъ; но страсти, праздность, скука, пожираютъ большую часть оной. Мы не живемъ и четвертой части нашей жизни. А между тѣмъ только *то время, которое мы на что-нибудь употребляемъ, составляетъ нашу дѣйствительную жизнь.* — Сей почти столѣтній старецъ, который стоитъ на краю гроба, жилъ гораздо менѣе лѣтъ, нежели какъ онъ думаетъ, если выключитъ всѣ тѣ минуты, кои онъ попусту растратилъ; тѣ, коихъ онъ лишился отъ болѣзней, отъ безполезныхъ дѣлъ, отъ докучливыхъ людей, отъ заимодавцевъ, отъ разнощиковъ вѣстей, отъ должниковъ, отъ людей ворующихъ время, которыми наполнено общество, — отъ печалей воображаемыхъ, отъ ложныхъ радостей, отъ празднословія..... живутъ по большей части такъ, какъ бы не надлежало никогда умирать: отлагаютъ исправленіе своей жизни до того времени, когда ужѐ умъ лишится своей живости. Весьма ужѐ поздно желать начинать жить тогда, когда должно готовиться умирать. Распоряжаютъ почти всегда свою жизнь, не щадя той же своей жизни. Мысли наши всегда залетаютъ въ отдаленное будущее. (Мы живемъ въ надеждѣ, въ ожиданіи, въ предпріятіяхъ, въ вы-

думкахъ, въ мечтахъ). Не замѣчаемъ, что всякая отсрочка есть уже потеря для настоящаго. Думаемъ располагать тѣмъ, что находится въ рукахъ случая или фортуны, и упускаемъ то, что въ нашихъ собственныхъ.

25. *О спокойствіи философическомъ.* — *О ученіи Древнихъ и Философовъ.* — Истинное спокойствіе находится только въ истинной мудрости. Истинные мудрецы наслаждаются не токмо тѣмъ вѣкомъ, въ которомъ живутъ, но и всѣми вѣками; все, что протекло до нихъ, сливается въ ихъ мысляхъ съ настоящимъ временемъ. — Была бы неблагодарность—непризнаться, что великіе геніи въ древности, кои намъ открыли всѣ науки, приготовили намъ способы наслаждаться дѣйствительно жизнію. Труды ихъ извлекли Свѣтъ изъ глубины тьмы; и чрезъ нихъ всѣ вѣки прошедшіе содѣлались нашимъ имуществомъ. Если умъ нашъ довольно обширенъ и возвышенъ, чтобъ неограничиваться предѣлами настоящаго; мы увидимъ, что имѣемъ неизмѣримое пространство обозрѣвать. Мы можемъ спорить съ *Сократомъ*, *Платономъ* и *Аристотелемъ*; сомнѣваться съ *Карнеадомъ* и *Монтанемъ*; размышлять съ *Тацитомъ*; укрощать или побѣждать природу съ Стоиками; познавать великихъ людей съ *Плутархомъ*; го-

ворить о всѣхъ наукахъ съ *Бакономъ;* основательно разсматривать съ *Смитомъ* причины богатства народнаго, или съ *Монтескье сущность* законовъ; углубляться въ политику съ *Махіавелемъ;* уважать достоинство человѣческой натуры съ великимъ *Корнелемъ*, съ чувствительнымъ *Фенелономъ*, съ величественнымъ *Боссюэтомъ*, съ добрымъ и глубокомысленнымъ *Ла-Фонтеномъ*, съ остроумнымъ *Мольеромъ*, и проч.; и быть наконецъ современниками всѣхъ вѣковъ и наперсниками всѣхъ великихъ людей. Хотя время, которое намъ дозволено провождать здѣсь на землѣ, очень коротко и ненадежно, но должны ли мы по сей причинѣ отказаться отъ дѣятельности нашего ума и нашихъ мыслей, чтобъ обращать оную на созерцаніе вѣчныхъ истинъ, кои намъ всѣмъ принадлежатъ вообще съ Геніями возвышенными? — Согласимся, что вмѣсто того, чтобъ скучать съ самимъ собою, или развозить къ другимъ нашу скуку, гораздо лучше имѣть обращеніе и искать познаній у знаменитыхъ Философовъ, у Писателей отличныхъ, разсуждавшихъ о великихъ пользахъ человѣчества: не выходятъ съ пустыми руками изъ бесѣды такова общества. Бесѣдуя съ ними, мы избавляемся отъ печалей, отъ заботъ, хлопотъ и несчастій, коими исполнена жизнь большей части людей.

Вотъ еще отрывокъ изъ сочиненія Графа *Сегюра*, о времени:

„Время есть единственная наша собственность; все прочее сомнительно и ненадежно; оно есть ткань, изъ которой сплетена жизнь; какъ бы спихія нашей жизни; такое благо, которое должны бы мы хранить болѣе всего, однакожъ мы его тратимъ глупѣйшимъ образомъ, теряемъ безъ малѣйшаго сожалѣнія, и мучимся легчайшимъ образомъ. Говорятъ, что время есть бремя, насъ тяготящее; но мы забываемъ, что это наше существованіе, и только ищемъ какъ бы отъ онаго освободиться; наконецъ, (странное противорѣчіе), стараясь, часто безъ успѣха, *убивать время*, человѣкъ жалуется на долготу дней и скоротечность жизни.

„Всѣ философы, всѣ нравоучители согласно между собою совѣтуютъ намъ благоразумное употребленіе времени, и напоминаютъ намъ о его скоротечности; но сіи совѣты остаются безъ успѣха, и мы можемъ теперь еще повторить нашимъ современникамъ тоже, что *Сенека* сказалъ людямъ своего времени: „Разсудите объ этомъ хорошенько: одна часть жизни проводится въ худыхъ дѣлахъ, большая часть въ бездѣльѣ, а вся жизнь въ дѣланіи того, чего бы не слѣдовало.“

Всѣ раздѣляютъ время обыкновенно на три части, *прошедшее, настоящее* и *будущее. Прошедшее* не существуетъ болѣе, а *будущее* еще не начиналось; „изъ чего нѣкоторые заключаютъ, что одно *настоящее* существуетъ, и что имъ бы только мы могли пользоваться.“

Время не одинаковую имѣетъ скорость для человѣка спящаго, для человѣка бодрствующаго, для человѣка празднаго, для человѣка занятаго дѣломъ, для того—кто наслаждается, и для того—кто страдаетъ. Если же мы такимъ образомъ почти власны перемѣнять продолженіе времени однимъ употребленіемъ его, то еще болѣе власны удержать при себѣ полезность онаго; и какъ объ этомъ говоритъ очень хорошо *Монтань: Польза жизни состоитъ не въ долголѣтіи, но въ употребленіи времени.*

Предоставимъ стихотворцамъ сіи ложныя описанія времени. Скажемъ съ *Виргиліемъ: время бѣжитъ;* но—разсмотрѣвъ внимательно, увидимъ, что бѣжимъ только мы; что насъ, а не время, должно останавливать, задержать, укрощать; отъ насъ самихъ а не отъ времени мы должны бояться продолжительныхъ скорбей и печалей, надѣяться кратковременныхъ удовольствій; и при взорѣ на наши часы, будемъ только думать о расчисленіи нашихъ склонностей и на-

слажденій такъ, чтобъ оныя намъ доставляли пріятныя воспоминанія и необманчивую надежду; ибо цѣль всей мудрости состоитъ въ употребленіи *настоящаго времени* такъ, чтобъ оно украсило или обогатило для насъ *прошедшее* и *будущее*.

Мы имѣемъ власть укоротить или продлить время: посмотримъ, какія суть наилучшія средства наслаждаться имъ, и содѣлать его ходъ, или лучше сказать, нашъ ходъ во времени, пріятнымъ, легкимъ и тихимъ.

Въ метафизическомъ смыслѣ можно почитать только настоящее за одинъ пунктъ; но, нравственно говоря, оно болѣе распространено; и подлинно авторъ или сочинитель, который присутствуетъ при удачномъ представленіи своей Трагедіи, — Генералъ, выигрывающій рѣшительную побѣду,—Министръ, дающій миръ всему свѣту,— человѣкъ благотворительный, спасающій честное семейство отъ бѣды или несчастія, чувствуютъ наслажденія дѣйствительныя, довольно продолжительныя. Настоящее и будущее столь близко къ намъ, что и то и другое можно почесть только за настоящее. Будемъ же наслаждаться симъ настоящимъ, которое есть одно наше единственное богатство; обыкновеннѣйшая глупость людей есть тратить время, — или,

по словамъ одного древняго писателя, *пропускать время сквозь пальцы.*

Мы оставляемъ весьма часто вѣрное наслажденіе настоящимъ временемъ, дабы заниматься безполезными сожалѣніями или предположеніями несбыточными. Нѣкоторый философъ упрекаетъ насъ правильно, „что мы проводимъ всю нашу жизнь въ исканіи средствъ, какъ жить, откладываемъ со дня на день, такъ сказать, жизнь, вмѣсто того, чтобъ ею наслаждаться. Со всѣми нашими усиліями къ тому, она бы насъ, можетъ быть, обогнала; посреди же нашей медленности, она убѣгаетъ отъ насъ скорыми шагами.“

Если вы упускаете предстоящій вамъ случай дѣлать добро, то кто вамъ говоритъ, что онъ опять придетъ? Думайте какъ *Цезарь,* и думайте, что *вы еще ничего не сдѣлали, отложивъ до завтра то, что могли сдѣлать сегодня.*

Натура назначаетъ вамъ малое число лѣтъ; изъ оныхъ убавляетъ почти половину изъ сего времени, которое вы провождаете во снѣ, истинномъ изображеніи смерти; дни нѣжнаго младенчества суть такое время, которое сходствуетъ мало съ жизнію; дни дряхлости еще менѣе похожи на жизнь: вы должны также страшиться болѣзней, огорченій, скуки, грусти на-

сильственной и независимой отъ вашей воли. Посмотрите послѣ сего, сколь мало времени вы имѣете, чтобъ наслаждаться своимъ существованіемъ, и какую потерю вы дѣлаете, теряя хотя одинъ только день! И такъ слѣдуйте совѣту *Горація:*

Consultez la Sagesse, épuisez votre vin;
Moderez vos désirs, bornez votre espérance;
Saisissez le moment qui fuit, sans qu'on y pense,
Et ne comptez pas trop sur votre lendemain.

Послѣдуй мудрости, умѣренность храни,
Немногаго желай, надеждамъ не вдавайся,
Минуты счастія и радости лови,
На завтрашній же день не очень полагайся.

Дабы наслаждаться настоящимъ временемъ, надобно хорошо умѣть слѣдовать по пути къ счастію, и этого-то человѣкъ чѣмъ болѣе старается, тѣмъ менѣе знаетъ. Настоящее зависитъ отъ прошедшаго и будущаго, и мы большую часть времени бываемъ безпокойны отъ воспоминаній, волнуемся надеждами, терзаемся отъ страховъ, кои производятъ то, что настоящее насъ тяготитъ или отъ насъ убѣгаетъ; время бываетъ скоротечно или медлительно для насъ, по расположеніямъ нашего разума.

Посмотрите на молодаго человѣка, идущаго получать знатную сумму денегъ, же-

лаемое одолженіе или милость; на автора, идущаго разыгрывать сочиненную имъ комедію: они думаютъ всѣ, что время не проходитъ, что часы ихъ отстаютъ; минуты кажутся имъ часами. Чего жъ желаютъ они? лишиться поскорѣе настоящаго, достичь будущаго, состарѣться; наконецъ, сдѣлать нѣсколько шаговъ быстрѣе къ смерти.

Послушайте, напротивъ того, преступника, ожидающаго своего приговора, — молодаго человѣка, который страшится часа ученія своего: какъ для нихъ часы бѣгутъ! какъ время летитъ! какъ бы они желали его схватить, остановить! какъ бы они желали назадъ отодвинуть свою жизнь! А преступникъ, терзаемый раскаяніемъ, ищетъ напрасно сна, который отъ него убѣгаетъ, — такъ какъ и больной, который чувствуетъ только свое существованіе отъ страданія: какъ медленно для нихъ влачится время!

Настоящее время ихъ утомляетъ, будущее страшитъ; они желали бы истребить сіи двѣ части времени, и возвратиться ко днямъ юности и младенчества.

Для чего сіе младенчество намъ кажется золотымъ возрастомъ жизни? Это потому, что оно свободно отъ соболѣзнованія о прошедшемъ, отъ страха о будущемъ; потому,

что — *гораздо благоразумнѣе самихъ мудрецовъ* оно наслаждается настоящимъ временемъ; это земной рай жизни; мы изъ онаго вышли, и печальный или смутный разсудокъ, дѣятельная и безпокойная прозорливость грозно намъ запрещаютъ входъ въ оный.

Но, скажутъ: развѣ вы хотите, чтобъ человѣкъ, какъ младенецъ, жилъ на удачу, и разгонялъ свою печаль въ настоящемъ времени, не пользуясь уроками прошедшаго и подвергаясь безъ размышленія всѣмъ бѣдствіямъ будущаго?

Нѣтъ; человѣкъ ужѣ не имѣетъ болѣе простодушія или незлобія и путеводителей дѣтства. Чтобъ быть счастливымъ, надобно ему шествовать, опираясь на благоразуміе и руководствуясь разсудкомъ.

И для того-то желаю я, чтобъ онъ наслаждался настоящимъ временемъ прилежно, но съ благоразуміемъ; сіе настоящее время скоро превратится въ прошедшее. Надобно, чтобы удовольствіе настоящей минуты не оставило по себѣ раскаянія о худомъ оной употребленіи, и не причинило бы сожалѣнія о потерѣ оной; напротивъ, чтобы доставило ему пріятныя воспоминанія: ибо пріятное воспоминаніе есть какъ бы настоящее благополучіе.

Мы видѣли, какъ нужно пользоваться настоящимъ временемъ, и наслаждаться онымъ такъ, чтобъ оно не произвело причины сожалѣнія или раскаянія. Но благоразуміе требуетъ еще труда надъ нами самими, столько же важнаго, относительно къ будущему. Подумаемъ только, что сіе будущее скоро будетъ для насъ настоящимъ.

Здѣсь, мы находимся между двухъ опасностей или соблазновъ. Если увлеченные нашими страстями, мы предадимся блаженству, которое онѣ намъ обѣщаютъ въ сію минуту, не помысливъ о бѣдствіяхъ, которыя онѣ же намъ готовятъ: то мы дѣлаемъ удовольствіе орудіемъ нашего несчастія, и, для тѣни наслажденія, приготовляемъ себѣ полъ-вѣка мученій; однимъ словомъ: ставимъ на карту цѣлую жизнь противъ одной минуты.

Такимъ-то образомъ глупость человѣческая гонитъ людей къ расточительности, не предвидя разоренія или погибели; къ жестокости, не опасаясь мщенія; къ честолюбію или властолюбію, не помышляя о паденіяхъ; къ невоздержности или къ шалостямъ, не думая о болѣзняхъ; къ самолюбію или къ эгоизму, не предъусматривая, что за нимъ слѣдуетъ одиночество и оставленіе отъ всѣхъ.

Мы могли бы предохранить себя отъ всѣхъ опасностей заблужденій, погрѣшностей и пороковъ, если бъ, наслаждаясь настоящимъ, прежде послѣдованія повелительному гласу сильнаго желанія, захотѣли посовѣтоваться съ прошедшимъ временемъ и заглянуть въ будущее. Точно такъ благоразумно думалъ *Периклъ*, говоря одному Генералу, который, не смотря на его представленія о неудобствахъ, вовлекалъ народъ въ одно опасное предпріятіе: *Если вы не хотите слѣдовать совѣтамъ Перикла, то, по крайней мѣрѣ подождите и посовѣтуйтесь со временемъ: это мудрѣйшій совѣтникъ, котораго только выбрать можно.*

Итакъ, когда бушуютъ въ насъ страсти, будемъ укрощать ихъ прозорливостію опасностей, оныя сопровождающихъ. Вѣрнѣйшее средство успокоить честолюбіе, состоитъ въ разсужденіи: что чѣмъ болѣе желаемъ мы возвыситься, тѣмъ сильнѣе приготовляется время, подкапывать огромное зданіе, созидаемое нашимъ воображеніемъ.

Феопомпъ (Theopompus), Царь Спартанскій, говорилъ жителямъ города Пилета, желавшимъ воздать ему великія почести: что *время имѣло обыкновеніе увеличивать богатства или имущества умѣренныя, и истреблять неполѣрныя или чрезвычайныя.*

*

Но съ другой стороны, думая о будущемъ, будемъ взирать на оное очами разсудка, а не страха; надобно, чтобы наше благоразуміе не обращалось въ робость: *кто ничего не надѣется, тотъ ничего и не получитъ*. Вотъ изреченіе древняго рыцарства: *Дѣлай что должно; что будетъ, то будетъ*.

Наконецъ, хотимъ ли мы управлять временемъ и содѣлать ходъ онаго пріятнымъ и легкимъ? Умѣримъ наши желанія и опасенія; будемъ наслаждаться настоящимъ временемъ, не токмо не дѣлая вреда ближнему, но еще оказывая всякому какое только можно добро, которое отъ насъ зависитъ.

Многіе берегутъ кредитъ свой, деньги, друзей своихъ, благосклонность вельможъ, а тратятъ время, коего потеря невозвратима. Будемъ же скупы на время; да не потерпимъ, чтобъ одинъ день прошелъ безъ прибавленія нашихъ познаній и добродѣтелей. Тѣ, кои употребляютъ худо свое время, первые жалуются на скоротечность онаго. Какъ они его тратятъ на одеванье, на ѣду, на сонъ, на глупые разговоры, пересуды, на опредѣленіе того, что они должны дѣлать, а часто и ничего не дѣлать; отъ того не достаетъ имъ времени для ихъ дѣлъ и забавъ; но, напротивъ, тѣ, которые

употребляютъ лучше свое время, имѣютъ онаго достаточно. Нѣтъ ни одного человѣка, который бы не тратилъ ежедневно напрасно по два часа времени; а это составитъ много въ долголѣтней жизни. Потеря невозвратная! Не должно пропускать ни одной минуты безъ пользы.

Время, говоритъ *Честерфильдъ*, драгоцѣнно, а жизнь коротка; слѣдственно не должно терять ни одной минуты напрасно. — Усовершенствованіе человѣка есть важное предопредѣленіе человѣка, а посему должно болѣе всего пещись о достиженіи онаго въ полной мѣрѣ. — Есть простонародная пословица, (говоритъ тотъ же Писатель) что *денежка рубля бережетъ;* приноравливая сіе изреченіе ко времени, совѣтую не терять напрасно ни минуты; ибо минута сбережетъ цѣлый часъ. Во весь день дѣлай что-нибудь полезное, а не трать напрасно получасовъ и четвертей, коихъ въ теченіе года наберется весьма много.

Тотъ не рожденъ для славы, кто не знаетъ цѣны времени.

ВЫСОКОМѢРІЕ, *гванство.*

Властолюбіе отличается отъ честолюбія и тщеславія точно также, какъ и гордость отличается отъ высокомѣрія. — Же-

лательно бъ было, чтобы гордость считалась благороднымъ свойствомъ души, сознаніемъ истиннаго внутренняго достоинства— чувствомъ неспособности поступать подло. Сія самая благородная гордость руководствуетъ людей къ великимъ и полезнымъ дѣяніямъ; она-то возвышаетъ таковыхъ надъ недоброжелательными людьми, и даже у мощнаго злодѣя, противъ собственной его воли, вынуждаетъ дань удивленія, которою онъ обязанъ угнетенному мудрецу. Но высокомѣріе часто выставляетъ такія отличія, которыхъ вовсе не имѣетъ, и хвалится дѣлами самыми ничтожными: сіе-то высокомѣріе заставляетъ глупца, напыщеннаго родовымъ своимъ дворянствомъ, пересчитывать заслуги своихъ предковъ, отъ коихъ онъ часто даже и не происходитъ, и которые нерѣдко вовсе не оказали дѣйствительныхъ заслугъ; оно-то заставляетъ присвоивать себѣ сіи мнимыя заслуги, какъ будто и добродѣтель принадлежитъ къ собственности родоваго имѣнія; сіе-то высокомѣріе дѣлаетъ иного богатаго мѣщанина столь грубымъ, строптивымъ и чуждымъ общелюбія.

Высокомѣріе — родъ оспы у знатныхъ людей, особенно недавно попавшихъ въ знать; болѣзнь, для которой существуетъ одно только лекарство — паденіе.

Примѣры.

Одинъ дворянинъ древней фамиліи, но безъ всякихъ достоинствъ, хвастался передъ вождемъ Аѳинскимъ, который былъ сынъ одного сапожника, своими предками. „Мое дворянство начинается во мнѣ, а ваше съ вами оканчивается,“ — отвѣчалъ вождь.

Нѣкоторый Испанецъ, думая о себѣ, что онъ породою своею не уступаетъ Королю, хотя богатство его не превосходило имѣнія ни одного нищаго, шелъ темною ночью въ сильный дождь по Французской деревнѣ, гдѣ онъ, будучи безъ фонаря, едва могъ наконецъ сыскать поспоялой дворъ, который одинъ только и былъ въ той деревнѣ. Хозяинъ, не ожидая прибытія столь знатнаго Испанца, ужѐ со всѣми своими домашними спалъ; но — вдругъ разбуженъ былъ стукомъ въ его ворота. „Кто тутъ?“ закричалъ хозяинъ изъ окна. — „Отворяй ворота,“ говоритъ Испанецъ: „это Донъ-Жуанъ-Педро-Гернандецъ-Родригецъ де Вилла-Нова, Графъ Малафрскій, кавалеръ орденовъ Св. Іакова и Алканпары.“ — Хозяинъ же, закрывая окно, отвѣтствовалъ ему: *Я очень сожалѣю, государи мои, что въ самомъ дѣлѣ не имѣю столько мѣста, чтобъ всѣмъ вамъ услужить почлегомъ.*“

ВѢЖЛИВОСТЬ, *учтивость.*

Учтивость есть самая благодѣтельная принадлежность общежитія, плодъ хорошаго воспитанія и существеннѣйшій признакъ благородства. Она имѣетъ свойство привлекать къ себѣ благосклонность людскую безъ многихъ трудовъ, и самая грубость не можетъ безъ смятенія ей противиться. Она не стоитъ ничего, а часто приноситъ великія выгоды. *Коллаццо* изрядно говоритъ: „Благоволеніе людское пріобрѣтается чаще добрымъ поведеніемъ, нежели многоцѣнностію злата.“ Извѣстно, что непринужденная учтивость производитъ чрезвычайныя дѣйствія: она принуждаетъ разумнаго человѣка быть честнымъ, скупаго превожитъ, свирѣпаго укрощаетъ, а глупаго отдаляетъ. Она бываетъ въ Государяхъ украшеніемъ, въ первокласныхъ гражданахъ пріятностію, а въ простолюдинахъ диковиною; служитъ человѣку предстательствомъ, и часто доставляетъ ему больше чести, нежели бы надлежало.

Учтивость — вездѣ уважаемая, но не всегда наблюдаемая — есть нѣкотораго рода вниманіе относительно къ другимъ, чтобъ чрезъ наши слова и поступки, другіе были довольны какъ сами собою, такъ и нами.

Учтивость въ нѣкоторомъ отношеніи важнѣе дружбы. Можно обойтись безъ друзей, но не можно безъ общества; а безъ учтивости нѣтъ общества. Снискивая любовь другихъ, а съ нею миръ и согласіе, она способствуетъ къ сохраненію между нами сего сладкаго союза, составляющаго прелесть общественной жизни.

Истинная вѣжливость есть превосходнѣйшее качество, способное обращать на свою сторону сердца. Ея могущество столь сильно, что она побѣждаетъ даже враговъ, и даже иногда обезоруживаетъ ихъ.

Учтивость наша не всегда внушаетъ въ другихъ доброту, благотворительность, справедливость, снисходительность, благодарность; но она даетъ тому по крайней мѣрѣ наружный видъ и заставляетъ казаться человѣка снаружи такимъ, какимъ онъ долженъ быть внутренно.

Для того, что золото рѣдко, изобрѣли позолоту, которая — не имѣя прочности настоящаго золота, имѣетъ весь блескъ онаго: и такъ, чтобъ замѣнить доброту сердца, которой у насъ недостаетъ, мы изобрѣли учтивость, выказывающую нашу доброту наружную.

Если бы вельможи входили сами въ себя, размышляли бы объ удовольствіи, которымъ наполняютъ души обласканныхъ ими;

но не были бы скупы на свои ласки: пріятное чувство тѣхъ и другихъ было бы сладостною взаимною наградою. Такой образъ мыслей имѣлъ *Траянъ!* Любимцы его, видя, что онъ всѣхъ принимаетъ съ величайшею ласкою, представляли ему, что онъ забываетъ величіе Имперіи. „Я хочу, отвѣтствовалъ онъ, чтобы подданные мои нашли во мнѣ такого Императора, какого бы я желалъ имѣть, если бы былъ частнымъ человѣкомъ.“

Ложное величіе ужасно и неприступно; оно какъ будто боится, чтобы не разсмотрѣли его вблизи, чтобы не увидѣли то, что оно — истинная малость.

Одна знатная Нѣмецкая Дама приняла къ себѣ однажды Французскихъ офицеровъ съ видомъ спеси и важности; это имъ очень не понравилось, и они вскорѣ оставили ее, одинъ за другимъ; послѣдніе же изъ нихъ сказали слугѣ, ихъ провожавшему: „поди сдѣлай компанію своей госпожѣ.“

Ласковость должна быть исключительною добродѣтелью людей великихъ, или занимающихъ важныя мѣста. Чѣмъ кто возвышеннѣе другаго, тѣмъ болѣе долженъ быть тихъ и привѣтливъ. Желаете ли быть любимы? — будьте человѣколюбивы, снисходительны и доступны. Показывайте всѣмъ сей видъ благородный и простой, привлекающій сердца. Разговаривайте такъ, что-

бы всякой былъ собою доволенъ, а вами восхищенъ. Изгоните изъ вашихъ словъ нерасположенность и гордость, которыя ничего не прибавляютъ къ величію, а много отнимаютъ отъ великихъ. Предупредите вашимъ пріемомъ человѣка, несмѣющаго къ вамъ подступить, и облегчите робкое замѣшательство, спрашащееся произнесть слово!

Меръ одного небольшаго Французскаго городка, поднося ключи Королю, долженъ будучи сказать ему рѣчь, началъ такъ: „Государь! радость наша, при видѣ вашего величества, столь велика, что“... и въ эту минуту онъ такъ оробѣлъ, что тщетно старался вспомнить послѣдующее и, заикаясь нѣсколько разъ, повторялъ послѣднія слова. — „*Конечно*“ — сказалъ ему Государь ласковымъ тономъ — „*радость ваша такъ велика, что вы не можете ее выразить.*“

Учтивый человѣкъ старается содѣлать другихъ довольными имъ и самими собою; ибо сильнѣйшая страсть людей состоитъ въ желаніи быть любиму и уважаему; совершенная учтивость заставляетъ особенно оказывать всѣмъ уваженіе и почтеніе, не трогать тонко ихъ самолюбія и даже льстить оному. Это не то, чтобъ всегда нужно было льстить грубо и унижаясь: лесть всегда порокъ; и истинно вѣжливый

и справедливый человѣкъ постыдился бы употреблять оную. Но если невозможно нравиться безъ употребленія притворства и лжи, то должно пожертвовать учтивостію истинѣ.

Учтивость, происходящая изъ чувствъ Христіанскихъ, есть совершеннѣйшая и приличнѣйшая: поелику она всегда происходитъ отъ сердца благодѣтельнаго, отъ друга человѣчества, отъ желанія сдѣлать всѣмъ удовольствіе; это вѣжливость постоянная, чистосердечная, справедливая, а не притворная учтивость, которая иногда употребляется для полученія какой-нибудь выгоды.

Всѣ стараются быть въ обществѣ съ вѣжливымъ человѣкомъ. Спросили нѣкогда *Фонтенеля*, бывшаго умнѣйшимъ и вѣжливѣйшимъ человѣкомъ своего времени, какимъ средствомъ онъ пріобрѣлъ столь много друзей и не имѣлъ ни одного врага? Посредствомъ сихъ двухъ аксіомъ, отвѣчалъ онъ: *все въ свѣтѣ возможно,* и *всякой правъ* (tout est possible, et tout le monde a raison.)

Такимъ-то образомъ поступаетъ всякой благоразумной и вѣжливый человѣкъ. Будучи увѣренъ, что во многихъ случаяхъ гораздо лучше сохранить тишину, нежели упорствовать, обнаруживая правду безъ большей нужды, — онъ предупреждаетъ споры или останавливаетъ ихъ, уступая прилич-

но и примѣняясь ко мнѣніямъ другихъ всегда, когда это только не касается до его совѣсти, чести ближняго и закона. Если же иногда онъ бываетъ въ необходимости оспаривать мнѣнія другихъ, то онъ это дѣлаетъ съ учтивостью и смиреніемъ, кои заставляютъ любить правду, имъ произнесенную, и которая принуждаетъ согласиться, не обижая самолюбія. Благовоспитанный человѣкъ со всѣми бываетъ вѣжливъ.

Примѣры.

Кавалеръ Вилліямсъ *Гольэсб*, Губернаторъ въ Виргиніи, разговаривая съ однимъ купцомъ на улицѣ, въ Вильямсбургѣ, увидѣлъ проходящаго невольника, который сдѣлалъ ему поклонъ; онъ ему поклонился также. Какъ! сказалъ купецъ, ваше превосходительство унижаете себя до того, чтобъ поклониться невольнику! — *Безъ сомнѣнія*, сказалъ Губернаторъ, *для меня было бы весьма обидно, если бъ невольникъ оказалъ себя болѣе учтивымъ, нежели я.*

Нѣкоторая шестидесятилѣтняя дама говорила *Цицерону*, что ей только еще сорокъ лѣтъ. Онъ отвѣчалъ ей на это: „*Я бы несправедливо поступилъ, если бы не повѣрилъ вамъ въ семъ случаѣ, ибо вы уже около двадцати лѣтъ увѣряете меня въ этомъ.*“

Одна же знатная дама, бывъ въ нѣкоторомъ обществѣ съ Турецкимъ Посланни-

комъ, говорила ему, что она весьма удивляется, что пророкъ ихъ *Магомедъ* позволилъ имъ жениться на нѣсколькихъ женахъ въ одно время. Но Посланникъ, выслушавъ ее, отвѣчалъ: *„Онъ, конечно, допустилъ это для того, сударыня, чтобы Мусульманинъ находилъ во многихъ женщинахъ всѣ тѣ отличныя качества и добродѣтели, которыя вы однѣ вмѣщаете въ особѣ своей.“*

ВѢРА, *религія, законъ Божій.*

Религія есть совершенство, послѣдняя степень, полнота всего того, чего естественно ищетъ человѣкъ для своего блаженства.

Религія, столь нужная для сердца въ мірѣ превратностей, не менѣе нужна и для благоденствія государствъ.

Религія доставляетъ добродѣтели пріятнѣйшія надежды; пороки закоснѣлые устрашаетъ, а сердечному раскаянію доставляетъ великія утѣшенія; но она особенно внушаетъ людямъ взаимную любовь, кротость и соболѣзнованіе къ ближнимъ.

Безъ вѣры нѣтъ счастья. Ею все оживотворяется, безъ нея все вянетъ и умираетъ, достоинства и добродѣтели. Вѣра есть непреодолимая сила, укрѣпляющая душу человѣка во всѣхъ его положеніяхъ.

Объятія матери-Церкви отверзты для дѣтей ея: она питаетъ ихъ животворнымъ млекомъ Слова Божія. Вѣчная награда ждетъ истиннаго сына Церкви.

Нѣтъ сердца, въ которомъ не тлѣла бы искра любви ко Всевышнему. Носящіе искру сію, раздуйте ее, содѣлайте пламенемъ, да очистятся имъ сердца ваши отъ плевелъ порока.

Смиреніе и незлобіе суть первые признаки истиннаго Христіанина.

Вѣра, вселяясь въ человѣка съ младенчества и съ его возрастомъ вкупѣ возрастая, научаетъ, что̀ Божеству угодно, и что̀ Ему противно; что̀ клонится къ благополучію человѣческому, и что̀ къ несчастію его; что привлекаетъ Божіе благословеніе, и что Его гнѣвъ; что вводитъ въ рай и въ вѣчную муку. Сіи понятія тѣмъ дѣйствительнѣе въ человѣческой душѣ, что она представляетъ Бога всевидящимъ, всемогущимъ и праведнымъ. Представляетъ Его отцемъ благоутробнѣйшимъ, и Судіею нелицемѣрнымъ. Страшно прогнѣвать таковаго Судію; но страшнѣе оскорбить такого благоутробнѣйшаго Отца. Нѣтъ мѣста, гдѣбъ око Его всевидящее не назирало; нѣтъ мѣста, гдѣбъ мстящая Его рука не постигла; нѣтъ времени, когда бъ Онъ праведнику благодѣтельствовать пересталъ;

нѣтъ времени, когда бъ надъ нечестивымъ мщеніе Его возъимѣло конецъ; нѣтъ состоянія, возраста, пола и лица, вразсужденіи коихъ не былъ бы Онъ правосуденъ, воздающій каждому по мѣрѣ заслугъ его.

Храните твердо сокровище вѣры, ибо она есть источникъ благонравія. Если кто потерялъ почтеніе къ закону, то чего добраго ему ожидать? Законъ удерживаетъ совѣсть нашу отъ всякаго на зло стремленія. Если же кто сію узду съ себя сброситъ, тотъ удобно впадаетъ во всякое своевольство, и становится игралищемъ плотскихъ склонностей.

Христіанинъ не долженъ терять изъ виду истины, могущей способствовать ему въ исполненіи тѣхъ обязанностей, которыя таковы, что если бъ мы и не обязаны были онымъ повиноваться, то собственная наша польза требуетъ, чтобъ мы послѣдовали имъ. Разсмотрите внимательно десять заповѣдей: вы увидите, что намъ запрещается только то, что вредно нашему благосостоянію; и ежели бы правила сіи соблюдались во всей точности, то они изгнали бы съ земли всѣ пороки.

Спасительное дѣйствіе вѣры оказывается въ утонченіи Нравственности.

Зло, причиняемое нами другому, кончится собственнымъ вредомъ нашимъ; по-

тому что оно подвергаетъ насъ строгости законовъ человѣческихъ, отнимаетъ у насъ доброе имя, разрушаетъ благоденствіе наше, лишаетъ здравія и спокойствія совѣсти, сихъ драгоцѣннѣйшихъ благъ, безъ коихъ не можно быть на землѣ благополучнымъ.

И такъ, когда Богъ повелѣваетъ намъ противиться стремленію нашихъ страстей, то Онъ предписываетъ намъ правила къ нашему счастію. Какое послѣдствіе можетъ быть отъ похоти, отъ невоздержанія, гнѣва, мщенія и другихъ страстей, погубляющихъ насъ?

Религія не только предохраняетъ насъ отъ зла, но и предписываетъ намъ правила *добродѣтели*, сей обильнѣйшій источникъ истинныхъ благъ; повелѣваетъ намъ — хранить братскую любовь другъ къ другу, какъ прилично дѣтямъ единаго отца, хранить незлобіе, правоту, удаляться всякаго обмана и дѣлать все то, безъ чего не можемъ быть счастливы. А потому можно назвать насъ безумцами, если не уразумѣемъ, что Богъ чрезъ Свои божественныя заповѣди благоволилъ сообщить намъ то, что любовь Его устроила для нашего счастія. Сіе изслѣдованіе должно заставить Христіанина почувствовать заблужденіе тѣхъ, которые, вмѣсто того, чтобы благодарить Бога за Его отеческія о насъ попеченія, дерза-

ютъ порицать Его за строгость и роптать на законъ, соблюденіе коего, составляя наше счастіе на землѣ, доставитъ намъ и на небеси безконечное блаженство. Мы можемъ доказать нашу любовь къ Богу слѣдующимъ образомъ:

Во-первыхъ, послѣдованіемъ Его заповѣдямъ: и такъ разсмотримъ дѣла наши.

Во-вторыхъ, доказать любовь нашу къ Богу, можно съ твердостію духа, изъ одной любви къ Нему, перенося всѣ бѣдствія жизни. Міръ наполненъ бѣдными и богатыми, знатными и низкими, много въ немъ пресыщающихся своимъ благополучіемъ и стенающихъ подъ бременемъ злоключеній; Богъ же есть правитель всѣхъ сихъ обстоятельствъ; и потому мы должны повиноваться Его предъопредѣленію, — помнить, что ни что не бываетъ безъ Его промысла. Мы оскорбляемся, когда видимъ добродѣтель тѣснимою, а беззаконіе торжествующимъ; но Религія научаетъ насъ, что ежели праведный Богъ попускаетъ оный случайный развратъ, то конечно имѣетъ на то Свои тайныя причины, которыя нѣкогда и намъ откроются. Блаженъ тотъ, который, среди скорбей своихъ, не теряетъ изъ виду Бога, лобызаетъ руку, его наказующую, и, исполненъ будучи упованія на Него, надѣется, что скорби его вознагра-

дятся утѣшеніемъ! (*) Удовольствія насъ усыпляютъ, и скорби для человѣка необходимы, дабы возбуждать его и напоминать ему, что міръ сей не есть обитель блаженства.

Въ третьихъ, любить ближняго, какъ самаго себя. Таковое правило Іисусъ Христосъ и Его Апостолы часто напоминали, предписывая намъ — любить даже враговъ и творить добро ненавидящимъ насъ.

Божественный Спаситель подалъ намъ Собою примѣръ всѣхъ добродѣтелей, и повелѣлъ намъ научаться отъ Него быть кроткими сердцемъ, дабы обрѣсти истинный покой душамъ нашимъ. Какой же миръ, какое спокойствіе могутъ имѣть тѣ, которые дышатъ одною гордостью? Они всегда недовольны и другими и собою; и когда человѣкъ смиренный привлекаетъ къ себѣ сердце каждаго, тогда горделивецъ остается въ презрѣніи у всѣхъ. Богъ повѣдалъ намъ, что Онъ противится гордымъ, смиреннымъ же даетъ благодать. — Смиреніе есть главнѣйшая Христіанская добродѣтель. Пусть гордецъ скажетъ намъ: „можетъ ли онъ избѣгнуть наказанія Небесна-

---

(*) Лучше уповать на Господа, нежели надѣяться на человѣка. Или: *Благо есть надѣятися на Господа.* (Псалтирь, Псал. CXVII, ст. 8). Надежда на Бога никогда не тщетна.

го, гнѣва Царскаго, болѣзней и бѣдствій, которыя суть удѣлъ земнородныхъ?“ Если же и онъ подверженъ имъ, какъ прочіе человѣки, то что жъ онъ такъ надменно возноситъ чело свое? — Христіанинъ, постоянно умерщвляющій эгоизмъ свой, летитъ быстро къ совершенству.

Нѣтъ ни добрыхъ друзей, ни добрыхъ слугъ, кромѣ тѣхъ, которые боятся Бога и поступаютъ по правиламъ Религіи.

Христіанинъ не смущается неудачами. Кому же все удавалось? ни тебѣ, ни мнѣ, ни иному кому на землѣ. Но онъ увѣренъ, что нѣтъ въ свѣтѣ человѣка, который бы не имѣлъ какого-либо прискорбія или огорченія, хотя бы онъ былъ Государь.

Кто не боится Бога, тотъ не можетъ быть ни добрымъ пріятелемъ, ни добрымъ супругомъ, ни добрымъ отцемъ, ни добрымъ сыномъ. Кто не вѣренъ Богу, можетъ ли быть вѣренъ вамъ? Человѣкъ, небоящійся Господа, не можетъ быть ни чѣмъ обузданъ, какъ скоро страсть или порокъ овладѣетъ имъ. Кто сохранится отъ слуги, когда корысть завлечетъ его къ тайному умыслу, въ надеждѣ скрыть оный, — если собственная его совѣсть и страхъ Божескаго наказанія не удержатъ его? Можете ли ввѣрить свои тайны и честь вашего дома человѣку, преданному страстямъ и неимѣю-

щему Религіи, которая одна способна обуздывать оныя? Можете ли надѣяться, что онъ пожертвуетъ вашей пользѣ своими выгодами или наклонностями?

Хотите ли быть добрыми? водитесь съ добрыми людьми. Желаете ли, чтобы семейство ваше было добропорядочно? не впускайте въ оное людей, вводящихъ безпорядокъ. Хотите ли имѣть вѣрныхъ слугъ? избирайте ихъ между боящимися Господа. Желаете ли имѣть друзей искреннихъ? ищите ихъ между любящими и чтущими Религію. Чтобъ быть добрымъ во всякомъ случаѣ, надобно быть добрымъ Христіаниномъ. Одни токмо истинные Христіане могутъ быть вѣрными и честными во всѣхъ обстоятельствахъ.

Истинный Христіанинъ соединяетъ качества, которыя кажутся противными его состоянію; онъ испытываетъ неизбѣжныя жизнейскія бѣды, сохраняя спокойствіе сердца, внутреннее удовольствіе и миръ душевный; онъ богатъ въ бѣдности; обладаетъ всѣмъ, ничего не имѣя; утѣшается жизнію, потому что въ теченіи ея имѣетъ время познать и возлюбить своего Создателя; желаетъ умереть, дабы наслаждаться Имъ вѣчно; его сокровища — всѣ его познанія; его друзья — на небесахъ; онъ старается сдѣлаться полезнымъ братьямъ своимъ, по крайней мѣрѣ

—молится за нихъ; молитва есть пища его; жизнь Іисуса Христа всегда у него въ умѣ, и онъ учится подражать ей; говоритъ мало, но всегда съ кротостію, любовію и благоразуміемъ.

Если бы между людьми, презирающими суетный міръ и поставляющими себѣ въ славу быть Христіанами, былъ хотя одинъ нечувствительный къ бѣдствіямъ неимущаго: то о таковомъ безошибочно сказать можно, что его Христіанство ложное, и что Богъ гнушается поклонами его и моленіями. Самое строгое уклоненіе отъ міра и суетъ его, самое полное отреченіе отъ почестей, произвольное заключеніе внутрь монастырей и храмовъ, словомъ: самое глубочайшее покаяніе, слезы и молитвы не представляютъ Небу ничего, кромѣ множества мертвыхъ дѣлъ, безплодныхъ трудовъ и подвиговъ,—ежели всё оное служитъ намъ только предлогомъ къ удаленію отъ вспоможенія требующимъ помощи, или утѣшенія.

Кто иной, кромѣ Спасителя, преподалъ столь божественное ученіе, основанное на презрѣніи богатства и чести и оставленіи всѣхъ удовольствій, обѣщаемыхъ страстями? Мысли, столь возвышенныя, столь противныя своекорыстію человѣческому, не могли родиться въ головѣ ни одного человѣка. Только Небесный Посланникъ могъ

предстать міру съ сими словами: *блажени нищіи!* Одинъ Онъ могъ преподать ученіе, истекшее отъ святилища вѣчнаго свѣта, гдѣ обитаетъ истина; одинъ Онъ, посланный съ небеси Сынъ Божій, вѣдающій всѣ тайны Отца.

Какія лекарства предписываетъ врачъ для возстановленія здоровья тѣлеснаго, тѣ же самыя предписываетъ и Евангеліе — для спасенія души. И такъ Евангеліе есть не только врачеваніе душевное, но и тѣлесное, равно какъ оно есть усовершенствованіе всѣхъ познаній, кои насъ просвѣщаютъ, и всѣхъ добродѣтелей, составляющихъ доброту сердца. Евангеліе есть самый прекрасный даръ, какой Богъ могъ дать человѣкамъ.

Нѣтъ почти никакой болѣзни, которая бы не имѣла своего начала въ тѣхъ безпорядкахъ, кои запрещаетъ Христіанство; и можно ясно доказать, что если бы всѣ люди жили согласно съ закономъ Евангельскимъ, то большая часть болѣзней и припадковъ, которые столь часто терзаютъ нашу жизнь и сокращаютъ ее, вскорѣ бы исчезли съ лица земли: тогда бы обрѣли истинное цѣленіе, которому бы мы всѣ одолжены были жизнію здравою и счастливою; смерть была бы большею частію только послѣднею эпохою настоящей старости, но твердой и покойной,

которая бы безъ дальнихъ страданій перешла сей законъ Природы и времени. Сколько видимъ молодыхъ людей, въ лѣтахъ, когда крѣпости силъ еще разцвѣтать бы должно, съ поблекшимъ уже цвѣтомъ на лицѣ, съ признаками дряхлости и приближенія ко гробу — отъ необузданности страстей!

Но хотя бы счастливое сложеніе и оплличная крѣпость силъ нѣкоторыхъ и могли на нѣсколько времени противустать дѣйствію страстей: однако минута, когда должно прибѣгать къ помощи Науки врачебной, отъ нихъ не далека. Что же дѣлаетъ съ ними врачъ? предписываетъ то же воздержаніе, которое повелѣваетъ Евангеліе, и иногда гораздо строжайшее, нежели каковое налагаетъ Іисусъ Христосъ: врачъ требуетъ тѣхъ же лишеній и тѣхъ же пожертвованій, которыя кажутся невозможными, когда требуетъ ихъ Религія; онъ скажетъ: нѣтъ спасенія, нѣтъ надежды, если больной не будетъ остерегаться отъ того, что разстроиваетъ его здоровье, ежели не подкрѣпитъ себя воздержаніемъ самымъ строгимъ.

Иногда врачъ требуетъ даже пожертвованія наклонностями: говоритъ, что дѣйствіе лекарствъ зависитъ отъ свободы душевной, отъ спокойствія сердца, отъ стараній удалять отъ себя всѣ мечтанія,

всѣ пожеланія, всѣ воспоминанія, которыя могутъ возбудить или раздражить дѣйствіе чувствъ. Такимъ образомъ отъ одной разстройки здоровья, вчера пресытившійся всѣми утѣхами, сегодня лежитъ на одрѣ горести, и, при умноженіи своихъ болѣзней, также отрекается отъ міра, какъ и благочестивые Христіане.

Что станется съ тѣмъ государствомъ, въ которомъ не будетъ Религіи, всегда его подкрѣпляющей,— ни нравственности, удерживающей порывы страстей? Какъ можетъ существовать общество, въ которомъ каждый дозволитъ себѣ пользоваться всѣмъ, что только захватить можно и не будетъ имѣть другаго закона, кромѣ права сильнаго, кромѣ своихъ выгодъ? А какъ обыкновенно выгоды однихъ противны пользѣ другихъ, то что изъ того выдетъ? Непрестанныя распри и хищенія повсемѣстныя; бѣдный ограбитъ богатаго, лѣнивый трудолюбиваго; ни кто не будетъ безопасенъ отъ смерти насильственной; вездѣ пойдетъ замѣшательство, волненіе и убійства. Вотъ каковы были бы послѣдствія, для всѣхъ насъ общія; вотъ каковъ былъ бы плодъ невѣрія во всемъ мірѣ, если бы ему удалось только низпровергнуть Религію!

Самая высочайшая степень совершенства, до которой только можно возвести

истинное благосостояніе общества, есть плодъ правилъ Евангельскихъ; оными, сильные и богатые какъ бы понуждаются раздѣлять счастіе свое съ несчастными и угнетенными, и сіи находятъ здѣсь твердую подпору и безопасность! Вотъ точка, до коей никогда не достигаютъ законоположенія человѣческія; и никода они не произведутъ того, что производитъ Евангеліе. Таково его превосходство, отличающее его отъ всѣхъ постановленій политическихъ, отъ всякаго нравоученія, каковыя только отъ самыхъ древнихъ вѣковъ являлись въ мірѣ. Евангеліе представляетъ вѣрный способъ устроить миръ во вселенной, водворить согласіе между людьми и блаженство въ государствахъ.

Въ числѣ всѣхъ Религій, намъ извѣстныхъ, одна Христіанская доказываетъ и оправдываетъ стремленіе сердца человѣческаго къ непоколебимому и твердому блаженству. Безпредѣльность желаній человѣческихъ не можетъ ни удовлетворена, ниже изъяснена быть никакою философскою системою. Одинъ Іисусъ Христосъ подаетъ намъ надежды наслажденія, соразмѣрнаго нашимъ требованіямъ и нашимъ ненасытнымъ желаніямъ познаній; одинъ Онъ можетъ пренести насъ въ безпредѣльность вѣчности.

Два изреченія изъ Евангелія поучительнѣе многихъ философскихъ книгъ: прочитавъ славнѣйшихъ Писателей языческихъ, не найдете въ нихъ ничего такого, что можно бы сравнить съ сими двумя заповѣдьми Евангельскими: *Возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего и отъ всея души твоея, и ближняго твоего яко самъ себе.*

Чистота и невинность дѣлъ должны сопровождать вѣрующаго; ибо Вѣра безъ дѣлъ недостаточна къ спасенію.

Хотя бы человѣкъ вѣровалъ искренно и отъ всей души въ высокія таинства Христіанства, — но если вѣра его не будетъ сопровождаема добрыми и богоугодными дѣлами, онъ никакъ наслѣдовать спасенія не можетъ; Апостолъ *Павелъ* говоритъ ясно: *какъ тѣло безъ духа мертво есть, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва; не слышателіе закона, но творцы закона, сіи оправдятся.*

Блаженъ человѣкъ, любящій то званіе, въ которое Промыслъ его поставилъ! Религія даетъ новую цѣну совершенному исполненію нашихъ обязанностей и превращаетъ труды и скорби наши въ удовольствія. Истинный *Христіанинъ* почитаетъ себя счастливымъ, заключая себя въ границы должностей своихъ, которыя божественный Промыслъ предназначилъ ему; онъ

вѣдаетъ, что, прилежа къ самымъ простымъ и низкимъ должностямъ, онъ драгоцѣннѣе въ очахъ Божіихъ, нежели безъ радѣнія въ блестящемъ санѣ управленія цѣлымъ свѣтомъ; вѣдаетъ, что онъ поставленъ тамъ, гдѣ Богу угодно, чтобы онъ былъ; а дѣлая угодное Богу, онъ находится въ благороднѣйшемъ и почтеннѣйшемъ состояніи, въ какомъ только быть можетъ, и оставаясь въ безъизвѣстности, онъ живетъ для Того, въ рукахъ Коего сила и держава на небеси и на земли, и каждая минута сей безъизвѣстной жизни обѣщаетъ ему неоцѣненное благо въ небесномъ царствіи Его.

Пути Господни почти всегда просты и одинаковы, и для спасенія нашего нѣтъ нужды всегда прибѣгать къ тяжкимъ подвигамъ и вести жизнь необыкновенную. Религія, оставляя насъ въ нашемъ обществѣ, въ нашемъ семействѣ и въ нашемъ званіи, не требуетъ отъ насъ ничего инаго, кромѣ того, что мы сами по себѣ должны дѣлать ежедневно. Единственная ея цѣль состоитъ въ возвышеніи нашихъ мыслей, въ очищеніи нашихъ побужденій и учиненіи насъ счастливыми чрезъ впечатлѣніе въ наши намѣренія вѣчной пользы нашей.

Ученикъ Христовъ боится всего противнаго смиренію и кротости, и никогда не бываетъ такъ спокоенъ, какъ занимаясь

обыкновенными своими дѣлами, ходя предъ лицемъ Бога, исполняя и самыя легкія должности съ сердцемъ довольнымъ и занимаясь ими такъ, какъ Религія предписываетъ; тогда во всѣхъ дѣлахъ его обрѣтается благость и жизнь; и, не чуждаясь обыкновеннаго свѣтскаго поведенія другихъ людей, онъ отличается свойствомъ симъ предъ очами Божіими, — свойствомъ, превозносящимъ его истинною славою.

Въ числѣ многихъ средствъ, ведущихъ къ предположенной нами цѣли, одно изъ употребительнѣйшихъ и дѣйствительнѣйшихъ состоитъ въ непрестанномъ помышленіи о смерти и послѣдующей за нею вѣчности; ничто столь не важно, какъ сіе помышленіе; ибо знаемъ, что настоящая жизнь наша скоро кончится, что душа наша сопряжена съ плотію токмо для испытанія, доколѣ здѣсь пребываемъ, и что настанетъ день воскресенія, въ который Богъ будетъ судить ее по дѣламъ ея. Въ сравненіи съ вѣчностію, все теченіе жизни нашей есть мгновеніе. Земныя блага, почести, богатства, забавы, здравіе и все, что воображеніе ни представляетъ намъ пріятнѣйшаго, есть меньше, нежели ничто, когда мы сіи тлѣнныя блага сравнимъ со славою, насъ ожидающею. Благоразумный человѣкъ въ самомъ себѣ не находитъ удовольствія, если

устремляетъ все свое вниманіе и посвящаетъ свои труды на пріобрѣтенія благъ толь тлѣнныхъ. Желаніе бо́льшаго счастія въ насъ не умираетъ, мы же не въ состояніи избѣгнуть смерти: слѣдственно мы должны перемѣнить свои понятія и прилѣпиться къ тому счастію, котораго ни что отнять у насъ не можетъ. Мысль о смерти не только не мѣшаетъ истинному нашему счастію, но даже ведетъ насъ къ нему: памятуя только о кончинѣ нашей, мы начинаемъ презирать то, что не заслуживаетъ нашего вниманія; она открываетъ обманчивость благъ чувственныхъ, помогаетъ намъ воздавать цѣну существеннымъ и вѣчнымъ благамъ.

Къ несчастію, вниманіе людей, ограничиваясь временемъ, не простирается за предѣлы вѣковъ. Большая часть людей трудятся, дабы только здѣсь быть счастливыми; вѣчность же считаетъ за ничто. Преданные порокамъ, предпочитаютъ блескъ преходящаго могущества и преходящаго удовольствія радостямъ безконечнымъ.

Отъ помышленія о вѣчности раждается страхъ Божій, который одинъ только можетъ направлять пути наши. Одинъ онъ можетъ доставить намъ истинныя блага: спокойствіе души въ семъ мірѣ и обладаніе Богомъ въ будущемъ. Одинъ только

страхъ Господень можетъ воспрепятствовать быть коварными. И добродѣтельные язычники, *Сократъ*, *Катонъ*, *Маркъ-Аврелій*, *Эпиктетъ* и другіе вѣрили безсмертію души.

Но поелику Богъ распредѣляетъ и земными благами: то ежели кому Онъ судилъ родиться въ изобиліи, тотъ долженъ чтить Его промыслъ и съ покорностію преодолѣвать самыя опасности, которымъ чрезъ то онъ подвергается, памятуя, что мы не для себя собственно бываемъ богаты, что мы не что иное, какъ приставники къ имѣнію Божію, и что мы себѣ должны удерживать только необходимое для нашихъ потребностей, а весь излишекъ отдавать нуждающимся. Благимъ употребленіемъ богатства сооружаемъ мы лѣствицу къ восхожденію на небеса.

Прервать, безъ особливой причины, всякое сообщеніе съ людьми, не есть дѣло благочестивое, и можетъ въ глазахъ людскихъ только исказить превосходное и почтенное свойство Религіи; сей поступокъ подастъ поводъ невѣрію — порочить добродѣтель и охуждать правила людей набожныхъ. Умы неосновательные, которые не знаютъ Религіи въ существѣ ея, судятъ о ней по свойству и нравственности исповѣдующихъ ее; приписываютъ даже проступки послѣдователей Евангелія ученію его. Когда они

видятъ Христіанъ печальными и унылыми, то всегда приписываютъ Религіи то, что бываетъ порокомъ частнаго характера; воображаютъ, что Христіанство непремѣнно разрываетъ связи общественныя, дѣлаетъ людей безполезными: отъ того происходитъ, что желающіе обратиться къ добродѣтели—часто удерживаются отъ того, дабы не показаться угрюмыми и необщежительными.

Добрые Христіане должны, напротивъ того, казаться любезными и пріятными въ обхожденіи. Величайшая слава Религіи, хорошо понимаемой, если она является сходственною со смысломъ ея, внушающимъ взаимную любовь, кроткое миролюбіе, желаніе дѣлать добро, благопріятство, дружбу, чувствительность. Сколько случалось видѣть злонравныхъ, грубыхъ и жестокосердыхъ людей, при одномъ гласѣ Религіи премѣнившихся въ благочестивыхъ и кроткихъ!

Іисусъ Христосъ не повелѣваетъ принявшимъ Духа Его, быть нелюдимами; но, напротивъ того, Онъ желаетъ, чтобы оные служили вмѣсто свѣтильниковъ среди непросвѣщенныхъ, дабы проповѣдовать и показать силу Его ученія; дабы видящіе ихъ, преобразованныхъ Евангеліемъ въ людей добронравныхъ и полезныхъ, старались и са-

ми почерпать въ семъ чистѣйшемъ источникѣ истинное блаженство на землѣ.

Сообщество людей не менѣе есть дѣло Божіе, какъ и сотвореніе вселенныя; Евангеліе, будучи самою вѣрною опорою онаго, не можетъ быть противъ сообщества: и такъ наша святость должна также, какъ и наше бытіе, служить къ пользѣ братій нашихъ. Чтобы произошло съ міромъ, ежели бы въ немъ остались одни люди неимѣющіе Религіи, ни нравственности, ни закона, ни какихъ правилъ?

Отъ чего порочный еще не совсѣмъ злочестивъ, чтобъ выдти изъ предѣловъ? Отъ того, что встрѣчаются въ обществѣ и добродѣтельные, которые удерживаютъ его нечестіе; присутствіе благомыслящихъ людей обуздываетъ страсти неистовыхъ.

Умы, не вовсе наглые, наконецъ почувствовали, что поносить Вѣру и нравственность есть признакъ уже развращеннаго и неблагонамѣреннаго человѣка, желающаго вредить благу общему.

Намѣреніе Іисуса Христа, при основаніи Своей Религіи, состояло въ томъ, чтобы великими истинами ея просвѣтить и преобразовать человѣковъ. Предпріятіе, столь много превышающее силы человѣческія, произведено Іисусомъ Христомъ средствами столь слабыми, столь по видимому

противоположными, что они скорѣе должны бы показаться препятствіями, нежели пособіями; поелику Онъ, для достиженія Своей цѣли, избралъ только небольшое число людей бѣдныхъ, неученыхъ и незначащихъ, коимъ, вмѣсто поощренія ихъ надеждою какихъ-либо выгодъ временныхъ, предложилъ Онъ одни мученія, скорби и смерть. Таковы были тѣ, которые покорили Ему вселенную и заняли первыя мѣста въ Его новомъ царствіи!

Первые проповѣдники Евангелія вѣдали, что такое поведеніе ихъ воздвигнетъ на нихъ гоненія и оскорбленія; но ни что ихъ не удерживало, и они предавались самой смерти безбоязненно, свидѣтельствуя тѣмъ равнодушіе свое къ жизни.

Чѣмъ могло нравоученіе, столь строгое и столь противное естественнымъ наклонностямъ, покорить себѣ столько людей развращенныхъ? Отвѣтъ на сіе самый простой: Вѣрою. — Религія была оправдана такимъ множествомъ доказательствъ явственнѣйшихъ, что сдѣлалось уже невозможнымъ болѣе сомнѣваться въ ея святыхъ истинахъ и въ божественности ея Основателя.

Іисусъ Христосъ учредилъ и установилъ Религію духовную, противную склонностямъ человѣческимъ, посредствомъ двѣнадцати рыбаковъ, бѣдныхъ и непросвѣщен-

ныхъ. Это были Апостолы, кои проповѣдовали безъ всякой мірской корысти, а часто, напротивъ того, съ пожертвованіемъ своей жизни, предавая себя мученіямъ для подтвержденія чистѣйшей истины.

При истинѣ чудесъ Іисусовыхъ, какъ Религія, производящая оныя, будетъ не божественна и какъ могли двѣнадцать бѣдныхъ рыбарей сами собою учредить и распространить ученіе столь строгое? Такое предположеніе было бы не менѣе чудно.

Когда Евангеліе могущественно дѣлать людей счастливѣйшими, кроткими, постоянными и неизмѣнными въ своихъ правилахъ, исполняющими лучше другихъ обязанности свои, сострадательными къ бѣднымъ: то честная душа не можетъ порицать ученія его; и это будетъ уже пучина разврата — желать, дабы люди не были Христіанами; поелику первый предметъ благочестія — желать, чтобъ всѣ люди были добры и счастливы.

Если даже смотрѣть на Евангеліе только окомъ ума человѣческаго: то и тогда изувѣры принуждены были бы сознаться, что книга сія есть превосходнѣйшая, которая не иначе писана, какъ со святымъ намѣреніемъ; что ученіе ея чисто, правила святы, совѣты мудры, и одно наблюденіе оныхъ исправило бы всѣ злоупотребленія и

развратность міра, коихъ спрашится человѣкъ благомыслящій.

Мы, слабыя и бренныя созданія, воздыхающіе подъ бременемъ грѣховъ, болѣе или менѣе важныхъ, содѣлывающихъ насъ болѣе или менѣе виновными; мы непрестанно имѣемъ нужду въ молитвѣ и не должны никогда оставлять ее. И такъ да молимся непрестанно сему премилосердому Отцу! Да просимъ Его съ вѣрою и сокрушеннымъ сердцемъ, чтобы Онъ забылъ всѣ наши оскорбленія Ему, и съ твердымъ нашимъ намѣреніемъ не согрѣшать болѣе! Сія молитва не столько требуетъ словъ, сколько чувства; она должна быть въ насъ изліяніемъ сердца; ибо Богъ читаетъ во глубинѣ сердецъ; Ему пріятна чистота намѣреній; воззваніе къ Нему, напримѣръ: *Боже мой, умилосердись надъ бѣднымъ созданіемъ Твоимъ и помоги мнѣ!* достаточно, чтобъ изъяснить Ему скорбь нашу, и таковая молитва должна быть обыкновеннымъ чувствомъ грѣшника.

Спаситель совѣтуетъ намъ молиться слѣдующимъ образомъ: (*) *Егда молишися, вниди въ клѣть твою, и, затворивъ двери твоя, помолися Отцу твоему, иже въ тайнѣ: и Отецъ твой, видяй въ тайнѣ, воздастъ*

(*) Евангеліе Матѳея, VI, 6.

тебѣ явѣ. — Онъ также научилъ насъ божественной молитвѣ: *Отче нашъ*, увѣряя, что все то, чего мы ни попросимъ у Отца во имя Его, Онъ дастъ намъ.

Молитва не состоитъ во множествѣ словъ, ни въ выборѣ оныхъ: божественный Учитель нашъ Самъ то открылъ намъ; и хотя Онъ не охуждаетъ продолжительныхъ молитвъ, но учитъ насъ, чтобы не слишкомъ полагаться на многословныя молитвы, (Еванг. Луки, *V*, 31 и 32) представляя также въ примѣръ молитву мытаря, которая лучше принята Богомъ, нежели Фарисеева. Богъ желаетъ, чтобы Ему говорили болѣе сердцемъ, нежели устами.

Хотя вѣрующій долженъ на всякомъ мѣстѣ славословить Бога, потому что Онъ вездѣсущъ и вся исполняетъ: но обязанъ особливо исполнять то въ храмахъ, Ему посвященныхъ, гдѣ правовѣрные собираются приносить Ему жертву хвалы и поклоненія и воздавать должное служеніе. Тамъ наиболѣе должны мы возносить сердца наши, и, для признанія нашей отъ Него зависимости, повергаться предъ безпредѣльнымъ Его величествомъ, благословляя и прося Его, да святится имя Его по всей землѣ и да будетъ Божественная воля Его на всякомъ мѣстѣ.

Христіанство истинно, и невѣрующій вѣчно злосчастенъ; Христіанинъ пріобрѣтаетъ все; — первый подвергается бѣдствіямъ вѣчнымъ, а вторый лишается иногда только нѣкоторыхъ тлѣнныхъ удовольствій, которыя ни на шагъ не простираются за предѣлы жизни временной и скоротечной. Какой же человѣкъ, одаренный здравымъ разсудкомъ, будетъ столь глупъ, чтобъ не принять стороны, не подверженной сомнѣнію?

Христіанская Религія, смягчивъ нравы и усовершенствовавъ общежитіе, улучшила вмѣстѣ и состояніе людей. Благотворное ученіе сей Религіи предписало имъ обязанности, открыло имъ надежды и обѣтовало награды, какъ во временной, такъ и въ вѣчной жизни.

Мендельзонъ говоритъ: Истинное назначеніе человѣка на землѣ, общее мудрецу и невѣждѣ — хотя въ различной мѣрѣ для того и другаго — есть совершенство душевныхъ качествъ, согласное съ Творческими намѣреніями: высокая, благородная цѣль, искони указанная ему Провидѣніемъ.

Повиновеніе, какое обязаны мы воздавать Богу, состоитъ въ подражаніи совершенствамъ Его. Слѣдственно придать повиновенію нашему истинное достоинство можетъ одно желаніе — уподобляться Богу

нашему въ Его совершенствахъ, въ Его любви къ добру. Подобіе сіе вмѣстѣ есть совершеннѣйшее правило наше, вѣрнѣйшій законъ для насъ. При всякихъ другихъ заповѣдяхъ, кои давали бы намъ подъ именемъ святости и закона Божія, но въ которыхъ сіе подобіе не было бы яснымъ основаніемъ, мы всегда находились бы въ опасности, быть обманутыми. Тогда суевѣріе могло бы удобно ввергнуть насъ въ оковы; а вольнодумство напротивъ и невѣріе разторгали бы всякія для насъ преграды. Первое возлагало бы на насъ, какъ на рабовъ, всякое бремя, подъ которымъ стонала бы наша разумная природа; второе, подъ предлогомъ защищенія правъ нашей природы, истребило бы въ насъ все чувство добродѣтели, унизило бы до сходства съ скотами.

Всякія другія правила также неопредѣленны. Воспитаніе, обычаи, счастіе могутъ мало по-малу ослабить и самые святѣйшіе законы, могутъ дать блестящій видъ самому гнусному пороку, могутъ къ самымъ безчеловѣчнѣйшимъ несправедливостямъ сдѣлать столь нечувствительными, что наконецъ даже и неогрубѣвшее еще сердце хладнокровно будетъ ихъ производить; но когда вы имѣете образцемъ для дѣлъ вашихъ самаго Бога, ко-

гда стараетесь уподобиться Ему: тогда закоренѣлость въ порокахъ не можетъ имѣть мѣста; съ симъ руководителемъ вы будете безопасны отъ всѣхъ соблазновъ.

Христіанинъ, проникнутый духомъ и правилами Божественнаго Учителя своего, во всякомъ состояніи жизни есть то, чѣмъ быть долженъ: онъ есть добрый отецъ, добрый сынъ, вѣрный и нѣжный супругъ, постоянный и великодушный другъ, снисходительный и человѣколюбивый господинъ, исполненный любви и почтенія къ тѣмъ, кому подчиненъ, — чувствительный къ бѣдствіямъ ближняго, такъ какъ бы они были его собственныя, и всегда стремящійся къ облегченію ихъ; благій и милосердый къ явнымъ врагамъ своимъ, и за сдѣланныя отъ нихъ обиды отмщающій дѣланіемъ добра; на человѣческія слабости взирающій не съ презрительнымъ отвращеніемъ, но окомъ состраданія и снисхожденія, даже въ то самое время, когда, по званію своему, обязанъ оныя наказывать; во всѣхъ обязанностяхъ, налагаемыхъ на него порядкомъ натуральнымъ и общественнымъ, въ точности слѣдуетъ правиламъ правосудія и закону должности. — Но сей описанный мною портретъ не есть ли мечта воображенія? — Нѣтъ! здѣсь представлены черты истин-

ныхъ мудрецовъ и учениковъ закона Евангельскаго.

Не удивительно, что законъ Христіанскій есть кротчайшій, справедливѣйшій и лучшій изъ всѣхъ на свѣтѣ; ибо онъ предначертанъ вышнимъ Законодавцемъ, Іисусомъ Христомъ, — вмѣсто того, всѣ прочіе, будучи дѣло ума человѣческаго, подвержены, какъ и они сами, перемѣнѣ, и не могли быть совершенны. Законъ *Прометеевъ* дозволялъ Египтянамъ кражу; *Ликурговъ* не наказывалъ прелюбодѣянія; *Нумы Помпилія* давалъ волю присвоять себѣ все, что было можно; Лидійскій законъ возбранялъ давать приданое дѣвицамъ, выходящимъ за-мужъ, кромѣ пріобрѣтеннаго ихъ нескромною слабостію. Нельзя сказать, чтобъ не было грубости въ сихъ законахъ; напротивъ того, Христіанскій не токмо наставляетъ насъ всѣмъ добродѣтелямъ, но и запрещаетъ всѣ пороки. Законъ Евреевъ былъ законъ страха; но Христіанскій есть законъ любви. Они служили Богу какъ рабы, а мы какъ чада. Ихъ законъ былъ строгъ, а нашъ кротокъ и милостивъ: ибо онъ насъ не обязываетъ ни къ чему, чего бы прежде самъ Іисусъ Христосъ не исполнилъ. Онъ научаетъ насъ терпѣнію, и не самъ ли Онъ испы-

шалъ его Собою? Онъ повелѣваетъ намъ молиться; не Самъ ли же Онъ собою подавалъ тому частые примѣры? Онъ хочетъ, чтобъ мы прощали обиды; ибо и самъ простилъ тѣмъ, кои лишили Его жизни. Онъ желаетъ, чтобъ мы умирали съ твердымъ упованіемъ на волю Божію; не Самъ ли же Онъ предался на смерть за насъ, яко агнецъ, не испустя изъ устъ Своихъ ни малѣйшей жалобы? Онъ увѣщаваетъ насъ любить ближняго; но не Самъ ли Онъ то же являлъ, такъ, что и жизни Своей за насъ не пощадилъ? Однимъ словомъ: законъ Христіанскій приводитъ насъ не къ иному чему, какъ къ подражанію Іисусу Христу.

Монтескье сказалъ: „Дивная вещь! Христіанская Религія, которая, кажется, имѣетъ въ предметѣ только блаженство будущей жизни, составляетъ еще и въ здѣшней блаженство человѣка.“

Религія Христіанская разрываетъ на страстяхъ основанныя наши связи съ міромъ, и чудною своею силою возвышая нашу душу, заставляетъ ее — въ небѣ, въ лонѣ Безконечнаго — искать внутренняго, вожделѣннаго спокойствія.

ВѢРОТЕРПИМОСТЬ.

Должно терпѣть всѣ Вѣры, потому, что Богъ терпитъ ихъ, — хотя и надобно стараться о распространеніи истинной Христіанской Религіи.

Отъ нетерпѣнія Вѣръ происходили чрезвычайныя бѣдствія.

ВѢТРЕНОСТЬ,

непостоянство, опрометчивость.

Два рода людей, ни къ чему неспособныхъ: *вѣтреные*, которые дѣлаютъ все, необдумавъ напередъ, и *малодушные*, кои начинаютъ размышлять, когда уже должно дѣйствовать.

Не будемъ очень поспѣшны и опрометчивы. Часто отъ вѣтрености происходятъ весьма дурныя послѣдствія. Говорятъ объ молодой особѣ: она очень жива, — она вѣтрена! Но лучше бъ было, если бы сказали: она примѣръ благоразумія и скромности!

Тщательно убѣгайте суетныхъ удовольствій, какимъ предаются съ жадностію женщины, незанимающіяся никакимъ дѣломъ. — Тѣ, которыя только и думаютъ объ убранствѣ, балахъ, спектаклях и дру-

гихъ увеселеніяхъ, не имѣютъ ни времени, ни желанія исполнять своихъ обязанностей. Если правда, что нравиться есть принадлежность женскаго пола; то, для успѣха и торжества своего, женщина должна совѣтоваться болѣе съ своимъ сердцемъ, нежели съ зеркаломъ. Красивый нарядъ и прелести ея обольстятъ на минуту, но — не плѣнятъ; въ продолженіе жизни вашъ супругъ и ваши дѣти будутъ смотрѣть болѣе на ваши добродѣтели, нежели на прелести. Къ тому же сколь постыдна страсть къ роскоши и вѣтрености: это ужасная бездна, поглощающая безчисленныя богатства! Горе смертному, котораго судьба соединитъ съ женщиною, увлеченною страстью къ мнимымъ удовольствіямъ и нарядамъ! Для ея глупыхъ издержекъ мало всѣхъ сокровищъ міра; и если онъ не ускоритъ положить крѣпкій оплотъ сему разрушительному потоку, то гибель его не избѣжна. Горе дѣтямъ, коимъ Природа дастъ подобную мать! Оставленныя присмотру и попеченіямъ другихъ, они будутъ томиться въ горести и уединеніи; и между тѣмъ, какъ та особа, коей они должны жизнію, будетъ ослѣплять взоры бриллiянтами, которыми усѣяна ея голова, ея грудь, уши и пальцы, — они будутъ нуждаться въ самыхъ необходимыхъ вещахъ.

ГЕНІЙ, — *умъ творческій.*

„Какая польза терять, безпокоиться, идти добровольно на смерть!“ — такъ бы думалъ другой гражданинъ или купецъ на мѣстѣ Козмы *Минина:* „какая польза! все равно, жить ли подъ Русскимъ, или подъ Польскимъ правленіемъ:“ такъ бы онъ думалъ, зарывая въ землю драгоцѣнности свои. Но, напротивъ, какую пользу предполагалъ нашъ славный *Мининъ,* Нижегородскій купецъ, когда — для спасенія отечества — самъ первый отважился, и даже возбудилъ другихъ жертвовать всѣмъ имуществомъ, дѣятельностію и самою даже жизнію, — *Мининъ,* бывшій незнатнаго рода, непросвѣщенный, неславолюбивый? — Слѣдственно есть польза нетлѣннѣйшая, истина чистѣйшая и цѣль совершеннѣйшая.

Какой законъ, — на какомъ естественномъ или разумномъ побужденіи основанный законъ, возбуждалъ *Петра* Великаго, для счастія подданныхъ своихъ, сойти съ великолѣпнаго трона, оставить Скипетръ, снять Порфиру и, удалясь въ чужеземную приморскую хижину, одѣвшись въ грубое платье, сдѣлаться масперовымъ — плотникомъ, кузнецомъ, корабельщикомъ и проч.?

Какое побужденіе господствовало въ душѣ сего величайшаго въ Свѣтѣ Монарха, который самъ собою все испытывалъ, всему научался и на всѣ трудности отваживался? Прочтите только нѣкоторые анекдоты о семъ неусыпномъ и великомъ *Геніѣ* Россійскомъ, — и вы тотчасъ согласитесь, что проницательнѣйшій и глубокомысленнѣйшій разумъ человѣческій весьма еще малосиленъ производить то, что произвести можетъ человѣкъ, возбуждаемый своимъ геніемъ! Цѣль сего величайшаго Монарха была — любовь не къ самому себѣ, но къ ближнимъ, къ отечеству, — къ человѣчеству: это *геній!*

ГЕРОЙ.

Это человѣкъ, соединяющій въ себѣ необходимыя качества великаго воина и истинную любовь ко благу общественному. Въ стихахъ *Суворову*, на взятіе Варшавы, сказано:

Пошелъ — и гдѣ пристаты злобы?
Чему коснулся, все сразилъ:
Поля и грады — стали гробы!
Шагнулъ, — и Царство покорилъ!

(Державинъ.)

ГИМНАСТИКА.

Гимнастика, важнѣйшая часть воспитанія, есть изученіе всѣхъ тѣлесныхъ упражненій, необходимыхъ въ каждомъ ремеслѣ и состояніи, въ разныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ несчастныхъ случаяхъ, опасностяхъ; она есть приготовительная наука къ плаванію, къ фехтованію, верховой ѣздѣ, танцованію, воинскимъ экзерциціямъ и эволюціямъ, ловкости и смѣлости всѣхъ движеній солдата и моряка; она направляетъ постепенно развитіе силъ физическихъ, умножаетъ крѣпость, гибкость и ловкость тѣла; способствуетъ обращенію крови и соковъ, сохраненію здравія и продолженію жизни; она доставляетъ болѣе нравственной силы и твердости душѣ, болѣе дѣятельности духу, въ то же время совершенствуя органы чувствъ; — способствуетъ къ предупрежденію или исправленію въ дѣтяхъ и юношахъ привычекъ къ небрежности, нѣгѣ, лѣни и другихъ подобныхъ; сообщаетъ имъ любовь къ порядку, подчиненности и дѣятельности. Гимнастика, производя людей здравыхъ, сильныхъ и ловкихъ, презирающихъ страхъ и опасности, располагаетъ ихъ — съ надѣянностію жертвовать собою для спасенія себѣ подобныхъ въ кораблекрушеніяхъ, пожарахъ и вся-

кихъ подобныхъ случаяхъ; способствуетъ къ развитію органовъ и укрѣпленію тѣла упражненіями разнообразными, смотря по возрасту и сложенію; предупреждаетъ болѣзни и дѣйствуетъ непосредственно на состояніе нравственное и физическое. (Читай: *Тѣлодвиженіе.*)

ГНѢВЪ, *досада.*

Ничто не можетъ такъ вредить цвѣту жизни, преграждать входъ всякой радости и удовольствію, какъ дурная привычка — гнѣваться. Я совѣтую всякому, кому жизнь своя мила, убѣгать гнѣва какъ смертоноснаго яда и искоренять его въ самомъ началѣ. Гнѣвъ снѣдаетъ сердце человѣческое, и умаляетъ его здравіе. Нѣкто сказалъ, что *хотя гнѣвъ есть и краткое бѣшенство, однако дѣйствія его влекутъ по себѣ продолжительныя безумія.*

Весьма справедливо, что запальчивость ставитъ необоримыя препоны спокойствію жизни и здоровью тѣла. Она притупляетъ разсудокъ и помрачаетъ умъ. Часто не много словъ потребно къ учиненію человѣка несчастнымъ на весь остатокъ дней его. Иные чрезъ гнѣвъ теряютъ въ одну минуту такихъ друзей, которыхъ многіе годы наживали. Запальчивость отстоитъ отъ

бѣшенства не далеко, и вспыльчивый съ безумнымъ имѣютъ равное право къ убѣжищу въ домѣ сумасшедшихъ. Если и умный человѣкъ дѣлается въ минуты гнѣва дуракомъ, то чего не сдѣлаетъ дуракъ въ бѣшенствѣ? Худо быть пьяницею, но едва ли еще не хуже быть вспыльчивымъ: пьянаго можно иногда отвести отъ дурачества, а вспыльчиваго никто и ничто не удержитъ. Пьяный вредитъ болѣе самому себѣ и не всегда другимъ, а вспыльчивый наноситъ вредъ и себѣ и постороннимъ.

Гнѣвъ способствуетъ единственно на оскорбленіе Бога, на поврежденіе здоровья, на потеряніе друзей и своего счастія, въ угодность врагамъ своимъ, уподобляя насъ скотамъ несмысленнымъ. Наконецъ, изъ всѣхъ грѣховъ смертныхъ, гнѣвъ въ обществѣ человѣческомъ есть несноснѣйшій; и только онъ одинъ осужденіемъ своимъ обременяетъ грѣшника, не причиняя ему ни малѣйшаго удовольствія. Нѣкоторые мудрецы говорили, что гнѣвъ есть непродолжительное сумасшествіе. Въ самомъ дѣлѣ, гнѣвъ, какъ и сумасшествіе, не удерживается никакими предѣлами: онъ пренебрегаетъ благопристойность, забываетъ дружбу, упорствуетъ въ своихъ чувствахъ, не пріемля ни убѣжденій, ни совѣтовъ. Чтобы вамъ увѣриться, что раздраженный человѣкъ не

въ полномъ разсудкѣ, осмотрите его съ головы до ногъ: глаза его сверкаютъ, лице въ пламени, губы трепещутъ, зубы списнуты, волоса становятся дыбомъ, мускулы напрягаются; дыханіе его быстро и прерывисто; онъ говоритъ невнятно, хлопаетъ руками; все тѣло въ движеніи; взирая на него, нельзя сказать, что болѣе внушаетъ сей порокъ: отвращеніе или ужасъ?

Если разсуждать о гнѣвѣ по его дѣйствію и несчастіямъ, коихъ онъ бываетъ причиною, то, вѣроятно, не было никакой язвы вредоноснѣе его для человѣчества. Взгляните на развалины знаменитѣйшихъ городовъ, поросшія травою и мохомъ; онѣ низпровергнуты жестокостію людей! Посмотрите на области, превратившіяся въ пустыни; гнѣвъ истребилъ жителей ихъ! Представьте себѣ многочисленные примѣры злополучнаго жребія разныхъ лицъ, извѣстныхъ въ Исторіи: гнѣвъ пронзилъ одного на его ложѣ, другаго посреди жертвоприношенія или пиршества, а сей растерзанъ при глазахъ народа.

Но для чего намъ вопрошать Исторію? Стоитъ только взглянуть на то, что каждый день происходитъ между нами, — и вамъ встрѣтятся многія обстоятельства, которыя внушатъ ненависть къ пороку,

превращающему человѣка иногда въ совершеннаго лютаго звѣря.

Вода не задерживается на горахъ, а гнѣвъ въ благородномъ сердцѣ.

Жизнь столь коротка, что не стóитъ труда досадовать и бѣситься. Бѣшеной и нетерпѣливый человѣкъ всегда вредитъ тому, что онъ хочетъ дѣлать.

ГОРДОСТЬ,

надменность, кичливость, чванство, высокомѣріе, напыщенность, спесь.

Тщеславіе есть слабость, а гордость порокъ.

Изъ всѣхъ пороковъ, гордость вообще всѣми ненавидима, потому что она несносна даже и для надменныхъ.

Гордость приводитъ въ презрѣніе и унижаетъ все: умъ, добродѣтели и таланты.

Нѣтъ ничего безумнѣе и смѣшнѣе гордаго человѣка.

Чѣмъ гордится человѣкъ? Его зачатіе — грѣхъ, или случай, рожденіе его — болѣзнь, жизнь — трудъ, смерть — необходимость.

Человѣкъ богатый столько гордъ, что считаетъ себя выше равныхъ и высшихъ себя. Но имъ онъ не показываетъ сей гор-

*

дости, а обнаруживаетъ ее только тогда, когда бываетъ съ низшими. Такимъ образомъ, начиная отъ вельможи до послѣдняго бѣдняка, мы всѣ думаемъ быть выше своего состоянія.

Всякой, любя себя самаго, почитаетъ себя всегда достойнымъ высочайшаго званія. Малѣйшій въ свѣтѣ гордецъ, если онъ не будетъ стараться умѣрить себя, захочетъ быть Государемъ, если будетъ ему возможно.

Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.

Гордецы не благоденствуютъ никогда. Порожнія бочки дѣлаютъ болѣе шуму, нежели наполненныя.

Гордость, всегда ненавистная, почти всегда наказывается всеобщимъ презрѣніемъ.

Праздность есть мать всѣхъ пороковъ, высокомѣріе мать всѣмъ грѣхамъ.

Самолюбіе никогда не удовлетворяется и не можетъ быть довольно, потому что, по сему чувству, мы предпочитая себя другимъ, требуемъ, чтобъ и другіе насъ предпочитали болѣе себя, а это невозможное дѣло.

Отъ самолюбія, всегда говорятъ болѣе о самихъ себѣ, и отъ онаго же не хотятъ, чтобъ другіе о себѣ говорили.

Если хотите, чтобъ всѣ васъ любили и уважали, то будьте учтивы и ласковы со всѣми. Когда же, напротивъ того, отъ грубаго и гордаго обхожденія вы сдѣлаетесь несносными для тѣхъ, кои васъ окружаютъ, то низшіе васъ возненавидятъ, высшіе будутъ васъ презирать и всѣ будутъ насмѣхаться надъ вами.

Нельзя имѣть гордости, когда имѣемъ любовь къ своему ближнему. Возможно ли, чтобъ человѣкъ, любящій ближняго своего, могъ рѣшиться пренебрегать его.

Умный человѣкъ желаетъ имѣть репутацію честнаго и добраго человѣка; глупый же хочетъ быть только богатымъ, чтобъ имѣть наилучшее кушанье, огромной и великолѣпный домъ, не по своему состоянію.

Одинъ знатнаго рода Аѳинянинъ, увидѣвъ *Діогена* на кладьбищѣ, спросилъ его, что онъ тамъ дѣлалъ: „ *я искалъ*, сказалъ ему *Діогенъ, костей вашего родителя между костями простолюдиновъ: но все здѣсь, кажется, такъ перемѣшано, что не могу ихъ и отличить.*

Отъ славы къ паденію часто бываетъ одинъ только шагъ. Чѣмъ кто выше, тѣмъ страшнѣе паденіе его.

Примѣры.

Надменный Графъ С..., бывъ 1785 года въ Гамбургѣ, познакомился съ однимъ изъ богатѣйшихъ дворянскихъ домовъ сего города. Когда онъ въ первый разъ посѣтилъ оный домъ, то засталъ хозяевъ за завтракомъ, въ кругу многочисленнаго общества, въ коемъ находился и богатый банкиръ Х....., родомъ Еврей. Графъ былъ очень ласково принятъ въ семъ домѣ. Хозяйка онаго оставила все общество у себя отобѣдать и посадила за столомъ банкира, который былъ весьма уменъ и весельчакъ, подлѣ гордаго, но глупаго Графа, коему это распоряженіе не очень понравилось. Въ продолженіе обѣда онъ разговаривалъ съ своимъ другимъ сосѣдомъ, который, по счастію, также былъ дворянинъ, — и весьма смѣялся съ нимъ на щетъ Жида. Сей послѣдній молчалъ, ожидая удобнаго случая отплатить гордецу за его насмѣшки тою жъ монетою. Наконецъ разговоръ склонился на Турцію. „*Я много читалъ о сей націи*, сказалъ Графъ, *и нахожу, что сей народъ не такъ глупъ, какъ о немъ думаютъ; но не могу понять, почему онъ ненавидитъ двухъ очень любезныхъ тварей.*“ — „*Какихъ же это тварей, Ваше Сіятельство?*“ спросилъ Графа сосѣдъ его, дворянинъ. — „*Ословъ и Жидовъ,*“ отвѣчалъ над-

менный вельможа, поглядѣвъ съ насмѣшкою на банкира, сидѣвшаго подлѣ него. Все общество молчало и только внутренно досадовало на Графа, что онъ такъ обижаетъ честныхъ людей. Банкиръ Х...., привставъ съ своего мѣста, и потрепавъ дружески Сіятельнаго сосѣда своего по плечу, сказалъ, улыбаясь: „*Слава Богу, ваше сіятельство, что мы не въ Турціи, ибо жители сей страны, какъ вы сами говорите, ненавидятъ вашу и мою породу!*“

Нѣкоторый забавникъ, узнавъ, что одинъ изъ его пріятелей получилъ знатный чинъ, — пошелъ его поздравить съ новымъ его достоинствомъ; но не успѣлъ онъ предстать предъ своимъ пріятелемъ, какъ сей, показавъ ему гордый видъ, спросилъ: что побудило его придти къ нему? „*Милостивый государь*, отвѣчалъ онъ ему, *я пришелъ изъ сожалѣнія навѣстить васъ, услышавъ, что вы имѣли несчастіе потерять зрѣніе, слухъ и память до такой степени, что даже не узнаете ни себя, ни друзей вашихъ.*“

ГОРЕ.

Это нѣкоторый родъ страданій физическихъ или нравственныхъ, неразлучныхъ съ природой и состояніемъ человѣка.

ГРАЖДАНИНЪ.

Это человѣкъ съ характеромъ, другъ порядка; онъ уважаетъ все полезное, сохраняетъ вездѣ приличіе, любитъ гражданскія доблести, и часто жертвуетъ собственными выгодами — выгодамъ общимъ: такой человѣкъ, котораго давно ужѣ ищутъ!

ДАРЫ, *таланты, дарованія.*

Таланты суть дары Божіи, и бываютъ трояkаго рода, какъ то: *духовные или благодатные,* къ которымъ относятся: вѣра, надежда, любовь, молитва, сила чудотворенія, сила ученія и проч.; — *естественные,* какъ наприм.: красота и крѣпость тѣла, остроуміе, даръ слова и проч., и *внѣшніе*, къ которымъ принадлежатъ: богатства, почести, достоинства и проч. — Данными отъ Бога дарованіями не должно пренебрегать, но должно оныя возвращать, умножать, совершенствовать и употреблять во славу Его имени, въ пользу братій и въ собственное спасеніе. Кто такимъ образомъ поступаетъ, тому приложатся таланты къ талантамъ и дарованія къ дарованіямъ; и напротивъ, тотъ, кто не радитъ о благомъ употребленіи даровъ Господнихъ, рано или поздо потеряетъ оные.

Сколь ни блистательна слава побѣдъ военныхъ, но въ славѣ, пріобрѣтаемой познаніями и умственными дарованіями, заключается нѣчто превосходнѣйшее. Она зависитъ наиболѣе отъ насъ самихъ и есть какъ бы собственность наша; не ограничивается, подобно славѣ военной, нѣкоторыми временами и случаями, и нимало не зависитъ отъ безчисленныхъ посторонниихъ пособій; доставляетъ человѣку такія преимущества, кои несравненно лестнѣе преимуществъ, истекающихъ отъ богатства и почестей, потому что все сіе находится внѣ насъ, между тѣмъ какъ умъ есть наша собственность, или лучше, онъ составляетъ насъ самихъ. — Впрочемъ, одинъ умъ не составляетъ еще истинной славы человѣка: положимъ, что онъ самъ по себѣ превосходенъ и украшенъ знаніемъ Философіи, Математики, Исторіи, Словесности; но — сіи знанія дѣлаютъ человѣка только ученымъ, а не добрымъ. Ученый же — если онъ не болѣе, какъ ученый — весьма часто бываетъ тщеславный, упорный, занятый самимъ собою и презирающій другихъ: но можетъ ли что-либо быть достойнѣе сожалѣнія и презрѣнія такого человѣка, который напыщенъ своими знаніями, непрестанно жаждетъ похвалъ и не насыщается ими, питается вѣтромъ и дымомъ, и мыслитъ

токмо о томъ, чтобъ жить во мнѣніи другихъ?

Чтобы успѣть въ свѣтѣ, надобно *быть* умнымъ, но не *казаться* таковымъ.

И такъ Науки и дарованія приносятъ честь не сами по себѣ, но по хорошему употребленію своему, и можно сказать, что скромность наша болѣе всего возвышаетъ ихъ цѣну и блескъ. Какъ пріятно видѣть великихъ людей сознающимися въ своихъ ошибкахъ! Такое сознаніе предполагаетъ въ нихъ существенное и сугубое достоинство и возвышенность души, чувствующей, что сіи ошибки не могутъ причинить ей никакого ущерба, между тѣмъ какъ малый умъ, знающій свою скудость, не можетъ подвергать опасности и добровольно утратить что-либо изъ небольшаго своего имущества.

Все то не достойно нашего стараніе, что ни мало не способствуетъ спокойствію духа.

Славный *Моцартъ* на пятомъ году возраста сочинялъ уже менуеты.

ДВОРЯНСТВО.

Кто славу пріобрѣлъ, тому не нужны предки!

Предметъ тщеславія для многихъ людей, тяготящихъ собою землю — предки ихъ.

Но хвалиться своимъ родомъ — значитъ хвалиться чужимъ достоинствомъ.

Люди, которые превозносятся подвигами своихъ предковъ, сами ничего не дѣлая, походятъ на картофель, котораго лучшая часть сокрыта въ землѣ.

ДЕНЬГИ.

Средство имѣть всегда въ карманѣ деньги.

Въ такое время, когда всѣ жалуются на недостатокъ въ деньгахъ, долгъ человѣколюбія требуетъ преподать наставленіе нуждающимся, наполнять деньгами свои карманы. Я хочу сообщить истинный секретъ, какъ добывать деньги, вѣрное средство — наполнять ими пустые кошельки, имѣть карманы всегда полные. Два простыя, строго наблюдаемыя правила, къ тому достаточны.

Во-первыхъ: пусть честность и трудолюбіе будутъ постоянными твоими товарищами.

Во-вторыхъ: издерживай ежедневно однимъ грошемъ меньше чистаго твоего дохода.

Тогда тощій карманъ твой вдругъ начнетъ полнѣть, и уже не захвораетъ чахоткою. Никогда заимодавцы не оскорбятъ тебя, никогда не будетъ угнѣтать тебя нужда, никогда не будетъ мучить голодъ, никогда не станешь ты мерзнуть отъ наготы. Весь свѣтъ покажется тебѣ яснѣе, и удовольствіе ощутится въ сердцѣ. И такъ воспользуйся правилами сими, и будь счастливъ! Удали печаль отъ души своей, и живи спокойно. Тогда-то будешь ты истинно героемъ: не устыдишься при встрѣчѣ съ богачемъ; не станешь огорчаться, что имѣешь мало, когда сыны счастія идутъ подлѣ тебя: ибо спокойствіе, съ большимъ ли, съ малымъ ли состояніемъ, есть благополучіе; оно равняетъ тебя съ богачемъ высокомѣрнымъ. И такъ, будь благоразуменъ: дѣятельность да пробуждается съ утромъ и да сопутствуетъ тебѣ до отдохновенія въ часъ вечерній. Пусть честность будетъ какъ бы душою души твоей, и ты никакъ не забывай сего правила, *чтобы доходъ твой всякой день превышалъ расходъ твой.* Тогда ты достигнешь вершины благополучія: независимость будетъ твоею защитою и твоимъ украшеніемъ; тогда душа твоя возвы-

сится, и ты будешь поступать справедливо; не унизишься предъ разряженнымъ негодяемъ, потому что онъ богатъ; не подвергнешь себя обидѣ отъ руки, на которой блеститъ бриллiянтовой перстень.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Добродѣтель есть здоровье душевное. *Не дѣлай того другому, чего себѣ не желаешь:* примѣчаніе ясное и точное сего правила составляетъ праводушіе или честность. *Дѣлай другому то, чего самъ себѣ желаешь:* вотъ добродѣтель.

Никто никогда не раскаявался въ сдѣланномъ хорошемъ дѣлѣ.

Добродѣтельный человѣкъ всегда бываетъ спокоенъ, ибо дѣла его суть основаніе его счастія.

Слава и счастіе происходятъ отъ добродѣтели.

Чтобъ быть добродѣтельнымъ, стóитъ только захотѣть.

Тщетно человѣкъ ищетъ своего счастія внѣ добродѣтели; она одна можетъ доставить ему истинное спокойствіе и совершенныя удовольствія. Если человѣкъ добродѣтеленъ, то онъ владѣетъ дѣйствительнымъ добромъ, которое выполняетъ всѣ его желанія: онъ не терзается всегда безпокой-

ными желаніями; не знаетъ чрезвычайнаго отвращенія, сопровождающаго всѣ прочія блага; не страшится, чтобъ похитили его сокровища, коими онъ наслаждается; ни заключеніе, ни справедливость людей не могутъ причинить ничего сему сокровищу, если онъ и боится его потерять, не надѣясь на самаго себя. Ахъ! какъ сей страхъ различенъ отъ того, который вселяетъ ложныя земныя сокровища! Сей страхъ терзаетъ сердце человѣка, тотъ не возмущаетъ душевнаго спокойствія; сей погружаетъ въ ужасное волненіе души и недовѣрчивость; тотъ оставляетъ его спокойнымъ, между тѣмъ какъ вооружается противъ его слабости.

Въ семъ счастливомъ состояніи, что́ можетъ возмутить его спокойствіе? потеря почестей? — но онъ презираетъ ихъ; потеря богатствъ? — но онъ къ нимъ не пристрастенъ; презрѣніе? — онъ къ нему нечувствителенъ; клевета? — онъ гнушается ею; злоба людей? она не можетъ вредить ему; ихъ неблагодарность? онъ ожидаетъ ее; болѣзнь? она служитъ къ укрѣпленію его въ мужествѣ; смерть? — но онъ видитъ въ ней начало счастливѣйшей жизни. Хотя бъ злосчастія низринули его изъ знатности въ крайнюю бѣдность; хотя бъ все его имѣніе исхищено было несправед-

ливостію людей; зависть изливала бы ужасный свой ядъ на всѣ его поступки; жестокія болѣзни терзали бъ его тѣло; хотя бъ вся природа возстала, чтобъ погубить его: онъ превзойдетъ все то, что его окружаетъ, пребудетъ неустрашимымъ; онъ непоколебимъ среди самыхъ удивительныхъ переворотовъ и самыхъ страшныхъ опасностей; хотя бы весь міръ обрушился въ своемъ основаніи, его развалины задавятъ, но ни мало не устрашатъ.

Добродѣтельный человѣкъ страшится токмо Высочайшаго Существа; у него нѣтъ инаго страха; онъ вмѣняетъ въ славу покоряться Его святымъ законамъ, и не знаетъ иной должности. Счастливая боязнь, счастливая покорность, кои — вмѣсто того, чтобъ возмутить его спокойствіе, суть непоколебимыя основанія его.

Нѣтъ состоянія, которому добродѣтель не доставляла бы истинныхъ удовольствій. Въ ней находитъ удовольствіе вельможа, употребляя свою власть во благо; богатый — въ споможествованіи бѣднымъ; частный, ограниченный человѣкъ, исполняя свою должность; бѣдный, гонимый, больной и печальный утѣшаются упованіемъ на Творца, твердостію, надеждою — получитъ награжденіе, коего они имѣютъ право ожидать. Есть ли что-нибудь выше и любезнѣе добродѣте-

ли? Счастіе добродѣтельнаго человѣка неизмѣнно.

Почему добродѣтель мало находитъ для себя ободренія? Для чего порокъ часто торжествуетъ и неправда остается ненаказанною? Возраженіе сіе заслуживаетъ все наше вниманіе. Но, не давая на него отвѣта, я спрашиваю: справедливы ли еще такія обвиненія? Въ самомъ ли дѣлѣ такъ велики безпорядки, какъ выставляетъ ихъ невѣріе и наше самолюбіе? Жалобы должны быть подозрительны съ обѣихъ сторонъ. По крайней мѣрѣ въ нихъ все двусмысленно; ибо можно понимать различно, что̀ мы называемъ добродѣтелью и порокомъ, счастіемъ и несчастіемъ, и наконецъ, что̀ называемъ воздаяніемъ. Что въ самомъ дѣлѣ можетъ быть неопредѣлительнѣе понятія о добродѣтели и порокѣ, какъ скоро въ сужденіе о нихъ вмѣшивается наше самолюбіе? Коль скоро идетъ рѣчь о насъ, мы всегда почитаемъ себя добродѣтельными; самое то, что дѣлаемъ по свойству нашего темперамента, вносимъ въ число дѣлъ достойныхъ воздаянія; если не дѣлаемъ пороковъ потому только, что силъ нашихъ, или случая къ тому не достаетъ, то ужѐ считаемъ это за настоящую добродѣтель даже тогда, какъ предаемся неистовству какой-либо страсти, извиняемъ себя, называемъ это слабостью ниче-

го незначащею и достойною всякаго прощенія. Но когда, напротивъ, идетъ рѣчь о ближнемъ нашемъ, тогда все худо; тогда и небылица есть истинная быль; если не находимъ въ немъ какихъ добродѣтелей, на мѣсто ихъ тотчасъ приписываемъ ему столько же пороковъ; всякую его погрѣшность, противную нашимъ наклонностямъ, считаемъ за величайшее беззаконіе; самыя невиннѣйшія дѣйствія его, какъ скоро только они противны выгодамъ нашимъ, мы считаемъ ужаснѣйшими несправедливостями.

Не меньше двусмысленно и то, что мы называемъ счастіемъ и несчастіемъ. Быть добродѣтельными, имѣть здравой умъ, наслаждаться хорошимъ здоровьемъ, жить въ мирѣ и спокойствіи въ кругу своего семейства, имѣть чистую совѣсть, — все сіе не составляетъ истиннаго блага для насъ. Великія богатства, блистательныя почести, шумныя разсѣянія свѣта: — вотъ предметы, могущіе, по мнѣнію нашему, единственно сдѣлать насъ счастливыми. Кто ихъ имѣетъ, тотъ часто почитается любимцемъ Провидѣнія; кто нѣтъ, мы думаемъ, что онъ забытъ Имъ.

Сверхъ сего, наше самолюбіе будетъ ли довольно здѣсь самымъ справедливѣйшимъ раздѣломъ благъ? Возможно ли удовольствовать нашу зависть и ревность? Всякъ изъ

насъ столь высоко мечтаетъ о своихъ достоинствахъ, что одинъ считаетъ себя въ правѣ получить всѣ небесныя щедроты. Потому-то всѣ мы непрестанно жалуемся на неправую судьбину, на неравное воздаяніе по нашимъ дѣламъ. Съ другой стороны, изувѣръ, втайнѣ смѣющійся надъ всемъ нашимъ различіемъ между добродѣтелью и порокомъ, присоединяетъ свой ропотъ, дабы тѣмъ болѣе распространить свое хуленіе на Промыслъ.

Но положимъ, если бы такое воздаяніе предоставлено было нашему собственному выбору: мы нашли бы тогда тысячи затрудненій въ раздѣленіи онаго. Можетъ быть, нѣтъ вообще двухъ человѣческихъ дѣйствій, совершенно равныхъ по своей внутренней нравственности. Сколь часто самыя чистѣйшія, самыя благороднѣйшія намѣренія, при произведеніи ихъ въ дѣйствіе, колкуются въ худую сторону, или почитаются подозрительными; напротивъ, многія другія дѣйствія привлекаютъ удивленіе цѣлаго свѣта, хотя происходятъ изъ побужденій самыхъ низкихъ, самыхъ недостойныхъ: одному приписываютъ самыя высочайшія добродѣтели, за исполненіе нѣкоторыхъ гражданскихъ обязанностей; а другой едва можетъ имѣть видъ добродѣтельнаго, преодолѣвъ трудности чрезвычайныя, одер-

жавъ побѣду надъ самимъ собою. Лицемѣръ притворною своею личиною обманываетъ цѣлый свѣтъ; а истинно-добродѣтельный самую добродѣтель свою скрываетъ съ благороднѣйшею скромностію. Какъ же здѣсь Провидѣнію раздѣлять свои воздаянія? По наружному ли виду? Но тогда Богъ сдѣлался бы несправедливъ. По истинному ли достоинству? Но тогда ропотъ на несправедливость воздаяній останется тотъ же. И такъ увѣримся, что чѣмъ совершеннѣе будетъ становиться нашъ разумъ и воля, тѣмъ настоящее раздѣленіе добра и зла будетъ казаться намъ болѣе премудро-устроеннымъ; и что одна лишь слабость наша препятствуетъ намъ въ сіе проникнуть.

Нѣтъ человѣка, которой былъ бы во всемъ совершенъ; но нѣтъ и такого, который былъ бы и во всемъ пороченъ. Съ нашею натурою ни то, ни другое не совмѣстно. Наши добродѣтели и пороки между собою перемѣшаны. Какъ же можно быть здѣсь воздаянію? . . . Надобно ли намъ за одно доброе свойство, какое въ насъ есть, желать всего возможнаго совершенства? А ближній нашъ, за одну какую-нибудь погрѣшность, долженъ ли лишиться воздаянія за всѣ прочія добрыя качества свои? — Что несправедливѣе сего быть можетъ! —

Мы честны; но въ насъ нѣтъ проворства, ловкости, оборотливости: и такъ одна наша честность можетъ ли насъ избавить отъ всѣхъ слѣдствій неблагоразумія и лѣности? Мы добросердечны, — но расточительны и легкомысленны: и такъ можно ли намъ, бывъ достойными награды за добросердечіе, ждать ее вмѣстѣ и за предусмотрительность и бережливость? Какъ тогда согласить это съ Божественною премудростію?Ближній нашъ гордъ и скупъ; но ловокъ, пріятенъ, расторопенъ, неутомимъ: если бы Провидѣніе за одну его погрѣшность лишило его всѣхъ слѣдствій добрыхъ дѣлъ, сходно ли бы это было съ Божіею благостію? Такимъ образомъ уничтожились бы всѣ натуральныя слѣдствія вещей; и міръ тогда былъ бы хаосъ, сновидѣніе, въ коемъ всякая связь и дѣятельность прекратились бы; причины не имѣли бы своихъ дѣйствій, дѣйствія своихъ послѣдствій, и въ которомъ, по причинѣ всеобщей связи, добродѣтельный столькожъ терялъ бы, сколько и самый величайшій злодѣй.

Хотите ли, чтобы каждое наше дѣйствіе, доброе и худое, непосредственно вдругъ награждалось?—Новое затрудненіе!... Наши добродѣтели и пороки поминутно у насъ перемѣняются; и такъ одно воздаяніе

безпрестанно уничтожало бы другое. Притомъ сіи наши добродѣтели, за которыя мы требуемъ столь большой награды, суть плодъ возложеннаго на насъ Креста.

Можетъ быть, мы умѣренны — потому только, что слабы; кротки — потому что для нашей гордости нѣтъ пищи; ласковы, скромны и смиренны — потому, что имѣемъ нужду въ помощи другихъ. Чтожъ были бы сіи добродѣтели, если бы наши чувственныя наклонности, чрезъ такое непосредственное воздаяніе получали себѣ всегда пищу? что были бы истинныя добродѣтели, если бы чувственность всегда была удовлетворяема? Сколько добродѣтелей, кои вовсе не могутъ сносить полнаго блеска наружнаго счастія; которыя растутъ только на сухой землѣ, въ низкой тѣнистой долинѣ!.. Какъ добродѣтельный доказалъ бы свое благородное мужество, свое довольство самимъ собою, свое безкорыстное великодушіе, свою надежду на Бога, свое презрѣніе къ мірскимъ хваламъ, если бы онъ тотчасъ получалъ непосредственное воздаяніе? Что была бы тогда и самая добродѣтель, когда бы ни чѣмъ не жертвовала? Тогда она лишилась бы своей благороднѣйшей красоты и достоинства; тогда умерло бы въ насъ все чувство внутреннаго ея совер-

шенства; тогда она для насъ была бы не что иное, какъ самое низкое, презрѣнное лихоимство.

Да и какое имѣютъ понятіе о добродѣтели тѣ, кои думаютъ, что Провидѣніе должно награждать каждое наше доброе дѣйствіе, какъ добродѣтель? — Она не состоитъ только въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ. Нѣтъ! она состоитъ во всегдашнемъ господствующемъ желаніи и непрестанномъ стремленіи — уподобляться Богу въ Его всеобщей любви къ добру. Всеобщее благо есть предметъ ея; любовь къ Богу — единственное твердое основаніе. Нѣкоторыя дѣйствія, непроисходящія изъ сего источника, могутъ быть блистательны; при господствующихъ порокахъ, могутъ имѣть и хорошія послѣдствія; однакожъ не имѣютъ права и достоинства добродѣтели. Истинная добродѣтель требуетъ цѣлой нашей жизни. Натуральныя слѣдствія, сколько позволяетъ прочее устроеніе міра, могутъ насъ къ оной ободрять; но полнаго, истиннаго воздаянія мы должны ожидать не прежде, какъ при концѣ. Воинъ во время битвы не требуетъ награды за каждый свой шагъ; онъ получаетъ ее уже по окончаніи. А мы хотимъ воздаяній за побѣду, когда еще брань не рѣшилась. Не значитъ ли это, хотѣть

истребить въ насъ всю ревность, все побужденіе къ дѣланію добра!

Помните, что только добродѣтельный можетъ быть счастливымъ, ибо душевное спокойствіе и уваженіе людей пріобрѣтаются единственно непорочною жизнію.

Добродѣтельный человѣкъ проводитъ свою молодость безъ внутренняго душевнаго безпокойства, а старость безъ упрековъ совѣсти; онъ наслаждается спокойствіемъ, неизвѣстнымъ другимъ людямъ, и настоящую цѣну даетъ всѣмъ вещамъ земнымъ; не сожалѣетъ о прошедшемъ, и не страшится будущаго; умъ его преисполненъ радостію, а дѣла его суть основаніе и подпора его благоденствія.

Платонъ сказалъ: добродѣтель есть вещь божественная.

Слава и благополучіе происходятъ отъ добродѣтели.

Чтобъ быть добродѣтельнымъ, стоитъ только взхотѣть. Всѣ люди не могутъ и не должны быть воинами, ораторами или живописцами славными; но всякой человѣкъ можетъ и долженъ быть добродѣтельнымъ.

Когда *Аристидъ* сказалъ Аѳинянамъ: то, что вамъ предлагаютъ, полезно Республикѣ, но безчестно, — Аѳиняне отвѣчали: „не будемъ же объ этомъ говорить.“

Сіе превосходное качество было прежде — добродѣтель, а нынѣ . . . . . золото!

Кранторъ, Греческій Философъ, велѣлъ явиться на Олимпійскія игры *Богатству*, *Сладострастію*, *Здоровью* и *Добродѣтели*. Всякая изъ нихъ проситъ яблока. *Богатство* говоритъ: я есмь верховное благо, ибо мною можно всё купить. *Сладострастіе* говоритъ: яблоко мнѣ принадлежитъ, ибо богатства желаютъ для того только, чтобъ имѣть меня. *Здоровье* увѣряетъ: что безъ него нѣтъ вовсе сладострастія, и что богатство безполезно. Наконецъ, *Добродѣтель* представляетъ, что она преимущественнѣе всѣхъ трехъ, потому что съ золотомъ, съ любовными наслажденіями и съ здоровьемъ можно содѣлаться злосчастнымъ и бѣдственнѣйшимъ, когда будутъ вести себя дурно. Добродѣтель получила яблоко!

Ничего нѣтъ величественнѣе и достойнѣе уваженія на землѣ, какъ истинная добродѣтель; даже весь свѣтъ въ томъ соглашается. Возвышенность чувствъ, превос-

ходство побужденій, владычество надъ страстьми, терпѣніе въ несчастіяхъ, кротость при нанесенныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ, смиреніе въ похвалахъ, мужество и бодрость въ затрудненіяхъ и препятствіяхъ, разборчивость въ удовольствіяхъ и забавахъ, вѣрность въ должностяхъ, единообразіе во всѣхъ приключеніяхъ жизни; однимъ словомъ: все то, что Философія вложила въ умъ своему мудрецу, находится только дѣйствительно въ ученикѣ Евангелія.

Блаженство жизни основано Всевѣчнымъ на *добродѣтели, любви* и *дружбѣ*. Добродѣтель состоитъ въ исполненіи нашихъ обязанностей. Исполненіе ихъ сдѣлаетъ много горя, но дастъ вкусить и единственное на землѣ счастіе. Она любитъ умѣренность, презираетъ богатства и не завидуетъ честямъ. Добродѣтель рѣдко достигаетъ славы, весьма рѣдко ведетъ къ богатству. Какая ей въ томъ нужда? Ее часто презираютъ и поносятъ: она не слишкомъ огорчается тѣмъ, и не дѣйствуетъ ни по гордости, ни по тщеславію. Не отдаютъ справедливости добрымъ ея дѣламъ! Но она сама хочетъ ихъ скрывать и всегда предохранена отъ мученія ненависти.

Добродѣтель исчезаетъ, какъ скоро мы хотимъ *показать ее.*

Всѣ тлѣнно, кромѣ добродѣтели.

Добрый человѣкъ не желаетъ никому зла; добродѣтельный старается дѣлать добро.

Но нѣтъ добродѣтельнаго, который бы не падалъ отъ искушеній порока. *(Вейссѣ).*

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬСТВО,

доброхотство, радушіе.

Всеобщее доброжелательство составляетъ истинную Религію; и дѣлаетъ ее любви достойною.

Самая Религія и добродѣтель — сіи священныя наши обязанности — сколько священны для насъ, столько же и благодѣтельны: ибо Религія, которая не дѣлаетъ насъ въ нашемъ званіи честными, въ нашихъ обязанностяхъ вѣрными, начальству покорными, къ низшимъ насъ ласковыми, къ несчастнымъ сострадательными, къ оскорбившимъ насъ снисходительными, къ безпомощнымъ соболѣзнующими, ко всѣмъ благодѣтельными; Религія, которая не научаетъ насъ чувствовать каждаго человѣка въ себѣ самомъ, любить Бога посредствомъ любви

къ нашему ближнему: такая Религія есть энтузіазмъ, — энтузіазмъ самый пустой, самый опаснѣйшій. Онъ разрушаетъ въ Природѣ премудрыя намѣренія Божіи, унижаетъ достоинство человѣка, разрываетъ священнѣйшія узы общежитія, человѣка предъ человѣкомъ дѣлаетъ тигромъ, алтари — театромъ суетности, или ужаснѣйшимъ мѣстомъ кровопролитія.

Всеобщее доброхотство составляетъ также истинную добродѣтель, и дѣлаетъ ее любви достойною.

Добродѣтель, не облегчающая бѣдствій человѣческихъ, не утверждающая между людьми безопасности, спокойствія, дружелюбія — есть пустое слово. Благодѣтельность должна быть существеннымъ характеромъ и ея: безъ ней мудрость есть — лукавство, щедрость — расточительность, великодушіе — мздоимство, ласковость — жеманство.

Хвала всеобщему доброхотству.

Вотъ наше званіе, самое благороднѣйшее, до какого только можетъ возвыситься разумная наша природа; единственный законъ, который заключаетъ въ себѣ всѣ

прочія добродѣтели, который подаетъ намъ право именоваться истинно-добродѣтельными, и точно уподобляетъ насъ Творцу нашему; святѣйшій и обязательнѣйшій законъ, соединяющій въ себѣ отношенія, въ какихъ мы находимся по своимъ способностямъ съ Богомъ и нашими ближними; самый первый, коренной законъ цѣлой природы, на коемъ почіетъ слава Зиждителя, порядокъ и совершенство всего творенія! Гдѣ счастливы люди, тамъ повсюду блистаетъ премудрость и благость Творца; тамъ вся природа совершенна; тамъ во всѣхъ ея частяхъ райская красота; тамъ всѣ частныя творенія дѣлаются орудіями всеобщаго совершенства. Но гдѣ человѣчество воздыхаетъ подъ тиранствомъ страстей, въ угнетеніи отъ жестокой гордости, подъ тягостію роскоши: тамъ сѣтуетъ и вся природа; тамъ земля есть пространная темница; тамъ напрасно цвѣтутъ красоты ея; тамъ ея богатство есть проклятіе; тамъ она столько бѣдна, какъ нельзя больше; ибо чѣмъ болѣе твореній, тѣмъ больше орудій бѣдствія; тамъ наконецъ забытъ и самъ Богъ, погашены о немъ всѣ радостныя чувствованія; — тамъ человѣчество не узнаетъ болѣе себя самаго.

Творецъ раздѣляетъ дары Свои, а употреблять оные предоставляетъ намъ са-

мимъ; иначе Онъ ограничилъ бы нашу свободу, и мы лишились бы лучшихъ удовольствій. Его премудрость положила только границы самыя отдаленныя, представляющія намъ поле обширнѣйшее; другихъ же она и положить не могла; и онѣ тѣмъ священнѣе для насъ, что приближаютъ насъ къ Богу, и суть самыя крайнія границы человѣчества. Онъ не требуетъ отъ насъ, чтобы мы всѣ имѣли равныя способности, чувствованія равно нѣжныя, и чтобы всѣ равно споспѣшествовали общему благу; Онъ требуетъ только, чтобъ мы всевозможно лучшее дѣлали употребленіе изъ полученныхъ нами силъ, посвящая ихъ обществу; ибо если бы мы стали употреблять ихъ только для собственныхъ выгодъ, это означало бы похищеніе у общества. Нельзя всѣмъ членамъ быть — глазомъ или сердцемъ: но поелику глазъ долженъ освѣщать все тѣло, для того онъ получилъ и чувствительность тончайшую и мѣсто высшее; сердце — поелику должно разносить кровь и жизнь по всему тѣлу, даже въ малѣйшіе сосудцы, для того оно и есть самая благороднѣйшая и самая нѣжная изъ всѣхъ частей тѣла. Обширность круга для нашей дѣятельности, такъ же не отъ насъ зависитъ. Счастливъ тотъ, кто можетъ видѣть благословенные плоды дѣлъ своихъ въ благополучіи цѣлыхъ

фамилій; еще счастливѣе тотъ, кто можетъ видѣть ихъ въ благосостояніи всего своего отечества; наконецъ, безсмертенъ тотъ, кто можетъ способствовать просвѣщенію и исправленію нравовъ своего вѣка, можетъ непосредственно содѣйствовать благу всего человѣческаго рода. Но не долженъ лишаться бодрости и находящійся въ самомъ тѣсномъ кругу, на самой низшей степени: онъ долженъ стараться быть столь благодѣтельнымъ, сколько силы его позволяютъ; можетъ быть, гораздо послѣ, его честность и вѣрность несравненно благодѣтельнѣйшія будутъ имѣть слѣдствія для всего общества, нежели цѣлый рядъ преданныхъ постыдной нѣгѣ Сатраповъ.

Законъ всеобщаго доброхотства собственно есть законъ Евангельскій.

Здѣсь мы вдругъ видимъ себя въ училищѣ нашего Спасителя, Іисуса Христа. Ибо заповѣдь сія собственно Его. Разумъ одинъ не отважился утвердить ее закономъ выразительнѣйшимъ. Онъ угадываетъ ее, хвалитъ, удивляется; но самъ не дерзаетъ идти далѣе границъ справедливости къ симъ высочайшимъ должностямъ; ему недостаетъ къ тому достаточныхъ ободреній и воздаяній. Потому-то законодатели далѣе не

простирались. Они запрещали только другъ другу вредить, и для сего довольно было имъ однихъ наказаній непосредственныхъ. Сей высочайшій законъ любви предоставленъ былъ эпохѣ единственной, — той эпохѣ, когда вмѣстѣ должно было вполнѣ открыться высшее назначеніе человѣка и безсмертіе. И потому какъ скоро Божественный Учитель объяснилъ сіи важнѣйшія истины, то и нравственность могла и должна была облагородствоваться, и любовь къ ближнему утвердиться новою заповѣдью. Спаситель нашъ не назначаетъ степеней для любви: она неистощима, ибо истекаетъ изъ любви Божіей.

Сей законъ обязываетъ всѣхъ равно.

Чувствованій и побужденій, отъ любви происходящихъ, нельзя опредѣлить никакими законами.

Законъ любви есть законъ истинный, отъ коего не можетъ быть освобождено никакое состояніе, никакое особливое званіе, никакая политика. Правитель, почитающій себя въ правѣ не подлежать ему, есть тиранъ; герой — убійца; министръ — *Махіавель*, измѣнникъ человѣчеству и отечеству своему. Ни Правителю, ни герою,

ничто не позволяется, что человѣку не позволено; потому что они всѣ подъ Богомъ. Въ печальной необходимости, они могутъ попустить зло, но только такъ, какъ Богъ его попускаетъ; только тогда, когда сохраненіе большаго добра дѣлаетъ это неизбѣжнымъ: и сіе большее добро никогда не должно служить предлогомъ честолюбія, властолюбія, или другимъ своекорыстнымъ намѣреніямъ. *Кирѣ, Маркѣ-Авреліи, Генрихѣ IV, Густавѣ-Адольфѣ* доказываютъ, что по симъ законамъ безопасно можно управлять и государствами; и *Сюлли*, посредствомъ ихъ, Государя своего болѣе возвеличилъ, чѣмъ Италіянецъ своего *Борgіа* — чрезъ политику.

Сей законъ дѣлаетъ насъ совершенными.

Любовь къ Богу, доказываемая всеобщею благодѣтельностію и человѣколюбіемъ: вотъ наша Религія!

Всеобщее доброхотство есть истинное начало всѣхъ добродѣтелей.

И такъ конечно очень недостаточна, несовершенна была бы та Религія, которая представляла бы намъ сіи должности не столь же важными, не столь обязательны-

ми. Но посмотрите на доброхотство съ истинной точки зрѣнія, и вы увидите, что оно всѣ наши способности, по назначенію природы, образуетъ къ нашему счастію. Всѣ правила, ему противныя, или которыя выдало бы суевѣріе за святѣйшія, удаляютъ душу отъ истиннаго ея величія; благороднѣйшія ея способности оставляютъ необразованными, дѣлаютъ низкими. Сіе только всеобщее доброхотство представляетъ вамъ Создателя Отцемъ природы въ достопокланяемомъ Его величествѣ, въ безконечной Его любви къ добру: и между тѣмъ какъ васъ дѣлаетъ достойнѣйшимъ любви другомъ человѣчества, образуетъ въ васъ вмѣстѣ чистѣйшія, благороднѣйшія чувствованія, какихъ только можетъ отъ васъ требовать Религія Христіанская. Такъ, если бы нравственность сей божественной Религіи требовала отъ насъ только по временамъ нѣкоторыхъ добрыхъ дѣйствій, такъ, что и *Неронъ* и *Александръ VI* въ одинъ какой-нибудь день и часъ могли почесться добродѣтельными; если бы она состояла только въ своенравномъ расположеніи души, только въ холодныхъ, скудныхъ добрыхъ дѣлахъ, вынуждаемыхъ у насъ натуральнымъ чувствованіемъ тогда, когда уже мы удовлетворили совершенно своей гордости, корыстолюбію и роскоши: тогда

конечно ничего не было бы скуднѣе такой Религіи; тогда она могла бы быть и въ самыхъ мрачныхъ, нечестивыхъ, низкихъ сердцахъ. Но тогда можно было бы уже сказать, что есть разсудокъ и въ сумасшедшихъ; ибо они имѣютъ иногда нѣсколько хорошихъ минутъ. Истинная Религія требуетъ, чтобъ нѣкоторыя частныя добрыя дѣла, отъ времени до времени производимыя, могли наконецъ составить полную добродѣтель. Религія и добродѣтель между собою неразлучны, такъ какъ совершенства въ Богѣ суть одно; употребленіе ихъ только различно, а сущность состоитъ единственно въ непремѣняемой любви къ добру.

Любовь Божія есть начало доброхотства.

Истинное доброхотство есть гораздо обширнѣйшаго свойства: оно состоитъ во всеобщей любви къ добру. По сему чувствованію, всѣ законы, Богомъ природѣ предписанные, для произведенія и сохраненія общаго порядка, равно святы; свято и устроеніе природы нашей, святы всѣ наши способности и силы, потому что основаніемъ ихъ есть любовь Божія. А если Богъ въ душѣ нашей обитаетъ, ежели Онъ есть первая господствующая наша мысль: то и побужденіе, чрезъ выполненіе Его мудрыхъ и благодѣтельныхъ

намѣреній — Ему подобиться, будетъ насъ одушевлять непрестанно.

Не думайте, чтобы это былъ языкъ энтузіазма. Всякой человѣкъ имѣетъ въ себѣ господствующую мысль, которая раждаетъ и направляетъ всѣ прочія его мысли; и чѣмъ величественнѣе, чѣмъ благороднѣе мысль сія, тѣмъ превосходнѣе бываетъ и человѣкъ. Но какая мысль можетъ исполнить душу величественнѣйшихъ чувствованій, благороднѣйшихъ, сильнѣйшихъ побужденій, кромѣ мысли о Богѣ? Всякая другая господствующая мысль опасна для истиннаго величія души: она помрачаетъ разумъ, всѣ предметы представляетъ въ ложномъ видѣ, умножаетъ ихъ цѣну, возмущаетъ покой души, питаетъ безпорядокъ страстей. Напротивъ, мысль о Богѣ есть истинный источникъ разумѣнія и бодрости; она руководствуетъ совѣтами въ кабинетѣ, укрѣпляетъ мужество на войнѣ, не попускаетъ унывать въ несчастіяхъ, обуздываетъ страсти, удерживая ихъ въ равновѣсіи; словомъ — всегда хранитъ человѣка въ его достоинствѣ. Всякая другая господствующая мысль развлекаетъ душу и дѣлаетъ ее слабою, низкою, малою. Сія только мысль укрѣпляетъ ее, ни мало не удерживая и не ослабляя ея движенія, подобно вездѣсущности Божіей, хранящей все въ природѣ мо-

гущественнымъ своимъ вліяніемъ; сія только мысль подаетъ ясный покой, наши способности съ одинакою внимательностію обращаетъ на всякіе случаи, содержитъ ихъ въ правильномъ направленіи и всегда равно образуетъ великаго человѣка. Опасаться, что мысль сія сдѣлаетъ насъ мрачными, унылыми, значитъ, что мы не знаемъ еще Бога. Присутствіе Его не только не отъемлетъ никакой разумной радости, но еще дѣлаетъ насъ способными — правильно наслаждаться благодѣяніями природы и прочими преимуществами жизни. Мысль о Богѣ можетъ и должна съ нами быть при всѣхъ нашихъ дѣлахъ; ибо она дѣлаетъ наши радости твердыми, не попуская раждаться никакимъ помышленіямъ, унижающимъ достоинство нашей природы и опаснымъ истинному нашему совершенству. Чѣмъ тверже, чѣмъ постояннѣе въ насъ сія мысль; тѣмъ мы, при каждомъ взглядѣ на природу, на теченіе міра, на исторію своей собственной жизни, дѣлаемся способнѣе усматривать премудрость и благость Божію. Сіи чувствованія наконецъ обращаются въ благороднѣйшую и спасительнѣйшую любовь къ Богу, для коей нѣтъ ничего святѣе, кромѣ воли и намѣреній Его, и которая всѣ законы превращаетъ въ побужденіе — содѣйствовать исполненію благодѣтель-

ныхъ намѣреній Божіихъ, и усиливать добрыя чувствованія въ насъ и въ нашихъ ближнихъ.

Вотъ, что есть доброхотство! — постоянное, равнодѣятельное побужденіе — жертвовать, по намѣреніямъ Божіимъ, всѣми своими силами и способностями общему благу міра, и всевозможно способствовать распространенію между людьми истины, добродѣтели и счастія.

Доброхотство есть душа, сущность Религіи.

И такъ не-уже-ли всеобщее доброхотство и теперь еще можно считать слишкомъ недостаточнымъ къ тому, чтобы въ немъ поставлять все наше достоинство? Какъ бы мы его ни понимали—главною ли нашею должностью, которой отъ насъ требуетъ любовь Божія; или тою счастливою наклонностію, которую сія любовь въ насъ произвела: но съ нимъ душа наша необходимо получитъ такое образованіе, какое предписываетъ намъ святѣйшая нравственность. Тогда будутъ святы для насъ всѣ законы природы, которые премудрость Божія назначила для сохраненія всеобщаго порядка; тогда мы свои способности, здоровье, жизнь будемъ почитать какъ святѣйшій залогъ, какъ самую собственность Божію, которую мы должны упо-

преблять для выполненія благодѣтельныхъ Его намѣреній; тогда честность и довѣренность людей къ добротѣ нашихъ чувствованій, столь же священнымъ для насъ будутъ закономъ, сколько самое доброхотство. Оно теперь ужѐ не есть должность, а господствующее влеченіе, коему добровольно подчиняются всѣ прочія наши силы и наклонности, и которая собственное наше совершенство и счастіе до безконечности больше утверждаетъ, нежели когда бы самое счастіе было у насъ первымъ побужденіемъ всѣхъ дѣлъ нашихъ: ибо въ семъ послѣднемъ случаѣ мы всегда подвергались бы опасности — выполнять свои чувственныя пожеланія, больше всего заботились бы о своемъ здоровьѣ, о довѣріи у людей, о нашемъ собственномъ спокойствіи. Поелику всѣ прочія страсти ненасытимы; онѣ всѣ душевныя силы обращаютъ къ себѣ, обольщаютъ ихъ, ослѣпляютъ, разгорячаютъ прежде, нежели разсудокъ успѣетъ обдумать; онѣ увлекаютъ добрѣйшее сердце столь быстро, что оно очувствуется ужѐ для того только, чтобы раскаеваться безполезно; онѣ самое благороднѣйшее сердце дѣлаютъ низкимъ, самое нѣжнѣйшее — жестокимъ, самое великодушнѣйшее — суровымъ. Тогда и вся наша Философія есть только собраніе пустаго велерѣчія и пышныхъ театраль-

ныхъ выраженій; а мнимая наша добродѣтель будетъ совокупность нѣсколькихъ дѣйствій, истекающихъ изъ нашего корыстолюбія, или отъ темперамента, такъ, что отъ сего всегда происходить будетъ больше зла, нежели добра.

Одно только это побужденіе надежно; одно оно производитъ въ душѣ такую гармонію, которая образуетъ человѣка добродѣтельнаго, великаго; оно согрѣваетъ сердце, содержитъ разсудокъ въ равновѣсіи; при немъ всѣ прочія наклонности сами собою упорядочиваются: ибо онѣ теперь не что иное суть, какъ направленное къ общему благу самолюбіе, коему всѣ прочія страсти добровольно покоряются, которое само по себѣ имѣетъ дѣйствіе живѣйшей страсти, и всѣмъ прочимъ спрастямъ, доколѣ само истинно и твердо, доставляетъ свои пріятности и услажденія; оно съ спокойнымъ разсудкомъ управляетъ ими, чтобъ онѣ не выступали изъ границъ порядка, на коемъ Богъ благоволилъ утвердить всеобщее благо людей. Доброхотство есть единственная благороднѣйшая страсть, коею мы можемъ наслаждаться неограниченно и всегда съ совершенною безопасностью; которая непрестанно благотворитъ и никогда не оскудѣваетъ;

которая никогда не мыслитъ о себѣ, заботясь только о другихъ, а между тѣмъ всегда первая получаетъ награду для себя; которая никогда не удовлетворяется, никогда не насыщается, но всегда содержитъ душу въ совершеннѣйшемъ спокойствіи; нерѣдко возмущается, но и въ возмущеніи чувствуетъ кроткія, мирныя радости; чувствуетъ бѣдствія цѣлаго Свѣта, но никогда не ропщетъ; это совершенно человѣческое свойство, но уподобляетъ насъ Божеству; неутомимо трудясь для человѣчества, всегда содержитъ душу въ чувствованіи ея высочайшаго назначенія. Основанная на такой любви Религія есть самая совершеннѣйшая, какую только можетъ разумъ себѣ представить, а Богъ отъ насъ требовать; — единственная Религія, которая можетъ насъ сдѣлать Богу подобными, другимъ благодѣтельными, собою довольными, счастливыми, совершенными; — единственная, которая прилична всѣмъ временамъ, всей поднебесной, всѣмъ людямъ, всѣмъ званіямъ; которая всѣ человѣческія учрежденія хранитъ въ своемъ порядкѣ, укрѣпляетъ ихъ связи, умаляетъ несовершенства; которая, при всѣхъ несовершенныхъ плодахъ своихъ здѣсь — на землѣ — есть единственный источникъ добра; — единственная Религія, которая можетъ быть и на небѣ, и въ вѣчности, нашею Ре-

лигіею; которая вѣчно будетъ умножать наше блаженство, и которая, если бы слабость наша позволяла намъ уже и здѣсь выполнять ея совершенно, на землѣ доставила бы намъ небо.

Мы уподобляемся Богу всеобщимъ доброхотствомъ.

Не подумаете ли вы, что сіе уподобленіе еще не хорошо опредѣлено, не объяснено? — Оно, напротивъ, такъ ясно, какъ нельзя больше. Всѣ совершенства въ Богѣ соединяются въ непремѣняемой всеобщей любви къ добру; слѣдственно стоитъ только намъ имѣть такую любовь, стоитъ оказывать ее ближнимъ нашимъ, такъ, какъ вся прочая природа столь совершенна, сколько возможно; стоитъ уподобляться Богу въ благодѣтельности: мы тогда будемъ истинно совершенны. Сія мудрая благодѣтельность есть великій законъ Небесъ и единственный законъ на землѣ. Одинъ взглядъ на все сотворенное, одно представленіе многообразности, красоты и гармоніи природы, должны насъ въ этомъ увѣрить. Каждый солнечный лучъ содержитъ въ себѣ всѣ возможныя красоты цвѣтовъ; лилія пригожимъ уборомъ своимъ помрачаетъ всю пышность, все великолѣпіе чертоговъ; каждое насѣкомое въ своемъ родѣ столь-

ко совершенно, сколько возможно по его способностямъ.

Но центръ всѣхъ сихъ совершенствъ есть — человѣкъ. Ибо только человѣкъ имѣетъ обширную счастливую способность — чувствовать ихъ, ими къ умноженію счастія своего наслаждаться. Однако же не одно чувственное наслажденіе—вся цѣль сего великаго назначенія. Такимъ образомъ человѣкъ наслаждался бы сими преимуществами только какъ ненасытнѣйшее животное, при разнообразіи своихъ вкусовъ, при множествѣ предметовъ, услаждающихъ его чувства. Нѣтъ! онъ носитъ въ душѣ своей величественный образъ Создателя своего; онъ долженъ быть какъ бы Богъ на землѣ; онъ долженъ обладать всѣмъ для своего счастія: но при томъ все это употреблять для общаго блага своихъ ближнихъ; онъ имѣетъ къ тому возможность, и во всякомъ случаѣ можетъ найти къ тому способы. Вотъ высокое назначеніе его! Если онъ исполняетъ оное, то образъ Творца своего носитъ въ себѣ достойно.

ДОБРОТА, *благосклонность, милость.*

Ничто такъ не рѣдко между людьми, какъ истинная доброта; тѣ, кои думаютъ, что имѣютъ ее, обыкновенно только имѣ-

юпъ снисхожденіе или нѣкотораго рода слабость.

Добраго человѣка можетъ упѣшать одно душевное къ нему почтеніе людей; почитающіе его — сами достойны почтенія.

Люди утомляются отъ умственныхъ занятій, привыкаютъ хладнокровно къ красотѣ, гнушаются пустословіемъ и болтливостію; но доброта всегда восхищаетъ и плѣняетъ сердце.

Примѣръ.

Въ одно лѣто, великій *Тюренъ*, бывшій запросто въ бѣломъ камзолѣ и бумажномъ колпакѣ, облокотясь, смотрѣлъ въ окно. Одинъ изъ служителей, почтя его за повара, ударилъ сильно его — рукою по бедру. Тюренъ, изумившись, оборачивается. Слуга приходитъ въ страхъ и падаетъ къ его ногамъ, прося прощенія въ своей ошибкѣ, и объясняя, что онъ его почелъ за Егорку поваренка. „Еслибъ это былъ и Егорка, сказалъ спокойно Тюренъ, то не должно бы ударить такъ сильно.“ — Вотъ истинная доброта!

ДОВОЛЬСТВО СОВЕРШЕННОЕ.

Старайтесь не обогащаться, но старайтесь — жить! Сколько люди теряютъ, для приращенія богатствъ, времени, въ которое

они могли бы ими пользоваться! Вездѣ видимъ богачей, собравшихъ искусною расчетливостію большія сокровища; но рѣдко встрѣчаемъ людей, которые умѣли бы наслаждаться состояніемъ умѣреннымъ: насъ должно учить не искуству наживать, а искуству проживать, по пристрастію къ роскоши.

Видя безпрестанную суетливость людей, можно подумать, что человѣкъ существуетъ на землѣ не для того, чтобъ быть счастливымъ, но чтобъ быть богатымъ: но мудрая Природа, разсыпавъ щедрою рукою блага, для насъ необходимыя, не соединила, кажется, счастія съ богатствомъ, потому, что оно можетъ быть достояніемъ только малаго числа людей.

Съ изумленіемъ говорятъ: господинъ Р. имѣетъ милліонъ дохода! онъ уважаемъ, то есть расчетливыми ласкателями, кои пользуются его слабостями. Но сей богачъ, въ рѣдкомъ, блистательномъ, завидномъ положеніи своемъ, утомленный суетными забавами и не находя утѣшенія въ самомъ себѣ, есть жертва отчаянія, въ которомъ онъ перестаетъ даже и желать. Это печальное пресыщеніе доводитъ его до скуки безконечной, единаго страданія жизни, неуслаждаемаго самою надеждою.

Посмотрите, въ театрѣ, на людей, которые сидя въ ложахъ, зѣваютъ: это богачи! Посмотрите на зрителей, возбуждаемыхъ живѣйшимъ энтузіазмомъ: это юноши образованные и дѣятельные!

Вспомните о прелестныхъ ужинахъ *Руссо* и *Кондильяка:* оба были бѣдны, издерживали мало; но дружба и любовь къ Словесности украшали умѣренную трапезу ихъ, и въ искреннемъ бесѣдованіи быстро протекало для нихъ очаровательное время!

Лучшая картина довольства: небольшое хозяйство, хорошо устроенное; въ немъ всѣ удовольствія живы, ибо они не иначе пріобрѣтаются, какъ порядкомъ и трудомъ.

Примѣръ.

Одинъ весьма достаточный купецъ, разведя прекрасный садъ, вырѣзалъ на воротахъ онаго слѣдующія слова: „*Сей садъ будетъ принадлежать тому, кто можетъ доказать себя совершенно довольнымъ.*“ Однажды, прогуливаясь, онъ увидалъ незнакомца, который, поклонясь ему, спрашивалъ: гдѣ хозяинъ? „*Это я,* сказалъ купецъ; *что вамъ угодно?*“ — „*Хочу взять сей садъ во владѣніе,* отвѣчаетъ незнакомецъ, — *потому что нѣтъ человѣка довольнѣе и счастливѣе меня.*“ — „*Милостивый государь,* возразилъ купецъ, „*вы находитесь въ большомъ заблужденіи:*

„еслибъ вы были совершенно довольны, то „не пожелали бы еще овладѣть моимъ са„домъ.“

Д О Л Г И.

Я чувствую какое-то удовольствіе при платѣ долговъ: какъ будто снимаю съ плечъ своихъ скучную тягость, уплативъ оные. *(Монтань.)*

ДОЛГОВѢЧНОСТЬ. — *Чит.:* ЗДОРОВЬЕ.

ДОЛЖНОСТЬ, *ремесло.*

Никакая должность сама по себѣ не безчестна, когда она служитъ къ общей пользѣ: подла и презрѣнна одна только праздность и роскошь.

Не мѣсто украшаетъ человѣка, но человѣкъ — мѣсто. Судейскій столъ красенъ правосудіемъ, воинскій мечъ блистаетъ вѣрностію, пастырьская каѳедра возносится духовною ревностію, художественный домъ славенъ прилѣжаніемъ, поселянское орудіе красно́ трудолюбіемъ. Вѣрный исполнитель званія возвышаетъ и низкое мѣсто, а нерадивый и высокое унижаетъ. Вѣрный исполнитель званія сообщаетъ къ славѣ должности своея новое отъ себя сіяніе; а не-

радивый помрачаетъ и то, которымъ всякое званіе отъ Бога прославлено.

Кто должность почиталъ только за случай къ надменнымъ о себѣ мечтаніямъ, или къ пріобрѣтенію неправедныхъ прибытковъ; тотъ, при всей высотѣ своей, низокъ, при надменности презрѣнъ, при ласкательствѣ жалокъ, при наружномъ всего изобиліи несчастливъ.

Но не всѣ заслуживаютъ похвалу, достойную таковыхъ подражателей. Иной съ дремлющими глазами сидитъ за судейскимъ столомъ; другой съ холоднымъ духомъ занимаетъ священное мѣсто; иной такъ дѣло производитъ, что, какъ говорятъ, изъ рукъ дѣло валится: къ гулянью охота, — но когда позовутъ къ дѣлу, на трудъ, тотчасъ пошли отговорки: можно и въ другое время сдѣлать, не все сдѣлать вдругъ, всѣхъ дѣлъ непередѣлать; а между тѣмъ жаръ душевный холодѣетъ, привычка лѣности усиливается, праздность и гулянье становятся прелестнѣе, прилѣжаніе пропадаетъ, трудъ становится скучнымъ, польза уходитъ, время проходитъ, разслабленіе связываетъ всѣ члены къ доброму подвигу, духъ отягощается и душа уже не дѣйствуетъ. Гдѣ же исполненіе должности? Или совсѣмъ оставлено, или, когда принуждать будетъ крайняя необходимость, то уже считается за до-

вольное, чтобъ сдѣлать *какѣ-нибудь*. Какія же таковаго нерадѣнія причины? Разныя: иной не понимаетъ своей пользы, другой воспитанъ въ излишномъ послабленіи, третій не къ тому родился и расположенъ, къ чему опредѣленъ онъ.

Посему родители обязаны пещися о добромъ воспитаніи дѣтей своихъ, чтобъ, давъ имъ жизнь, сдѣлать ихъ жизнь доброю и счастливою.

Властелины должны подчиненныхъ своихъ содержать человѣколюбиво, оказывая имъ любовь отеческую; а подчиненныхъ долгъ есть повиноваться власти отъ Бога поставленной, не за страхъ, но за совѣсть.

Мужья и жены должны взаимную къ себѣ имѣть любовь, и хранить вѣрность, клятвою предъ олтаремъ утвержденную, и тѣмъ давать дѣтямъ своимъ богоугодный примѣръ.

Купцы и художники силою вѣры обязаны не смотрѣть токмо прибытковъ, но паче пещись о честности души и незазорной совѣсти: ибо Богъ труды наши тогда только благословляетъ, когда мы добродѣтелью своею привлекаемъ на себя благословеніе.

Примѣръ.

Одинъ Король спросилъ у своего Министра, какого ремесла болѣе всѣхъ людей

находится въ городѣ? Министръ отвѣчалъ, что лекарей болѣе всѣхъ, и обѣщалъ представить Королю объ нихъ списокъ. Спустя нѣсколько дней, Министръ приходитъ къ Королю съ обвязаннымъ глазомъ. Король спрашиваетъ Министра о здоровьѣ, и на отвѣтъ, что у него глазъ заболѣлъ, Король присовѣтовалъ ему употреблять нѣкоторую примочку: Министръ тотчасъ вынимаетъ изъ кармана своего записную книжку и записываетъ въ оную имя Короля. Король, удивляясь сему, спросилъ: что ты это дѣлаешь? — „Я записываю всѣхъ лекарей," отвѣчаетъ Министръ.

ДОМОГАТЕЛЬСТВО, *искательство.*

Если ты желаешь получать временныя выгоды, защиту и пособія въ гражданской жизни; если домогаешься мѣста, на которомъ бы ты могъ принесть пользу своему отечеству, — то долженъ о томъ просить и даже нерѣдко съ униженіемъ. Не думай, чтобы люди, безъ особенной въ тебѣ надобности, что-нибудь тебѣ предложили, или стали ходатайствовать за тебя безъ всякаго со стороны твоей старанія, хотя бы заслуги твои всегда громко говорили о твоемъ достоинствѣ, и всякъ бы зналъ, что ты имѣешь нужду въ пособіи и дѣйстви-

тельно онаго достоинъ. Всякой старается только о себѣ или о своихъ родственникахъ, ни мало не заботясь о скромномъ человѣкѣ, который можетъ погребсти въ скудной жизнѣ своей дарованія свои и даже умереть съ голоду. И потому многіе люди съ великими достоинствами, до самой смерти своей остаются въ неизвѣстности и лишены способовъ сдѣлаться полезными своимъ согражданамъ, потому только, что не могутъ ни унижаться, ни пресмыкаться.

ДОСАДА. — *Чит.*: ГНѢВЪ.

ДОСТОИНСТВО. — *Чит.*: ЗАСЛУГА и Достоинство.

Д Р У Ж Б А.

Связи, составляемыя выгодами общежитія, не есть дружба: польза и удовольствіе связываютъ сей узелъ, но тоже польза и удовольствіе разрываютъ его.

Другъ есть тотъ, къ которому привязанность наша основывается на единственномъ побужденіи, на желаніи — быть имъ любимымъ. Другъ есть существо, какъ будто отдѣльное отъ прочихъ людей. Другъ, не оскорбляя, говоритъ съ нами объ нашихъ недостаткахъ: лично — укоряетъ за нихъ;

въ свѣтѣ, въ обществѣ — умѣетъ ихъ извинять.

Спросили *Анталцида,* Генерала Лакедемонскаго: какое есть средство, чтобъ имѣть друзей? „Оно состоитъ въ томъ, отвѣчалъ онъ, чтобъ говорить другимъ пріятнѣйшія слова, и дѣлать для нихъ полезнѣйшія дѣла или услуги.“

Дружба есть *одна* душа въ *двухъ* тѣлахъ. (*Аристотель.*)

Дружба есть бальзамъ жизни.

Цицеронъ, говоря о дружбѣ, называетъ ее необходимостью.

Имѣй у себя друга: ибо ты не можешь быть одинъ. Счастіе есть дѣло двоихъ.

Пивагоръ прекрасно сказалъ: *будучи съ другомъ, я не одинъ, а насъ не двое!*

Любовь — есть болѣзнь сердца, а дружба — врачъ его.

Ни кому не будь обязанъ, кромѣ своего друга.

Кто положитъ душу свою за друга, тотъ великъ наречется. (Это сказано въ Евангеліи).

Дружество есть даръ Небесъ. Въ прелестныхъ его узахъ — наслажденія и радости; самое время усугубляетъ красоту его. Оно сладостію утѣшеній своихъ смягчаетъ тѣ несчастія, которыя любитъ раздѣлять, и ежедневно облегчаетъ тягости жизни на-

шей. Сердце, удрученное горестію, всегда чувствуетъ необходимость раздѣлить ее съ другомъ.

Замѣчено, что люди, неспособные къ дружеству, не умѣютъ также наслаждаться красотами Природы и рѣдко постигаютъ высокія, утѣшительныя истины Нравственности.

Примѣръ.

Въ Сициліи, при Царѣ Діонисіи старшемъ, жили два славные друга, *Дамонъ* и *Пиѳіясъ*, коихъ сердца пылали нѣжнѣйшею любовію взаимною: они клялись въ сей дружбѣ. Когда Діонисій, внявъ ложной клеветѣ, осудилъ Пиѳіяса на смерть, то сей просилъ дозволенія отлучиться въ ближній городъ, для приведенія въ порядокъ нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ своихъ, . . . и такъ какъ онъ обѣщалъ возвратиться въ назначенный день, то и отправился въ путь, между тѣмъ какъ Дамонъ за исполненіе обѣщанія сего поручился своею жизнію. Но дѣла Пиѳіяса текутъ медленно, день смерти его наступаетъ, народъ собирается, порицаютъ его, сожалѣютъ о легкомысленномъ Дамонѣ, идущемъ спокойно на смерть, но увѣренномъ, что

другъ его возвратится, и почитающемъ себя весьма счастливымъ въ случаѣ его невозвращенія. Ужѐ наступаетъ роковая минута, какъ тысячи народа окружаютъ мѣсто предстоящей ему смерти; ужѐ Дамонъ, стоя посреди толпы, возвѣщающей многократно о прибытіи Пиѳіяса, скорбитъ; видитъ мечъ, висящій надъ его главою, но не трепещетъ: но наконецъ приваливаетъ корабль къ берегу, Пиѳіясъ бѣжитъ, пробирается чрезъ народъ и приходитъ къ мѣсту казни, къ Дамону; тутъ, посреди объятій и слезъ, спорятъ они о благополучіи — умереть другъ за друга; зрители, пораженные сею сценою, обливаются слезами: самъ Царь бросается съ престола своего и проситъ дозволенія — раздѣлить съ ними священную ихъ дружбу. Обвиненный былъ прощенъ!

ДУША. *Душевныя способности.*

Мы хотимъ, чтобы всѣ люди имѣли одинакія душевныя способности, одинакіе таланты, одинакую нѣжность чувствъ. — Фонтенель за плугомъ! Что несчастнѣе сего? Чрезъ раздѣленіе способностей и трудовъ мы пользуемся всѣми силами природы; но если бы мы сами всѣ оныя имѣли у себя, и сами все

дѣлали, тогда все было бы безполезно. Ни родъ, ни количество благъ не составляютъ истиннаго счастія; но тотъ счастливѣйшій, кто мало имѣетъ непріятныхъ чувствованій; а потому истинное счастіе, при всемъ различіи благъ и способностей, для всѣхъ равно. Если человѣкъ низкаго состоянія лишенъ нѣкоторыхъ преимуществъ, за то сколь онъ счастливъ — по своему спокойствію! Одинъ имѣетъ утонченныя, пріятнѣйшія чувствованія; другой безопаснѣе, спокойнѣе ими наслаждается. Иной не слишкомъ богатъ; но за то не имѣетъ множества воображаемыхъ нуждъ, которыя всегда дѣлаютъ и богача бѣднымъ. Наслажденіе долговременнымъ здоровьемъ замѣняетъ у земледѣльца духовныя удовольствія мудреца, и утомительное сладострастіе изнѣженнаго богача. О счастіи каждаго должны мы судить по чувствованіямъ его, а не по нашимъ; и если мы воображаемъ, что тягостный, несносный жребій есть удѣлъ одной лишь черни — то это значитъ, что мы знаемъ вельможъ только по наружному ихъ блеску. Величайшія благодѣянія: неоцѣненный даръ небесъ—жизнь наша, очаровательнѣйшія красоты природы, пріятнѣйшія ощущенія чувствъ, удовольствія дружбы, нѣжнѣйшія радости семейственныя — не равно ли между всѣми раздѣлены? Не равно ли

наслаждаются ими богатый и бѣдный, вельможа и просполюдинъ? Гораздо еще больше, гораздо полнѣе чувствуетъ блага сіи бѣднякъ, имѣя всегда здравыя чувства и чистую душу. Спокойное лице, изображающее довольство его, служитъ тому яснымъ доказательствомъ.

Д У Э Л И, *поединки.*

Какое самое лучшее средство, чтобъ никогда не подвергаться случаю имѣть дуэль? Доказывать свою храбрость въ спасеніи своего отечества, когда только случай намъ представляется, — быть кротким, вѣжливымъ, снисходительнымъ ко всѣмъ; а главнѣйшее дѣло — избѣгать какъ можно худыхъ обществъ.

Кто, смотря по своему состоянію, возрасту, или по своимъ правиламъ, не хочетъ терпѣть насмѣшекъ или оскорбленія, и мстить за оное поединкомъ, тотъ хорошо поступаетъ, если избѣгаетъ всякаго случая, въ игрѣ ли, на празднествахъ или другихъ подобныхъ собраніяхъ, связываться съ необразованными людьми всякаго состоянія; или, если онъ не въ состояніи избѣжать такихъ случаевъ, то сколько возможно долженъ вести себя осторожно, вѣжливо и степенно. Впрочемъ здѣсь очень много зависитъ отъ того, какое кто снискалъ ува-

женіе; прямодушнаго, постояннаго, честнаго и благоразумнаго человѣка обыкновенно уважаютъ и щадятъ самые распутные и необразованные люди.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, гдѣ люди любятъ честь и доброе имя не меньше нашего, о поединкахъ почти вовсе не слышно. Отъ чего? Отъ того, что тамъ есть законъ, по которому всякій охотникъ до поединковъ объявляется безумнымъ; его запираютъ на всю жизнь въ домѣ сумасшедшихъ, и все его имѣніе обращаютъ въ пользу заведеній для подобныхъ несчастныхъ.

Часто забываютъ смерть въ припадкахъ мнимой чести на поединкахъ. Но смертоубійство и подъ прикрасою мнимыхъ законовъ чести, остается смертоубійствомъ, и достойно законной казни.

Примѣры.

Обыкновенно поединщики, гордясь проворствомъ и искуствомъ дѣйствовать оружіемъ, скрываютъ подлинную трусость подъ притворною храбростію. Это мнѣніе славнаго *Тюреня*. И кто же лучше его зналъ подлинную храбрость! Однажды сей великій человѣкъ, изъ Гессенъ-Кассельской страны, гдѣ онъ командовалъ Французскою арміею, во Францію отослалъ кавалерійскаго Капитана, который убилъ на поединкѣ двухъ

другихъ офицеровъ: *Я для того это сдѣлалъ*, говорилъ онъ, *что примѣтилъ много разъ убійцъ, стоящихъ въ упыніи противъ непріятеля, и что поединщикъ такой въ состояніи побить всѣхъ насъ, ежели дадимъ ему волю, а не убьетъ ни одного государственнаго непріятеля.*

Когда *Тюренъ* былъ еще не въ большомъ чинѣ, по будучи вызываемъ на дуэль другимъ офицеромъ, отвѣчалъ ему: „я не умѣю биться въ противность законамъ; однако не меньше, какъ и вы, я въ состояніи выдти на всякую опасность, согласную съ моею должностію. Теперь есть случай сдѣлать сшибку съ непріятелемъ, весьма полезную и честную для насъ, но и опасную. Пойдемъ къ нашему Генералу просить на это позволенія, и увидимъ, кто изъ насъ пріобрѣтетъ болѣе чести.“ Предпріятіе сіе въ самой вещи показалось предлагавшему поединокъ столь опаснымъ, что онъ отказался подвергнуть свою храбрость таковому опыту. Такова-то бываетъ храбрость трусливыхъ поединщиковъ! Большая часть изъ нихъ ищутъ прославиться храбростію на дуэляхъ, а во время сраженія съ непріятелемъ — ложатся въ постелю.

Густавъ-Адольфъ, сей знаменитый сѣверный герой, столь много прославившійся

въ XVII вѣкѣ, узнавши, что страсть къ дуэлямъ начинала дѣлать ужасныя опустошенія въ его арміи, запретилъ оныя подъ смертною казнію. Послѣ сего въ скоромъ времени два лучшіе Генерала, поссорившись, приходятъ просить Короля о дозволеніи биться. Густавъ сначала былъ встревоженъ симъ прошеніемъ; однако жъ на то согласился, и сказалъ имъ, что онъ желаетъ быть свидѣтелемъ ихъ драки; онъ назначилъ мѣсто и часъ, и самъ туда явился съ полкомъ пѣхоты, коей приказалъ окружить двухъ молодцовъ. „Ну, государи мои, будьте мужественны, сказалъ онъ имъ: деритесь теперь до того, чтобъ одинъ изъ васъ палъ мертвъ,“ — и, призвавши палача, сказалъ ему: „въ ту минуту, когда одинъ изъ нихъ будетъ убитъ, отруби въ присутствіи моемъ голову у другаго.“ Послѣ сихъ словъ, два Генерала сдѣлались на нѣсколько времени неподвижными, и скоро признавши сдѣланную ими вину, они пали къ ногамъ Короля и просили у него прощенія, клянясь другъ другу въ истинной дружбѣ. Съ того времени не слышно ужѐ было о дуэляхъ въ Шведской арміи.

Одного Американца вызвали на дуэль. Не любя драться за пустяки, написалъ онъ

своему сопернику слѣдующую записку: „Я не соглашаюсь на ваше предложеніе по двумъ причинамъ: *во-первыхъ*, вы можете убить меня; *во-вторыхъ*: я могу убить васъ: слѣдственно изъ того выйдетъ мало добра. Послушайте лучше моего совѣта, подите въ лѣсъ, отыщите дерево въ мой обхватъ; вообразите, что я стою передъ вами; спрѣляйте прямо, и если попадете въ дерево, то я признаю себя виновнымъ и буду у васъ просить прощенія; если же вы сдѣлаете промахъ, то должны мнѣ уступить побѣду.“

Императоръ *Іосифъ* II-й писалъ однажды: „Г-нъ Генералъ! Немедленно посадите подъ арестъ Графа К. и Капитана В.... Графъ вспыльчивъ, гордится своимъ родомъ и имѣетъ ложныя понятія о чести; Капитанъ есть старый воинъ, который всякое дѣло хочетъ оправдать шпагою или пистолетомъ. Но я не хочу и не терплю никакого поединка въ моей арміи; презираю тѣхъ, кои стараются оправдывать его и хладнокровно пронзаютъ своего соперника. Если я имѣю офицеровъ, которые презираютъ всякую опасность, сражаясь съ непріятелемъ, при всякомъ случаѣ оказываютъ мужество, храбрость и рѣшительность въ нападеніи и въ защищеніи; то я ихъ весьма уважаю:

равнодушіе, съ каковымъ они при таковыхъ случаяхъ встрѣчаютъ смерть, приноситъ пользу и ихъ отечеству и ихъ чести. Но ежели изъ нихъ есть такіе, которые готовы принести все въ жертву мщенію и ненависти къ своему врагу; то я презираю ихъ: почитаю такихъ людей не лучше Римскаго бойца (гладіатора). Произведите надъ сими двумя офицерами военный судъ: изслѣдуйте съ тѣмъ безпристрастіемъ, коего я требую отъ всякаго судіи, причину ихъ ссоры; и кто изъ нихъ виновнѣе, тотъ да будетъ жертвою своей участи и законовъ! Такую варварскую привычку, приличную вѣку Тамерлановъ и Баязетовъ и которая часто имѣла самыя печальныя слѣдствія, я хочу уничтожить и подвергать строгому наказанію, хотя бы то стоило мнѣ даже половины моихъ офицеровъ. Есть еще люди, которые съ характеромъ геройскаго мужества соединяютъ характеръ добраго подданнаго, и таковымъ можетъ быть только тотъ, кто уважаетъ государственные законы и Религію.“ — *Іосифъ*.

Вуатюръ, оскорбивъ чувствительнымъ образомъ одного придворнаго, вызванъ былъ имъ на дуэль — на шпагахъ. „Партія неровная, сказалъ ему Вуатюръ: вы роста вы-

сокаго, а я небольшаго; вы храбры, я шрусъ. Вамъ непремѣнно хочется меня убить? Но я уже признаю себя мертвымъ. Чего жъ вамъ болѣе?“ — Эта шутка разсмѣшила его врага и обезоружила.

Одинъ извѣстный Шотландскій офицеръ вызвалъ на дуэль Англійскаго Капитана, также славившагося своею храбростью. Когда они оба пришли на назначенное мѣсто, спросилъ Англичанинъ своего соперника: „*За что будемъ мы драться.*“ — „*За честь моего отечества, которое ты обидѣлъ,*“ отвѣчалъ Шотландецъ. — „*Нѣтъ*, возразилъ тотъ, и вынувъ изъ кармана веревку, продолжалъ: „*вотъ за что; ибо тотъ изъ насъ, который убьетъ другаго, вышаетъ чрезъ то сію веревку, потому что по нашимъ законамъ человѣкоубійцы наказываются висѣлицею!*“ — Сіе неожиданное замѣчаніе привело разъяреннаго Шотландца въ себя, и онъ, не вынимая шпаги изъ ноженъ, дружески взялъ за руку своего соотечественника и повелъ его къ себѣ — пить Шампанское. Они оба доказали симъ, что они имѣли довольно духу, чтобы восторжествовавъ надъ предразсудками и страстями, послѣдовать гласу здраваго разсудка. — Вотъ примѣръ рѣдкаго и истинно-благороднаго мужества!

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ, *неусыпность.*

Юлій Цезарь обыкновенно говаривалъ, что въ смѣлыхъ и опасныхъ предпріятіяхъ надобно тотчасъ дѣйствовать, а не размышлять или разсуждать, потому что поспѣшность тогда способствуетъ болѣе всего успѣху. Размышленія, говорилъ онъ, охлаждаютъ мужество и дѣлаютъ человѣка робкимъ. Сей славный Римлянинъ, величайшій человѣкъ своего вѣка, если бъ онъ былъ лучшій гражданинъ, доказалъ, въ продолженіе междоусобной войны, возгорѣвшейся отъ его честолюбія, что онъ поступалъ по принятымъ имъ правиламъ: побѣдивши республиканскую армію, онъ дѣлаетъ неимовѣрный походъ: изъ Италіи летитъ въ Понтъ, (что въ Азіи); тамъ нападаетъ на *Фарнака*, сына Митридатова, побѣждаетъ его съ перваго удара, и тѣмъ усмиряетъ противоборствующихъ. Для выраженія сей удивительной своей быстроты, онъ писалъ своимъ друзьямъ сими замѣчательными словами: „*я пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ* (Veni, vidi, vici.)“

ЕВАНГЕЛІЕ и БИБЛІЯ.

Возвышенность мыслей, величественная простота выраженій, чистота ученія, важность преподаваемыхъ правилъ, удиви-

тельная сообразность съ естествомъ и потребностями человѣческими, пламенная любовь къ человѣчеству, безпримѣрное милосердіе, пронзающія сердце читателя, суть такія свойства сихъ Писаній, какихъ не найдешь ни въ какомъ произведеніи ума человѣческаго.

Невозможно безъ благоговѣнія читать Священное писаніе. Что можетъ быть возвышеннѣе сихъ словъ: *рече, и бысть; повелѣ, и создашася?* —

ЕДИНОДУШІЕ.

Нѣкоторый старецъ, имѣя много у себя дѣтей, и будучи при смерти, призвалъ ихъ къ себѣ, и раздавъ имъ по пучку прутьевъ, спросилъ: „можете ли вы оные однимъ разомъ переломить?“ Но какъ они отъ этого отказались, называя сіе невозможнымъ дѣломъ; тогда отецъ сказалъ имъ: „изъ этого научитесь, мои дѣтки, что ежели вы станете жить единодушно, то будете счастливы и страшны вашимъ непріятелямъ; но если несогласно, то ослабѣете и легко можете быть въ порабощеніи.“

ЖАЛОСТЬ, *сожалѣніе.*

Горестно мыслить, что, кажется, тѣ только и способны къ жалости о убогихъ

и неимущихъ, которые сами испытали всю горечь неимущества.

Въ Аѳинахъ, одинъ Архонтъ (Сенаторъ) былъ наказанъ за то, что онъ удушилъ маленькую птичку, которая — укрываясь, сѣла на его груди. Симъ дано ему почувствовать, что сердце, закрытое для жалости, не достойно располагать жизнію своихъ сообщественниковъ.

ЖЕНЩИНЫ.

Красота, умъ, любезность и кротость женщины — есть истинное ея приданое.

Въ обществѣ женщинъ мы получаемъ пріятность въ обращеніи; осторожность въ рѣчахъ, чистоту вкуса и изящность въ привычкахъ. Мужчина не умѣетъ обойтись безъ женщины. Онъ даетъ ей, самъ не зная какъ, владычество надъ собою; говоритъ о правахъ своихъ — и не употребляетъ ихъ; напоминаетъ о своемъ могуществѣ — и самъ покоряется.

Лѣта — единственная тайна женщинъ.

Женщины говорятъ иногда много, а сказываютъ мало.

У женатаго много непріятностей, но холостой почти не имѣетъ и удовольствій.

ЖЕРТВА БОГУ.

Лучшую и пріятнѣйшую Богу жертву составляютъ не *овны* и *тельцы*, но *духъ смиренъ* и *сердце сокрушенно*. Въ дѣлѣ обращенія къ Богу, которое возможно и для тягчайшихъ грѣшниковъ, ни что такъ не уважается, какъ смиреніе, сокрушеніе и самоосужденіе. *Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.*

ЖИЗНЬ.

Жизнь человѣческую можно понимать двоякимъ образомъ: или въ началѣ ея или въ ея продолженіи. Въ началѣ своемъ она есть произведеніе человѣка изъ небытія въ бытіе. Что можетъ быть вожделѣннѣе, какъ выдти изъ бездны ничтожества, и всюду созерцать слѣды безконечной премудрости,—видѣть союзъ, коимъ твари, будучи связаны, стремятся къ единой цѣли? — Что можетъ быть превосходнѣе сего? И льзя ли подумать, чтобъ человѣкъ, въ таковомъ состояніи поставленный Рукою всесильною, могъ сказать: *мнѣ скучно и горестно сіе состояніе*? Не паче ли бы долженъ онъ вознести къ небесамъ свой гласъ благодарный?

Что же есть жизнь человѣка и въ ея продолженіи? Она есть теченіе дѣлъ сообразныхъ его природѣ. Теченіе сіе должно стремиться къ добродѣтели; а добродѣтель приводитъ къ Богу. Отъ добродѣтели раждается въ душѣ истинное удовольствіе; а соединеніе съ Богомъ есть источникъ блаженства безконечнаго.

Впрочемъ невозможно и понять, чтобъ премудрый и преблагій Богъ даровалъ намъ бытіе для одного мученія нашего, и ввелъ бы насъ въ такую жизнь, которая бъ единымъ только была намъ отягощеніемъ.

Жизнь не состоитъ въ одномъ дыханіи, тлѣнный составъ оживотворяющемъ, —но въ подвигѣ—теченіе бытія совершить въ просвѣщеніи и честности; и истинно жить — не значитъ угождать требованіямъ чувствъ, но умѣть всѣ дѣйствія свои распоряжать по владычественной власти здраваго разума.

Потщимся такъ свою жизнь препровождать, чтобъ она приносила людямъ добрый примѣръ, совѣсти же нашей удовольствіе и радость. Будемъ незлопамятны и благотворительны: ибо насъ общежительство другъ съ другомъ связываетъ во едино; будемъ воздержны, нестяжательны.

Только жизнь человѣка, званію своему соотвѣтствующаго,—человѣка, чрезъ добро-

дѣтель къ будущей жизни себя пріуготовляющаго, такого только человѣка жизнь есть благая, твердая, благополучная и благословенная, хотя бъ иногда нѣкоторыми превратностями несчастія она и была смущаема: и мы бъ, увидѣвъ такого, съ душевнымъ веселіемъ сказали ему: *теченіе жизни твоея прекрасно, ибо добродѣтельно; жизнь твоя преблаженна, ибо совѣсть твоя незазорна; духъ твой радостенъ, ибо онъ непорочен: и сія радость тѣмъ больше, что она есть нѣкоторое предчувствіе радости вѣчныя; ибо рай будущій блаженный начинается здѣсь въ душѣ непорочной.*

Любить жизнь—естественно и сообразно съ Божіими намѣреніями; невинными ея удовольствіями пользоваться — безгрѣшно: но вездѣ надобно, чтобъ предшествовало благоразуміе, чтобъ управляла умѣренность.

Пощадимъ время дней нашихъ; ибо праздность нѣкоторымъ образомъ возвращаетъ насъ въ прежнее состояніе небытія: ибо кто не дѣлаетъ ничего, тотъ какъ бы не существуетъ. Будемъ благодушны во всякомъ случаѣ, въ трудахъ, скукѣ и счастіи,— вѣдая, что всѣми приключеніями Промыслъ Божій свято управляетъ. Теченіе жизни сей будемъ проходить радостно, и спокойно послѣдніе часы нашихъ дней окончимъ, оста-

ваясь въ полномъ увѣреніи, что сей предѣлъ святъ и непреложенъ.

Человѣкъ имѣетъ только три главныя приключенія: родишься, жить и умереть; онъ не чувствуетъ, когда родился, страждетъ — умирая, и позабываетъ жить. Къ несчастью же, промежуткъ очень малъ между дѣтства и старости.

Жить — не есть писать Исторію, Трагедію или Комедію, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать, любить добро, возвышаться душею къ его источнику; все другое есть шелуха: не исключаю и моихъ томовъ. *(Н. Карамзинъ.)*

Тогда только человѣкъ пріобрѣтетъ миръ, когда вселится въ гробъ, гдѣ вмѣстѣ и Царь и нищій.

Все въ жизни только суетность человѣческая: не возмемъ съ собою ни богатства, ни славы.

Что есть жизнь наша? цвѣтокъ, дымъ или роса утренняя; придите и посмотрите на гробы: гдѣ красота тѣлесная? гдѣ юность, прелестные глаза и видъ человѣческій? все увяло, подобно травѣ; все истребилось.

Въ одну половину жизни нашей мы дѣлаемъ зло, въ другую — ничего не дѣлаемъ,

а во всю жизнь дѣлаемъ противное должному.

Если любите жизнь, то не теряйте времени, потому что жизнь изъ него составлена.

Всѣ бранятъ жизнь, а всякому пожить хочется.

Способъ правильно управлять своею жизнію, безъ сомнѣнія весьма важенъ для людей всякаго званія и возраста. Время, говоритъ *Франклинъ*, есть ткань, изъ коей сплетена жизнь, а самая жизнь есть благо ненадежное, скоропреходящее, непрестанно отъ насъ ускользающее. Странное противорѣчіе сердца человѣческаго! Мы жалуемся на кратковременность жизни, но сами же способствуемъ къ ея сокращенію, пустою тратою всего нашего времени. Сколь мало людей, умѣющихъ хорошо цѣнить всѣ часы своей жизни и управлять употребленіемъ оныхъ съ мудрою и строгою бережливостью! Часто и многіе разсуждаютъ о цѣнѣ времени; а *убивать время* есть главное упражненіе большой части людей. Наши выѣзды, посѣщенія изъ приличія, неважныя свѣтскія обязанности, наши карточныя игры, театры, столь мало вообще способные возвышать душу и передѣлывать наши нравы; даже значительная часть нашего чтенія, столь безполезнаго, а часто и вред-

наго — суть средства, способствующія избавлять себя отъ сего излишка жизни, изъ котораго свѣтскіе люди не знаютъ, что дѣлать.

Воззрѣніе на самихъ себя и разборъ ежедневный своей жизни, хорошая метода употреблять время, должны побѣдить всѣ дурныя привычки, вредныя склонности и приблизить насъ понемногу къ тому нравственному совершенству, къ которому способна наша природа и къ коему мы безпрестанно стремиться должны.

ЖИЗНЬ ІИСУСА ХРИСТА.

Неизъяснимо великъ во всей жизни своей *Іисусъ Христосъ!* Онъ является во храмѣ на двѣнадцати-лѣтнемъ возрастѣ, и премудростію и отвѣтами своими удивляетъ учителей закона. Когда наступило время явнаго служенія Его, Онъ получаетъ торжественнѣйшее свидѣтельство отъ *Іоанна* Крестителя, Предтечи и перваго Апостола своего, котораго сами Іудеи, по святости его нравовъ, готовы были признать за Мессію. Онъ проповѣдуетъ Евангеліе нищимъ, и не дѣлаетъ отличія ни Іудеямъ, ни Самаритянамъ, ни язычникамъ. Испытаніе, учиненное Имъ вразсужденіи жены Хананейской, служитъ только къ обнаруженію вѣ-

ры сей иностранки, и къ полученію исцѣленія, просимаго ею дочери своей. Бесѣда его съ Самаритянкою есть образецъ благости, снисхожденія и человѣколюбія. Онъ принимаетъ грѣшниковъ и отираетъ слезы кающимся; нѣтъ такой милости, которой бы Онъ не оказалъ раскаянію и любви. „Много грѣховъ, сказывалъ онъ, говоря о Магдалинѣ, отпущено ей, для того, что много возлюбила.“ До грѣшниковъ относятся сіи столь трогательныя притчи о добромъ пастырѣ, о блудномъ сынѣ, — о работникахъ, нанимающихся въ послѣдній часъ дня. Онъ исцѣляетъ немощныхъ, всюду отличаетъ Себя благотвореніями своими и заслуживаетъ величайшую хвалу. Онъ явился только для благотворенія! Когда двое изъ учениковъ Его требовали позволенія свести огонь съ неба на городъ, отрекшійся принять Его, Онъ отвѣчалъ имъ: „вы не знаете, какимъ духомъ оживляетесь; я не пришелъ погубить человѣковъ, но спасти.“ Когда хотѣли заставить Его произнесть смертный приговоръ противъ жены прелюбодѣйной, Онъ говоритъ: „ежели кто изъ васъ безъ грѣха, тотъ пусть первый броситъ на нее камень.“

Ученіе Его, единственное увращеваніе всѣхъ терзающихъ насъ страстей, есть чистѣйшее выраженіе Божественной премудро-

спи и кажется слишкомъ строгимъ только самымъ развращеннымъ сердцамъ. Смиреніе, разрушающее въ насъ гордость человѣческаго самолюбія, величайшаго врага другимъ и намъ самимъ, есть основаніе онаго. Любовь, побуждающая насъ любить Бога паче всего, а людей для Бога, есть сущность онаго. Проповѣдь Его на горѣ, есть изящнѣйшая узаконительная книга нравственности, какую только Бого-человѣкъ могъ оставить человѣкамъ. Сей верховный Законодатель образуетъ въ насъ, какъ ученіемъ, такъ и примѣромъ своимъ, равнодушіе, кротость, терпѣніе, и еще здѣсь предлагаетъ миръ въ награжденіе за добродѣтели, Имъ внушаемыя намъ. Онъ предписываетъ намъ — прощать обиды и любить нашихъ враговъ; а ежели исполненіе сей Божественной заповѣди трудно натурѣ, то Онъ облегчаетъ намъ оное духомъ Евангелія своего и благодатію своею. Онъ велитъ намъ смотрѣть на ближнихъ нашихъ, какъ на чадъ единаго Отца, и какъ на цѣну одной искупившей насъ крови. „Благословляйте, говоритъ Онъ намъ, клянущихъ васъ; молитесь за гонящихъ, воздавайте добро за зло: и такимъ образомъ будете чадами Отца вашего небеснаго, который солнцу Своему велитъ сіять на добрыхъ и злыхъ.“ Къ сему Онъ присовокуп-

ляетъ прощеніе собственныхъ нашихъ обидъ. Что прекраснѣе образца молитвы, которую на сей случай Онъ сказываетъ намъ, и способа, коимъ молиться научаетъ.

Ежели Онъ откръваетъ намъ такое ученіе, которое превышаетъ слабый нашъ разумъ; ежели называетъ себя Сыномъ Божіимъ,—Словомъ, отъ вѣчности бывшимъ въ Богѣ, и которое было Богъ: то въ томъ ссылается на свидѣтельство Отца своего, Пророковъ, ученіе свое, дѣла и творимыя чудеса. Натура повинуется Его велѣніямъ: Онъ однимъ словомъ укрощаетъ бурю; умноженіемъ малаго числа хлѣбовъ и рыбъ, приносимыхъ Ему, насыщаетъ въ два раза девять тысячь человѣкъ. Чудеса Его суть всегда чудеса благодѣянія: Онъ возвращаетъ употребленіе членовъ разбитому параличемъ, слышаніе глухимъ, видѣніе — слѣпымъ отъ рожденія, — жизнь дочери *Іаира*, начальника синагоги, — сыну вдовы Наинской, несенному на погребеніе въ сопровожденіи многочисленнаго народа, — *Лазарю*, погребенному за четверо сутокъ. Сіи чудеса дѣлаются при множествѣ свидѣтелей, и столь справедливы, что ни Іудеи, ни язычники, величайшіе враги Христіанства, не осмѣливались никогда почитать ихъ ложными. Мученики и другіе, свидѣтельствовавшіе о сихъ главныхъ дѣяніяхъ, бывшихъ при гла-

захъ ихъ; Евангелисты, Апостолы, многочисленные ученики Іисуса Христа, запечатлѣли свидѣтельство о томъ своею кровію. Могутъ ли намъ быть еще противупоставлены тѣ мнимыя чудеса язычества, коихъ цѣль совсѣмъ была противна намѣренію очищать нравы, исправлять пороки, учреждать служеніе истинному Богу, и кои, сверхъ того, исчезаютъ какъ суетныя мечты, коль скоро кто приметъ трудъ подвергнуть ихъ правиламъ здравой критики.

Добродѣтели, во Іисусѣ Христѣ блиставшія, подкрѣпляютъ Его ученіе, истины, намъ открываемыя и творимыя чудеса. Чья добродѣтель была столь чиста, какъ Его, и столь чужда уваженія человѣческаго и личныхъ выгодъ? Онъ не ласкаетъ страсти богачей, не ищетъ подпоры въ милости вельможъ, не старается снискать одобренія отъ мудрецовъ минутныхъ, Саддукеевъ, Книжниковъ и Фарисеевъ. Евангеліе Его не для счастливцевъ мірскихъ, не для собирающихъ сокровища на землѣ, мало заботящихся быть богатыми предъ Богомъ; не для суетныхъ и надменныхъ умовъ, мудрецовъ по міру и лицемѣровъ. Онъ не вмѣшивается въ народное правленіе, и не домогается почестей, отличій и предсѣдательствованій. Когда толпа народа, въ восторгѣ удивленія и признательности своей, хочетъ

избрать Его Царемъ, Онъ уходитъ отъ ихъ стремленія. „Царство Его, сказалъ Онъ самъ, не есть отъ міра сего.“ Онъ платитъ дань за себя и за Апостоловъ своихъ, и повелѣваетъ воздавать Божіе Богу, а Кесарево Кесарю. Когда мать дѣтей Зеведеевыхъ проситъ о своихъ сыновьяхъ, чтобъ сѣсть имъ одесную Его, когда настанетъ время царства Его; то Онъ говоритъ имъ и всѣмъ Апостоламъ своимъ: „Кто хощетъ между вами быть болѣе всѣхъ, да будетъ слугою другимъ, такъ какъ сынъ человѣческій не пришелъ для того, чтобъ ему служили, но служитъ и дать жизнь свою для искупленія многихъ, то есть тѣхъ, кои не будутъ нерадѣть о приложеніи къ себѣ заслугъ Его.“ Горя усердіемъ къ славѣ Отца своего и къ спасенію человѣковъ, Онъ пріемлетъ на себя всякій трудъ, и нѣтъ ничего такого, чего бы не претерпѣлъ для снисканія оныхъ. Будучи благъ, снисходителенъ, милосердъ, сострадателенъ, нѣжный и чувствительный другъ, исполненъ любви къ согражданамъ и отечеству своему, и приноравливаясь ко всѣмъ, окружается самыми малыми дѣтьми и даетъ имъ знаки любленія своего; сноситъ малодушіе своихъ Апостоловъ и позволяетъ возлюбленному ученику нѣсколько успокоиться на лонѣ своемъ. Онъ плачетъ о смерти Лазаря, когда приготов-

ляется возвратить ему жизнь; льетъ слезы о Іерусалимѣ, коему предсказываетъ несчастіе и разрушеніе. Ахъ! сколько разъ хотѣлъ Онъ, говоря нѣжными Его выраженіями, собрать чадъ своихъ, такъ, какъ кокошь собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылія свои! Вездѣ являетъ себя наилучшимъ, наиболѣе любящимъ и любезнѣйшимъ изъ сыновъ человѣческихъ. Нѣтъ! ежели люди не любятъ Іисуса Христа, то опъ того, что не разсматриваютъ и не знаютъ Его.

Онъ великъ въ страданіи своемъ. Здѣсь-то наиболѣе во всемъ блескѣ сіяетъ благость Его, твердость, терпѣніе, весь героизмъ Его добродѣтелей, вся божественность Его. Ужѐ не переставалъ Онъ возвѣщать ученикамъ о страданіяхъ и смерти своей. *Іуда* измѣняетъ и предаетъ Его. „Другъ мой! говоритъ Онъ ему, принимая отъ него измѣнничьи ласки: зачѣмъ ты пришелъ? ты поцѣлуемъ предаешь сына человѣческаго.“ — *Малхъ*, одинъ изъ посланныхъ взять его, раненъ Апостоломъ: Онъ исцѣляетъ его: „Вложи, говоритъ *Петру*, мечъ твой въ ножны: не надлежитъ ли мнѣ пить чашу, опредѣленную Отцемъ моимъ?“ — Ежели Іисусъ въ сіе мгновеніе предоставляетъ себѣ нѣкоторую власть, то это для того, чтобъ обезопасить свободу провождавшихъ Его учениковъ. Іудеи, возбужденные отъ

Архіереевъ, требуютъ Его смерти: Кровь Его, кричатъ они, на насъ и на чадахъ нашихъ; и ужѣ тысяча восемь-сотъ лѣтъ она на нихъ! *Пилатъ* опредѣляетъ Его осужденіе и моетъ руки предъ народомъ. Вѣроломный *Іуда* признается, что предалъ кровь праведнаго, и съ отчаянія убиваетъ себя. *Петръ* отрекается отъ Того, коего божественность торжественно исповѣдывалъ. Одинъ взглядъ Іисуса заставляетъ проливать его горьчайшія слезы о невѣрности своей, и онъ наконецъ предаетъ жизнь свою за Учителя своего. Іисусъ Христосъ, вопрошаемый Архіереемъ, Пилатомъ, является равно великъ въ отвѣтахъ и молчаніи своемъ. Онъ отверзаетъ уста только для свидѣтельствованія о истинѣ. „Сынъ ли ты Божій?“ вопрошаетъ Его Архіерей. „Такъ,“ отвѣчаетъ Онъ, зная, что Архіерей симъ однимъ словомъ произноситъ на себя осужденіе. Когда надобно изобличать враговъ своихъ, уничтожаетъ ихъ обвиненія, противъ Его устремленныя и снискиваетъ благосклонность судей, Онъ молчитъ и показываетъ только, что отдаетъ жизнь для того, что тако благоизволилъ. — Предаютъ Его всему неистовству мучителей, и — въ самыхъ величайшихъ страданіяхъ,—не слышатъ отъ Него ни малѣйшей жалобы. Когда соболѣзнуютъ о Его участи, Онъ говоритъ: „дщери

Іерусалимскія! плачьте не о мнѣ, а о себѣ и о чадахъ своихъ; ежели сырое дерево не пощажено, то что будетъ съ сухимъ и безплоднымъ?“ Одинъ изъ распятыхъ по сторонамъ Его злодѣевъ испытываетъ дѣйствія всемогущей Его благодати; и въ сіе мгновеніе Іисусъ Христосъ обѣщаетъ ему во Царствіи своемъ желаемое мѣсто. Послѣднее Его попеченіе обращено къ матери. Вотъ завѣщаніе любви Его къ ней, и залогъ нѣжности къ Святому Іоанну. Ей говоритъ Онъ: „се сынъ твой; а другому: „се мати твоя.“ Умирая, молится за всѣхъ своихъ мучителей. Предая душу свою въ руки Отца своего, взываетъ: совершишася! и произнеся сіе слово, изпускаетъ духъ. — И такъ весьма справедливо сказалъ *Ж. Ж. Руссо:* „Ежели *жизнь* и смерть *Сократа* показываютъ мудреца, то жизнь и смерть Іисуса показываютъ Бога.“

ЗАБІЯЧЕСТВО, *буйство.*

Однажды, на публичномъ гуляньѣ въ одномъ большомъ городѣ, нѣкоторый молодой повѣса, одѣтый по послѣдней модѣ, наступилъ на ногу старику, шедшему въ бѣдной одеждѣ, — и — въ оправданіе свое, сказалъ ему: „*извините, милостивый государь, что не каблукомъ!*“ — Старикъ, не теряя при-

сутствія духа, ударилъ его въ щеку, и сказалъ: *„извините, милостивый государь, что не кулакомъ!“*

ЗАБЛУЖДЕНІЕ.

Мы созданы отъ всеблагаго Творца не для зла, но для добра: слѣдовательно всѣ наши и душевныя и тѣлесныя силы, способности и дарованія такъ расположены, что онѣ показываютъ намъ путь къ одной добродѣтели, а не къ пороку. Если бъ мы симъ путемъ всегда шествовали, то ничего бъ съ нами не встрѣтилось, кромѣ удовольствій, радости и спокойствія. Когда, напримѣръ, столько и такую употребляли бы мы пищу и питіе, какъ требуетъ мудрый уставъ естества, то не могли бъ мы никогда попасть въ сѣти невоздержанія и роскоши: слѣдственно не отягощали бъ насъ столько болѣзней, которыя оттуда происходятъ; не смущался бы и духъ, который необходимо, чувствуя нарушаемый естественный порядокъ и вредныя изъ того слѣдствія, безпокоится и мучится. Слѣдуя закону разума и совѣсти, увидимъ, что мы подвержены многимъ недостаткамъ, слабостямъ и тлѣнію, и другихъ подобныхъ намъ людей будемъ почитать братіями, и никакого между собою различія не найдемъ, кромѣ того, что

разныя проходимъ должности по различію способностей и дарованій. Если бъ мы сію мысль хранили и ей слѣдовали, никогда бъ ни кѣмъ овладѣть не могло презрѣніе и гордость: одинъ исправляетъ дѣла правосудія, другой воздѣлываетъ землю; всякой въ своей должности заслуживаетъ хвалу: но когда надменность и гордость наша заставляютъ уничижать другихъ, то это есть уклоненіе отъ пути природы, и оно непремѣнно должно возмутить внутренній покой нашъ.

Одинъ слѣпой имѣлъ жену, которую онъ чрезвычайно любилъ, хотя ему и говорили, что она была очень дурна собою; и хотя нѣкоторый докторъ взялся было вылечить его отъ слѣпоты, но онъ на сіе не согласился: „*чрезъ это я потеряю* — сказалъ онъ — *любовь къ моей женѣ, которая составляетъ все мое благополучіе.*“

ЗАБОТЛИВОСТЬ.

Она похищаетъ наилучшую часть жизни, обладая нынѣ бо́льшею половиною человѣческаго рода. Духъ вѣка принесъ съ собою то, что дѣятельность, умозрѣнія и частыя перемѣны становятся людямъ гораздо пріятнѣе, нежели прежде, и они сильнѣе напрягаютъ всѣ находящіяся въ нихъ силы; къ сему присовокупляется роскошь,

которая, умножая мнимыя потребности, дѣлаетъ необходимыми новыя предпріятія и новыя напряженія силъ. Отсюда раждается непрестанная возбудительность, отъемлющая всякое вниманіе къ внутреннему спокойствію и душевному довольству, и ускоряющая ужаснымъ образомъ жизненное истощеніе. Слѣдственно непрестанное внутреннее влеченіе къ новымъ предпріятіямъ, трудамъ и планамъ — пагубно для здоровья.

ЗАВИСИМОСТЬ.

Обыкновенно говорятъ: счастливъ тотъ, кто ни отъ кого не зависитъ! Но гдѣ бы найти такого? Нѣтъ никакого состоянія человѣческаго, отъ Царя до пахаря, которое не зависѣло бы отъ другаго. Человѣкъ, отъ первой до послѣдней минуты бытія, есть существо зависимое: большой зависитъ отъ малаго, а малой отъ большаго; рабъ отъ господина, а господинъ отъ раба; жена отъ мужа, а нерѣдко и мужъ отъ жены; скупой порабощенъ своему богатству, гордый глупости, сластолюбивый порокамъ; благоденствіе наше нерѣдко зависитъ отъ воображенія, расходы отъ доходовъ, доходы отъ трудовъ подчиненныхъ, мореплаваніе отъ способствующаго вѣтра, истинный покой отъ доброй совѣсти, а добрая совѣсть отъ

безпорочной жизни. Самыя стихіи не изъяты зависимости, и безъ взаимной другъ другу помощи существовать не могутъ. Животныя зависятъ отъ земли, получая отъ ней пропитаніе свое; земля зависитъ отъ благовременія, безъ чего плодовъ обильныхъ принесть не можетъ; дождь зависитъ отъ облаковъ, облака отъ паровъ земныхъ;— одно всегда существуетъ для другаго, — а все вообще отъ управленія Всевышняго.

Единъ Богъ, совсѣмъ независимый, сотворилъ всѣ вещи со взаимной зависимостью, дабы мы изъ сего познавали несовершенство наше, и что нѣтъ ничего совершеннаго, кромѣ единаго вѣчнаго Существа, достойнаго полнаго благоговѣнія и усердія нашего.

Если желаешь быть независимымъ, веди жизнь умѣренную и трезвую.

ЗАВИСТЬ.

Зависть есть скорбь и терзаніе души, когда видитъ счастіе другаго. Она имѣетъ лице иногда блѣдное, иногда синее, сухое, глаза искривленные, а иногда кровавые и спремительные, брови нахмуренныя, лобъ напряженный, губы дрожащія и безкровныя, и задыхающійся голосъ: столько-то трудно не обнаружить внутреннее терзаніе

на лицѣ! Такъ устроилъ Творецъ природы, что невозможно дабы злобнаго человѣка внутренній ядъ не разливался по ланитамъ его. И такъ сія спрасть ужѐ сама себѣ наноситъ казнь, прежде осужденія вѣчнаго, и сія казнь есть самая справедливѣйшая.

Но когда страсть зависти столь мучительна и страшна, то что же завистливаго человѣка заставляетъ добровольно подвергать себя толикому мученію? Счастіе другаго? Странно! Но какое счастіе, спрашиваю я: *мнимое* или *истинное?* Ежели оно *мнимое*, то оно наружное, временное, скоро-преходящее: *мнимое* счастіе есть въ самой вещи несчастіе. Кто роскошествуетъ, строитъ великолѣпные домы, блистаетъ нарядами, устрояетъ богатые столы, выѣздами своими обращаетъ взоры всѣхъ на себя, заставляетъ всѣхъ бояться его, и наружно повергаться предъ нимъ, а внутренно презирать: все сіе почитается, по общенародному мнѣнію, счастіемъ; но ежели при всемъ томъ, таковый счастливецъ не имѣетъ честности въ душѣ, непорочности въ сердцѣ, достоинства въ самомъ себѣ, а потому ни спокойствія въ совѣсти, ни защиты свыше съ неба,— таковое счастіе есть мнимое, наружное, скоропреходящее, и еще съ ужаснымъ паденіемъ.

*

Зачѣмъ же такому завидовать? Онъ болѣе сожалѣнія, нежели зависти достоинъ:

Ты страждешь; но и другіе всѣ, хотя подъ другими видами, тому же причастны. Ты жалуешься, что едва достаетъ тебѣ хлѣба къ насущному пропитанію; однако оный вкушаешь съ сладостію и во здравіи: а тѣ, кои содержаніемъ избыточествуютъ, или отъ ослабленія силъ, или отъ печалей не могутъ вкушать онаго; ты огорчаешься, что одна голая земля есть твое ложе; однако крѣпко и спокойно спишь на ней: а другіе, имѣя великолѣпныя постели, отъ заботъ и разныхъ помышленій не могутъ сомкнуть глазъ своихъ, и на безсонницу жалуются. Ты пѣшешествуя, изнемогаешь и воздыхаешь; но отдохнувъ опять по-малу путь свой безбѣдно продолжаешь: а возносящіеся на колесницахъ — страждутъ отъ боли ногъ, и пышную колесницу стремительные кони опровергнувъ, часто сокрушаютъ и самаго всадника.

Жребій всѣхъ равенъ, хотя и неравнымъ кажется. По видимому, одни предъ другими преимуществуютъ; но въ семъ сходны всѣ, что разнаго рода разныя трудности и печальныя обстоятельства сносить должны. Ты завидуешь другаго блистанію, а онъ твоей тишинѣ: ты его возвышенію, а онъ твоей безопасности: ты его удовольствію, а онъ

твоему здравію. Въ самой же вещи одинъ другому завидовать не долженъ: всѣ свой жребій, всѣ крестъ свой должны нести въ терпѣніи и молчаніи; ибо когда всѣ равно отягощены, то почто тебѣ единому малодушествовать.

Посмотримъ же и на то, можно ли завидовать *истинному* какого-нибудь человѣка *счастію?* Истинное счастіе есть внутреннее, твердое, постоянное, вѣчное. Кто добродѣтеленъ, искрененъ и доброжелателенъ ко всѣмъ, благодѣтеленъ и щедръ, въ дѣлахъ своихъ честенъ и непорочень, домъ содержитъ въ порядкѣ, съ женою живетъ въ любви, дѣтей воспитываетъ въ страхѣ Божіемъ и истинномъ просвѣщеніи, — того Богъ всѣмъ благословляетъ: въ домѣ нѣтъ у него скудости, а изливается всякое изобиліе; отъ добрыхъ людей почитаемъ и любимъ; всѣ къ нему имѣютъ прибѣжище и всѣ его любятъ: таковое счастіе есть истинное и вѣчное; ибо оно и самою смертію не пресѣкается, а только по смерти становится совершеннѣйшимъ, и никакой опасности вовѣки неподверженнымъ.

Такъ возможно ли и такому счастію завидовать? Ежели зависть твоя только состоитъ въ *соревнованіи*, чтобъ захотѣть и тебѣ таковымъ же быть, — такое соревнованіе нельзя порицать: оно похвально,

и не есть зависть. Зависть мучится, и терзается, видя въ другомъ таковое счастіе.

Сія изъ ада исшедшая страсть находитъ иногда для себя утѣшеніе. Но въ чемъ? Въ поврежденіи или въ разрушеніи счастія другаго. Зависть сопровождается клеветою и злословіемъ: сими пагубными средствами удается ей иногда очернить честнаго человѣка доброе имя: она умѣетъ солгать, умѣетъ добрымъ дѣламъ дать худые виды.

Что же при семъ дѣлать надобно человѣку добродѣтельному? Крѣпко въ душѣ себя увѣрить, что счастіе прямое состоитъ въ непорочности сердца и добродѣтели, а не въ наружныхъ какихъ-либо выгодахъ и удовольствіяхъ; ибо все сіе есть одинъ обманъ. Зависть можетъ лишить кого-нибудь невинно наружныхъ, мірскихъ и тѣлесныхъ выгодъ; а сіе въ самомъ себѣ не велико. Но честности, добродѣтели, непорочности, ни зависть, ни врагъ рода человѣческаго лишить добродѣтельнаго человѣка не въ силахъ: а сіе-то и составляетъ истинное человѣческое счастіе, и сія-то есть оная благая часть, которая не отымется никѣмъ и никогда: ибо она въ рукѣ Божіей.

Завистники на что ни взглянутъ;
Подымутъ вѣчно лай:
А ты себѣ своей дорогою ступай:
Полаютъ, да отстанутъ!

(Крыловъ.)

Зависть — родная сестра Ненависти.

Сія страсть чрезвычайно вредна здоровью, ибо завистливые подвергаются сугубому бѣдствію или огорченію, потому что благополучіе другихъ столько же ихъ угнетаетъ, сколько и собственное ихъ злополучіе: слѣдственно безпрестанно они должны быть огорчены.

Философъ *Біонъ* сказалъ объ одномъ завистливомъ человѣкѣ, который былъ печаленъ: „не знаю, ему ли случилось несчастіе, или другому благополучіе.“

Богатство, слава и почести другихъ суть обыкновенная пища нашей зависти.

Надобно стараться дѣлать все лучше тѣхъ, кои дѣлаютъ хорошо: вотъ наилучшее лекарство отъ зависти. Но, къ несчастію, мы всегда унижаемъ все то, что не въ состояніи сами сдѣлать; ибо гораздо легче презирать, нежели превзойти кого или сравняться съ достойнѣйшимъ человѣкомъ.

Фонъ-Визинъ говоритъ: „Дурное расположеніе людей, недостойныхъ почтенія, не должно быть огорчительно. Знай, что зла

никогда не желаютъ тѣмъ, кто имѣетъ право презирать. Люди не одному богатству, не одной знатности завидуютъ: и добродѣтель также имѣетъ своихъ завистниковъ.“

Зависть содѣлываетъ несправедливымъ и жестокимъ; она ведетъ къ ненависти, самой отвратительной, самой черной изъ всѣхъ страстей. Завистливые возвѣщаютъ о нашихъ достоинствахъ своею ненавистью.

Завистливый сохнетъ отъ зависти, а добрый плачетъ отъ радости.

Зависть Ѳемистоклова послужила только къ паденію его самаго и къ бо̀льшей славѣ Аристида.

Примѣръ.

Одинъ поноситель сказалъ, въ присутствіи Христофора *Колумба,* что онъ не видитъ ничего чудеснаго въ открытіи Америки. *Колумбъ* велѣлъ подать себѣ яйцо, и предложилъ новому завистнику своему, чтобъ онъ поставилъ оное яйцо на одномъ изъ двухъ концевъ. Оспаривавшій не зналъ тогда, что̀ ему дѣлать и находился въ великомъ затрудненіи. Но *Колумбъ* разбиваетъ верхъ у яйца и ставитъ его. „О, это совсѣмъ не мудрено,“ сказалъ завистникъ. —

„Не мудрене открытія Новаго Свѣта,“ отвѣчалъ *Коломбъ*.

ЗАКОНЪ ХРИСТІАНСКІЙ.

Моисеемъ данъ законъ; Іисусомъ Христомъ благодать, — не для того, чтобы христіанъ своихъ оставилъ Онъ безъ всякаго закона. Данъ и намъ законъ, но законъ благодатный: Моисеевъ законъ устрашалъ; Христовъ законъ утѣшаетъ. Моисеевъ законъ преступниковъ проклиналъ; Христовъ—грѣшниковъ кающихся прощаетъ и благословляетъ. Моисеевъ законъ основанъ на строгости, Христовъ — на милосердіи. Моисеевъ законъ начертанъ на скрижалѣхъ каменныхъ; Христовъ написанъ на скрижалѣхъ сердца плотяныхъ. Моисеевъ законъ данъ при громахъ и молніяхъ, Христовъ возвѣщенъ при сладостномъ пѣніи Ангельскомъ. И для того законъ Христовъ собственно не нарицается закономъ: ибо законъ прямо означаетъ строгое предписаніе; но нарицается благодатію и Евангеліемъ, то есть радостною вѣстію, возвѣщающею миръ и благословеніе.

Законъ Моисеевъ называется закономъ боязни; ибо нарушителей своихъ онъ проклиналъ и осуждалъ: а Евангеліе называется

закономъ *любви*, ибо изъясняетъ неизреченную любовь небеснаго Отца къ законопреступному роду человѣческому.

Законъ Моисеевъ называется закономъ *рабства*, ибо онъ только повелѣвалъ, а преступниковъ наказывалъ: но Евангеліе называется закономъ *свободы;* ибо вливаетъ вѣрующему въ сердце любовь къ Богу, какъ своему Помиловашелю и Спасителю, и заставляетъ исполнять волю Его не по принужденію и страху, но по одной сыновней любви и горячности. Законъ Моисеевъ называется закономъ *смерти*, ибо преступниковъ подвергалъ страшному гнѣву Божію: но Евангеліе называется закономъ *жизни*, ибо оно и здѣсь душу оживотворяетъ и утверждаетъ несомнительно надеждою безсмертія блаженнаго.

Законъ говоритъ: *око за око, и зубъ за зубъ;* но благодать сказываетъ: *аще кто не имать грѣха, да вержетъ на грѣшника камень.*

Неправеднымъ злодѣямъ и нераскаяннымъ грѣшникамъ самая смерть не есть сладкій сонъ, но паче начало смерти вѣчныя.

ЗАКОНЫ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЕ.

Первые гражданскіе законы произошли изъ Египта. Вотъ три закона, кои приписываютъ Ѳоту:

Первый, чтобъ поле каждаго было его собственностію.

Вторый, чтобъ плоды трудовъ его принадлежали ему.

А третій, чтобъ никто не былъ обиженъ ни кѣмъ.

Люди родятся нагими, а живутъ одѣтыми: также какъ они родятся по закону природы, а живутъ подъ законами гражданскими. Одежда препятствуетъ немного движенію тѣла, но предохраняетъ его отъ воздушныхъ перемѣнъ: законы стѣсняютъ страсти, но защищаютъ честь, жизнь и имущество.

Законъ долженъ быть какъ смерть, которая никого не щадитъ.

Содѣйствіе законовъ необходимо для наблюденія за чистотою народной нравственности. Должно преслѣдовать пороки, гнѣздящіеся въ обществѣ.

Законодатели древнихъ народовъ, смотрѣвшіе на человѣка болѣе со стороны нравственной, нежели политической, видѣли необходимость поддерживать нравы законами. У Спартанъ золото, серебро и всѣ художества, служащія роскоши, были изгнаны. У

Аѳинянъ издержки на уборы женщинъ, на погребеніе умершихъ и проч. были ограничены закономъ; у нихъ же распочинительный гражданинъ былъ объявляемъ безчестнымъ; Архонтъ, уличенный въ пьянствѣ, былъ лишаемъ жизни.

ЗАСЛУГА и ДОСТОИНСТВО.

Въ свѣтѣ награда не гоняется за заслугою; заслуга должна искать награду.

Чѣмъ меньше кто заслужилъ достоинства, тѣмъ болѣе тщеславится имъ.

Награды и отличія рѣдко достаются достойнымъ и заслуженымъ: гордость окружаетъ себя своими тварями, и ихъ только выводитъ. Но ползать неприлично честному человѣку.

Не должно судить о достоинствахъ человѣка по его великимъ качествамъ, но по употребленію, которое онъ умѣлъ изъ нихъ сдѣлать. Въ томъ обществѣ, въ коемъ чаще бываетъ, молодой человѣкъ пріобретаетъ свои хорошія или дурныя качества.

ЗАСТѢНЧИВОСТЬ. — *Чит.*: РОБОСТЬ.

ЗДОРОВЬЕ и ДОЛГОВѢЧНОСТЬ.

Здоровье — благо, коего цѣну познаемъ лишь тогда, когда его теряемъ.

Чтобъ сохранить здоровье, никогда не надобно терять изъ виду правилъ, предписываемыхъ умѣренностью, и надобно помнить: что — болѣзнь и смерть непрестанно подстерегаютъ насъ, дабы воспользоваться нашимъ неразумiемъ.

По опытамъ извѣстны людямъ слѣдствiя потерянаго здоровья; со всѣмъ тѣмъ очень мало такихъ людей, которые бы употребляли нужные способы, чтобъ сохранить оное; они тогда узнаютъ настоящую его цѣну, когда оно ужѐ потеряно, и еще болѣе усматриваютъ тогда, когда оно ужѐ невозвратимо.

Вотъ главнѣйшiя правила для сохранения здоровья: 1, убѣгай всякой чрезмѣрности или излишества; 2, пользуйся здоровымъ воздухомъ; 3, дѣлай много тѣлодвиженiя; 4, ищи невиннаго развлеченiя, веселiя; 5, примѣчай, какая пища для тебя полезна; 6, перемѣняй постепенно вредныя свои привычки; 7, соразмѣряй пищу по своимъ трудамъ и силамъ; 8, убѣгай площадныхъ лекарей, шарлатановъ и употребленiя лекарствъ для предосторожности.

Человѣкъ, наслаждающійся хорошимъ здоровьемъ, дѣйствительно бываетъ веселъ, доволенъ, счастливъ; онъ можетъ легко себя утѣшать, ничто ему не поперечитъ; онъ любезенъ, хорошій другъ, добрый отецъ, благотворителенъ, щедръ. Но, къ несчастію, не многіе знаютъ цѣну здоровья, — а ужѐ тогда познаютъ оную, когда его лишаются.

Жизнь простая и трезвая, умѣренный трудъ, страсти тихія, жилище на здоровомъ мѣстѣ, одежда приличная времени года: вотъ самыя нужнѣйшія условія для сохраненія здравія.

Пресѣченіе страстей даетъ долгоденствіе, а вихри мірскихъ наслажденій быстро подвигаютъ насъ ко гробу.

Жизнь воздержная и упражненіе тѣла, говоритъ *Гиппократъ*, поддерживаютъ здоровье. Посредствомъ сихъ двухъ средствъ можно возстановить или поправить оное, если оно не совсѣмъ разстроено.

Чѣмъ больше вкушаешь удовольствій, тѣмъ меньше находишь въ нихъ пріятности; жажда къ удовольствіямъ увеличивается по мѣрѣ удовлетворенія оныхъ; горести, скука — суть слѣдствія земныхъ наслажденій, и весь свѣтъ, при всѣхъ своихъ забавахъ, почти всегда жалуется на скуку.

Сенека говоритъ, что одна часть жизни нашей обыкновенно проходитъ въ злотвореніи, большая часть въ недѣланіи ничего, а вся жизнь въ дѣланіи того, чего бы не слѣдовало.

Но — если у тебя нѣтъ хорошаго врача-цѣлителя, то я одобряю тебѣ другихъ трехъ: *веселую мысль, тѣлодвиженіе* и *умѣренную пищу*.

Пылкая юность, въ совершенной безпечности о будущемъ, расточаетъ жизнь; — въ среднемъ возрастѣ убиваютъ ее: тщеславіе, алчность, ненависть, зависть и всякая низкая страсть. Многихъ болѣзней причиною сіи безконечныя безпокойства, сіи пустыя заботы, которыя отправляютъ жизнь большой части людей. Мелочныя выгоды занимаютъ ихъ, распри ничтожныя тревожатъ; они суетятся о бездѣлицахъ, и вздоръ опечаливаетъ ихъ. Весьма вѣроятно, что большая половина человѣческаго рода умираетъ отъ грусти.

Утренняя работа, вечернее отдохновеніе, частое тѣлесное движеніе, воздержность, перемѣнная жизнь, то уединенная, то свѣтская, спокойная совѣсть и умѣренность въ желаніяхъ продолжаютъ цвѣтущія лѣта юности, увеселяютъ насъ, укрѣ-

пляютъ разумъ и утверждаютъ согласіе душевныхъ способностей.

Если бы человѣкъ не употреблялъ всего во зло, то обыкновенно достигалъ бы до глубочайшей старости, каковой иногда видимъ примѣры; безъ страстей и невоздержанія, вѣкъ человѣческій былъ бы сто лѣтъ, а должайшая жизнь — полтораста или 160 лѣтъ.

Если *тѣло* не имѣетъ здравія и крѣпости, то благополучіе наше тогда не совершенно, *разумъ* теряетъ свою бодрость, а *душа* свою силу; здравіе, всегда колеблющееся, не позволяетъ ни предаваться наукамъ, ниже быть полезну другимъ и себѣ. Если *разумъ* не просвѣщенъ познаніями, то человѣкъ, униженный до состоянія животнаго, опрекается отъ благороднѣйшаго своего преимущества: онъ лишается сладчайшихъ наслажденій и прочнѣйшихъ пріобрѣтеній. Если *душа* не проникнута чувствомъ своего достоинства, не возведена до степени благороднаго своего предназначенія; если *сердце* не чувствительно къ благородному честолюбію, не великодушно: тогда *физическая сила* и *качества ума* суть пищепныя преимущества, которыя дурно бывъ направлены, часто бываютъ гибельны цѣлому обществу вообще и даже самому тому, кто

оными обладая, только обращаетъ ихъ на злоупотребленія.

ЗЕМЛЕДѢЛІЕ.

Сапрапъ, притѣсняющій пахаря, или невѣжда, презирающій его, походитъ на ребенка, который бьетъ свою кормилицу.

Одинъ Римскій невольникъ, получивъ свободу, купилъ себѣ участокъ земли и, тщательно обрабатывая его, сдѣлалъ оный самымъ плодоноснымъ въ округѣ: но симъ успѣхомъ навлекъ онъ на себя зависть своихъ сосѣдей, кои обвиняли его, что свой участокъ земли сдѣлалъ онъ плодоноснымъ, а земли ихъ безплодными, — посредствомъ колдовства и магіи; его позвали на судъ предъ Римскій народъ, и онъ явился въ назначенный день: (извѣстно, что тогда народъ собирался на открытомъ мѣстѣ) онъ привелъ съ собою дочь, здоровую, трудолюбивую и хорошо-одѣтую крестьянку; представя въ наилучшемъ видѣ всѣ свои сельскія орудія — тяжелыя вилы, хорошо снаряженный плугъ, онъ привелъ большихъ и сытыхъ воловъ своихъ, и, обратясь къ судьямъ, сказалъ: „*вотъ мое колдовство и магія*; онъ ихъ-то земля моя плодоносна. Но я не могу, продолжалъ онъ, представить вамъ въ оправданіе мое безпокойствъ, стараній

и трудовъ, многю переносимыхъ денно и нощно, при обработываніи земли.“ — Голоса народа не раздѣлились, и прилѣжный пахарь единогласно былъ оправданъ всѣми.

ЗЛО, *злоба, жестокосердіе, злодѣяніе, свирѣпость.*

Сенека говоритъ, что одна часть жизни человѣческой обыкновенно проходитъ въ злотвореніи, большая часть въ недѣланіи ничего, а вся жизнь въ дѣланіи того, чего бы не слѣдовало.

Кто сѣетъ обиду, тотъ нерѣдко пожинаетъ мщеніе.

Сія ужасная наклонность, наносящая вредъ другимъ, слишкомъ свойственна человѣку. Она произвела Калигуловъ, Нероновъ, Тиверіевъ, Домиціановъ, Лудовика XI, Филиппа II и множество другихъ чудовищъ, коихъ имена осуждены на вѣчное порицаніе. Кто любитъ мучить животныхъ, тотъ въ послѣдствіи будетъ находитъ удовольствіе въ терзаніи себѣ подобныхъ; Домиціанъ сперва билъ мухъ, потомъ людей.

Зло существуетъ, но не по необходимости. — Въ природѣ самыя вредныя вещи имѣютъ свою пользу и выгодное отношеніе, подобно, какъ нѣкоторые яды входятъ въ составъ лекарствъ. Люди, въ самой глу-

бочайшей древности, чувствуя силу противоборствующую добру, думали, что есть начало добра и начало зла. Геній зла у Грековъ назывался Тифонъ, у Персовъ Ариманъ; а мы, Христіане, должны остерегаться духа злобы, который рыкаетъ какъ левъ, ища кого-либо поглотить. Примемъ наказаніе Неба съ покорностію Іова, и во всѣхъ нашихъ поступкахъ не причинимъ зла никому, чтобы и самимъ не терпѣть его отъ другихъ. — Бойся того, кто тебя боится.

Душа добрая не можетъ быть жестокосерда. Звѣрство отвратительно самой Природѣ, и дѣлаетъ того, въ комъ оно есть, чудовищемъ и явнымъ врагомъ человѣчества.

Всякой жестокосердый человѣкъ, большой или малой, не можетъ ожидать ничего инаго, кромѣ мученій въ сей жизни, или въ будущей, а часто и въ обѣихъ: ибо *во ню же мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ*.

Мы часто причиняемъ себѣ зло, чтобы вредить другимъ; но никогда не дѣлаемъ сего для того, чтобъ сдѣлать имъ добро.

Зло, сдѣланное людьми, живетъ послѣ ихъ смерти: добро часто погребается вмѣстѣ съ ихъ костями. *(Шекспиръ)*.

Зла нравственнаго причиною мы сами.

Зло между нами собственно происходитъ отъ насъ, отъ безпорядка страстей

нашихъ, отъ нашего сладострастія, гордости, зависти. Творецъ невиновенъ. Единственно сей безпорядокъ съ несчастными своими послѣдствіями дѣлаетъ столь бѣдственною жизнь нашу; онъ обращаетъ во вредъ всѣ высокія благодѣянія природы; онъ разрушаетъ всѣ святѣйшіе законы ея; и міръ сей, который по устроенію своему, при всей ограниченности его совершенствъ, могъ быть жилищемъ счастія и удовольствія, превращаетъ въ плачевное позорище бѣдствій.

Въ свѣтѣ больше добра, нежели зла.

Одинъ благоразумный человѣкъ часто говаривалъ своимъ дѣтямъ: „дѣти! когда вы „благополучны, когда съ охотою ѣдите, ко„гда вы здоровы, когда погода хороша, ко„гда птицы поютъ, когда вы увеселяетесь „на поляхъ, взирая на нивы и обоняя за„пахъ цвѣтовъ, то за всѣ таковые дары „благодарите Бога съ радостію. Я старикъ, „но если приведу себѣ на мысль всю мою „жизнь, то усматриваю, что Богъ въ жиз„ни моей посылалъ мнѣ гораздо болѣе радо„стей, нежели несчастій. И вы тоже ска„жете современемъ, любезныя дѣти; на„примѣръ, прошивъ одного дня болѣзни, „сколько здоровыхъ дней? Большую часть

„неудовольствій человѣкъ самъ себѣ причи-
„няетъ своею непорядочною жизнію и по-
„роками. Кто любитъ Бога изъ благодарно-
„сти къ Нему, и почитаетъ его съ пови-
„новеніемъ, для того міръ сей не есть ю-
„доль плачевная. Несчастія въ жизни сей
„или мы заслуживаемъ, и тогда они, яко
„наказанія, служатъ къ исправленію; или
„случаются съ нами безъ вины нашей, и
„тогда они опредѣлены провидѣніемъ пре-
„мудраго Бога и Отца, и въ связи вещей
„для насъ истинно полезны. Напримѣръ, не-
„счастія научаютъ насъ терпѣнію. Что по-
„лезно для одного, то вредно для другихъ;
„напримѣръ: смерть животнаго доставля-
„етъ человѣку содержаніе и пищу. Какъ не-
„возможно, чтобы всегда былъ день или вес-
„на, такъ невозможно, чтобы все соотвѣт-
„ствовало нашимъ желаніямъ.“

Въ жизни сей нѣтъ совершеннаго и постояннаго счастія. Кто хочетъ быть совершенно и безпрерывно счастливъ, тотъ долженъ стараться быть добродѣтельнымъ, т. е. онъ долженъ пріучить себя къ благодарности и умѣренности въ счастіи, и къ терпѣнію въ противныхъ случаяхъ. Постоянное счастіе есть награда благочестивымъ по смерти. Великая благость Божія, что въ свѣтѣ семъ находится болѣе добра нежели зла, и что даже молодыя наши

лѣта сопряжены съ различными пріятностями.

Люди не родятся жестокими; но они ощущаютъ нужду въ своемъ личномъ благоденствіи, и добиваются его иногда посредствомъ чужаго несчастія или ближняго своего. Это есть дѣйствіе истиннаго недоразумѣнія или погрѣшности, которую воспитаніе, нравственность, законоположеніе должны прежде предупредить, чтобъ обуздать оное, укротить, и наказать, если человѣкъ дѣлаетъ зловредные и безчеловѣчные поступки.

Взирая на Отца небеснаго, прощающаго намъ тьму неправдъ и беззаконій, мы не должны быть жестоки, свирѣпы и мстительны къ нашимъ братіямъ (ближнимъ); но должны, сколько можно, быть къ нимъ милостивы, снисходить ихъ прегрѣшеніямъ, и всегда памятовать, что и мы такіе же какъ и они предъ Господомъ грѣшники.

Злодѣй, рано или поздо, получаетъ свою награду:

Небо не можетъ терпѣть злодѣянія безъ отмщенія.

Un méchant, tôt ou tard, reçoit sa récompense:
Le ciel ne peut souffrir un crime sans vengeance.

Должно желать лѣности злодѣя, и молчанія дурака.

Кажется, не льзя бы повѣрить, чтобъ злость человѣческая столь сильна была, чтобъ и самое *употребленіе тварей* превратить могла во *зло*. Но бываетъ въ самомъ дѣлѣ такъ. Язычество, напримѣръ, вмѣсто того, чтобъ, смотря на солнце, луну и прочія небесныя свѣтила, доходить до Бога, обоготворяло ихъ самихъ и имъ самимъ покланялось. Всѣ Господни дѣла не своимъ путемъ пошли. Злодѣи употребляютъ воздухъ, чтобъ удушить; огонь—чтобъ сожечь; воду, чтобъ утопить; желѣзо, чтобъ убить человѣка неповиннаго. Благословенныя земли произращенія сдѣлались случаемъ обжирства и пьянства, красота пѣла поводомъ къ безчестной похоти, золото возбужденіемъ къ лихоимству и сребролюбію, почести и чины къ гордости, разумъ къ изобрѣтенію хитростей, и даже науки бываютъ матеріею вѣчныхъ споровъ, и слѣдовательно помраченія истины. Нѣтъ поистиннѣ столь доброй вещи, которая бы—чрезъ необузданное человѣческое своевольство—не употреблена была во зло.

Ни отъ чего такъ рано не старѣются люди, какъ отъ злаго нрава.

Наказаніе ходитъ по пятамъ за преступленіемъ.

Примѣръ.

Три путешественника нашли на дорогѣ богатый кладъ; они условились раздѣлить его поровну между собою. Одинъ изъ нихъ пошелъ въ ближній городъ за съѣстными припасами, и вздумалъ отравить ядомъ товарищей своихъ, чтобы потомъ одному воспользоваться всѣмъ кладомъ: онъ и приправилъ во всѣ купленные имъ припасы крѣпкаго яду. Между тѣмъ двое другихъ уговорились убить его и чрезъ то воспользоваться его частію. Онъ пришелъ, и они произвели въ дѣйство свое злодѣйское намѣреніе; сами же наѣлись пищи, имъ принесенной, и вскорѣ сами умерли, — и такъ кладъ не достался ни одному изъ нихъ!

ЗЛОПАМЯТНОСТЬ. — *Чит.:* МЩЕНІЕ.

ЗЛОСЛОВІЕ, *злорѣчіе, пересудливость.*

Злорѣчіе — любимый разговоръ тѣхъ, кои замѣчаютъ соломинку въ глазу ближняго, не видя бревна въ своемъ собственномъ.

Злословіе есть слабоуміе, подлость и низкость, или чернота сердца: оно всегда происходитъ отъ ревности, отъ зависти, отъ скупости или отъ другой какой страсти; оно есть знакъ невѣжества и злобы.

Злословить безъ намѣренія, есть глупость; злословить съ размышленіемъ — есть мерзость злодѣянія. Пусть изберетъ злорѣчивый любое изъ двухъ названій: *безразсудный или злой.*

Когда четыремъ мудрецамъ древности, жившимъ въ разныя эпохи, говорили, что люди толкуютъ о нихъ дурно, то — *Платонъ* отвѣчалъ: „я буду вести себя такимъ образомъ, чтобъ имъ не повѣрили.“

Аристотель сказалъ: „пускай подчуютъ меня хоть палочными ударами, только чтобъ я не былъ при этомъ.“

Эпиктетъ говорилъ: „они не знаютъ моихъ другихъ пороковъ, а то бы не удовольствовались этими.“

Титъ сказалъ: „если люди обо мнѣ говорятъ дурно изъ легкомыслія, я равнодушенъ къ этому; если изъ злобы, я сожалѣю объ нихъ; если они правы, я благодаренъ; если жъ виновны — я прощаю.“

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНІЕ.

Всѣ говорятъ, что должно исправлять всякаго рода злоупотребленія, а особливо, когда они становятся очень гласными и несносными. Люди мечтаютъ учредить постановленіе совершенное; но — совершенства нѣтъ на земли: искать его надобно

въ превыспреннихъ небесахъ, гдѣ нѣтъ ни спрастей, ни честолюбія, ни погрѣшностей, ни гордости, и проч. Такова участь дѣлъ человѣческихъ и всего того, что ни есть на земли. Здѣсь не мѣсто для совершенства, такъ, что доколѣ зло не свыше мѣры, то лучше оставить его, нежели на мѣсто его ввести другое зло.

ЗНАМЕНИТОСТЬ.

Ничего нѣтъ труднѣе въ свѣтѣ, какъ сдѣлать себѣ великое имя: жизнь оканчивается, когда едва оболванить можно свою работу. Мы должны трудиться, дабы содѣлаться достойнѣйшими какой-нибудь должности; прочія усилія и средства до насъ не касаются: это уже дѣло другихъ.

ЗНАНІЯ, *свѣдѣнія*.

Что понятіе наше ограниченно и недостаточно, сіе безъ доказательства всякъ изъ опыта ежедневнаго вѣдаетъ. Сколь высоко о себѣ человѣкъ ни мечтаетъ, но со всемъ тѣмъ онъ есть земля и пепелъ. Сколь онъ о просвѣщеніи своемъ ни думаетъ, со всемъ тѣмъ оно есть наималѣйшее. Общее прямо-просвѣщенныхъ людей мнѣніе то, что человѣкъ чѣмъ больше узнаетъ, тѣмъ болѣе

откpывается ему, сколь онъ мало знаетъ: и это есть несомнительная примѣта истиннаго просвѣщенія, когда человѣкъ со смиреніемъ признаетъ недостатокъ свой, и что либо о вещахъ, особливо отъ чувствъ удаленныхъ, дерзновенно утверждать или отрицать не смѣетъ. Такъ какъ напротивъ, несомнѣнный признакъ дерзновенной глупости утверждать о всемъ смѣло, или отрицать, и думать, что все понятію его вмѣстительно. Открыто предъ нами зрѣлище Создателевыхъ премудрыхъ дѣлъ; закроемъ ли мы предъ нимъ очи свои? не паче ли въ нѣкоторомъ восторгѣ возопіемъ: *яко возвеличишася дѣла Твоя, Господи,* полны суть небо и *земля* славы *Твоея?* Знанія отверзаютъ намъ дверь въ сей священный храмъ. При руководствѣ ихъ, узнаемъ мы начало вещей, порядокъ, союзъ, дѣйствія, конецъ и пользу. Снискиваемъ понятіе о составѣ міра, о стихіяхъ, о теченіяхъ свѣтилъ небесныхъ, о явленіяхъ воздушныхъ, о свойствахъ тѣлъ, о животныхъ, и о разныхъ земныхъ произрастеніяхъ и ихъ видахъ, наипаче же самихъ себѣ, о добродѣтели и порокѣ и о ихъ добрыхъ и худыхъ слѣдствіяхъ.

Изъ чего видно, что всѣхъ знаній самый лучшій плодъ и нужный конецъ есть нравовъ честность и добродѣтель. Безъ сего всѣ науки суетны и труды безполезны.

Ежели кто къ ученію прилѣженъ, а нерадитъ о добродѣтели, тотъ нечувствительно самъ спарается, какъ бы потерять снисканное ученіе: и потому двояко бѣденъ онъ: *первое* — что добродѣтели лишенъ, *второе* — что трудится всуе.

Невѣжество есть источникъ многихъ безпорядковъ, суевѣрій и развращеній. Тоже самое случается и съ тѣми, которые и учатся, но не тому, чему бъ надлежало, или и тому, но не такъ употребляютъ оное.

Высокія знанія могутъ быть причиною пустой пышности, а непорочная совѣсть полезна для всѣхъ.

Познаніе самаго себя есть наука самая нужнѣйшая въ жизни человѣческой. Гораздо лучше знать свои пороки, нежели проницать всѣ тайны Природы или Политики. Сія наука тѣмъ болѣе важна, что она не токмо самая нужнѣйшая, но и необыкновенная изъ всѣхъ. Надобно въ познаніяхъ предпочитать полезное блистательному.

Россійской Князь Григ. Александровичъ *Потемкинъ*, изображеніе коего начерталъ намъ одинъ Посланникъ (Штакельбергъ), въ близкихъ сношеніяхъ съ нимъ бывшій, пріобрѣлъ познанія необыкновенныя, хотя ничего изъ книгъ не выучивалъ: онъ бесѣдовалъ съ искуснѣйшими людьми во всѣхъ

ремеслахъ, наукахъ и художествахъ; и никто не могъ лучше его присвоять себѣ познанія другихъ и обогащать себя оными. Онъ удивилъ бы въ разговорахъ своихъ Литератора, художника, ремесленника, Богослова. Ученость его была не глубокомысленная, ибо родъ жизни, который онъ велъ, не позволялъ ему что-нибудь подробно изслѣдывать, — но оная была очень обширна и разнообразна.

ИГРА КАРТЕЖНАЯ.

Одинъ любопытный объѣхалъ весь свѣтъ, замѣчая разные поступки всѣхъ людей. По возвращеніи своемъ въ отечество, друзья его спрашивали, что онъ видѣлъ примѣчательнаго въ своемъ путешествіи? „Вездѣ видѣлъ людей, отвѣчалъ онъ, то есть дураковъ, кои почитаютъ себя мудрецами; но я нашелъ, за 1100 верстъ отъ отечества *Гюроновъ*, людей страннѣе всѣхъ другихъ родовъ: сіи люди собираются вмѣстѣ, чтобы сѣсть одинъ противъ другаго, и сидятъ цѣлые дни и даже цѣлыя ночи, не трогаясь съ мѣста; тамъ они занимаются, отгадайте чѣмъ? Они забываютъ и пить и ѣсть, дѣлаются нѣмыми и глухими, даже не слышатъ самыхъ большихъ громовыхъ ударовъ. Изъ устъ ихъ вырываются иногда слова,

которыя не составляютъ никакого смысла; они изъясняются кривляніями, разными коверканьями и поворачиваніемъ глазъ: — страхъ, надежда, безпокойство, злобная радость, гнѣвъ, ярость, отчаяніе безпрестанно изображаются на ихъ лицахъ; по ихъ скорби можно ихъ почесть за преступниковъ; по ихъ важности — за адскихъ судей; по ихъ бѣшенству за Фурій; но что еще странѣе: что множество зрителей садятся около нихъ и смотрятъ на нихъ.“ — Но какой же предметъ сихъ людей? спросили его друзья: какія мысли занимаютъ ихъ? философическій ли камень или квадратура круга? .... „Нѣтъ, другое!“ .... Не сходбище ли это несчастныхъ, сумасшедшихъ, или бѣснующихся? .... — „Совсѣмъ нѣтъ!“ .... — Что же они дѣлаютъ?—„Играютъ въ карты.“

Игра картежная — силки для ловли дураковъ.

ИГРЫ АЗАРДНЫЯ.

Нѣтъ ничего гибельнѣе, какъ страсть къ азарднымъ играмъ. Игрокъ, вмѣсто ожидаемаго богатства, часто находитъ бѣдность, и ужасное отчаяніе бываетъ праведною казнію его безразсуднаго бѣшенства.

Предметъ азардной игры состоитъ въ разореніи ближняго или самаго себя. Обы-

кновенно же за картами проигрываютъ и деньги и время.

Когда благоразумный человѣкъ принужденъ бываетъ играть, — то потеря и выигрышъ для него одинаковы. Онъ внимателенъ къ игрѣ, но не пристрастенъ; онъ играетъ равнодушно и не на большую сумму; — онъ игрокъ добрый и благородной; всегда веселый и даже при проигрышѣ, онъ не скажетъ грубости, ни язвительной насмѣшки; онъ не упоренъ въ защищеніи своихъ правъ, и любитъ лучше уступить своему сопернику, нежели сдѣлать ошибку, утверждая свою справедливость; онъ даже великодушенъ не изъ тщеславія, но по благородному качеству души.

Хотя сіи игры вообще болѣе въ употребленіи, потому что онѣ очень возбуждаютъ жадность; но послѣдствіе ихъ гибельно какъ для благосостоянія домашняго, такъ и для здоровья. Никто истинно-чувствительный не можетъ видѣть безъ содроганія разительную картину азардныхъ игроковъ, сидящихъ согнувшись за банкомъ, ожидающихъ съ нетерпѣніемъ своего жребія отъ одной карты; — одни подбираютъ, смѣючись, кучи золота; въ самое жъ это время другіе рвутъ на себѣ волосы, терзаютъ грудь свою, лишась послѣдней своей надежды. Сколько Беверлеевъ, блѣдныхъ, измож-

денныхъ, растрепанныхъ, съ разбитою грудью отъ бѣшенства, выходятъ въ полночь изъ сихъ вертеповъ адскихъ, гдѣ слѣпой случай лишилъ ихъ послѣдняго изворота, хлѣба для пропитанія ихъ дѣтей, даже рубищъ женъ ихъ, ожидавшихъ въ нищетѣ и отчаяніи! Они приходятъ въ домъ къ себѣ, и воззрѣніе на сихъ несчастныхъ, справедливое угрызеніе ихъ совѣсти — увеличиваютъ ихъ бѣшенство; даже часто такая ужасная сцена, происшедшая отъ несчастной страсти, оканчивалась самоубійствомъ! — Чтобъ быть записнымъ игрокомъ, надобно избирать одно изъ двухъ: или быть обманутымъ или — самому быть бездѣльникомъ. — Пусть подумаютъ относительно здоровья записнаго картежника о всѣхъ безпорядкахъ, происшедшихъ отъ рода его жизни. Коль скоро банкъ открытъ, карты спасованы, игрокъ нашъ въ восхищеніи: на лицѣ его страхъ, надежда перемѣняются съ жадностію, съ досадою и бѣшенствомъ. Пощупайте пульсъ его, вы найдете его быстрымъ, неровнымъ, какъ лихорадочный. Можно ли въ такомъ положеніи пить, ѣсть и спать хорошо? Такимъ образомъ игроки проводятъ ночи безъ сна, а днемъ не достаетъ имъ времени къ удовлетворенію крайнихъ нуждъ жизни, то есть — сна, покоя и пищи; желудокъ становится слабъ; внутрен-

ность во время продолжительнаго сидѣнія за картами, дѣлается лѣнивою; недостатокъ тѣлодвиженія приводитъ всѣ органы въ слабость; большая часть игроковъ имѣютъ цвѣтъ лица блѣдный; сверхъ того, игрокъ часто имѣетъ случай ссориться или спорить, а иногда доходитъ и до драки, потому что записной игрокъ рѣдко безъ плутовства играетъ; также не безъизвѣстно, что процессы или тяжбы и игры суть источники важныхъ болѣзней, происходящихъ отъ хлопотъ, заботъ, огорченій и бурныхъ страстей. И еще, къ несчастію, искуству врачебному не удается въ пользованіи сихъ болѣзней, потому что невозможно избавить отъ моральныхъ огорченій, которыя угнетаютъ разореннаго человѣка, запутаннаго въ долгахъ, преслѣдуемаго жестокими заимодавцами въ такихъ обстоятельствахъ. Несчастный, тронутый до глубины сердца, находитъ въ своемъ семействѣ однѣ укоризны, досаду, грусть, печаль, скорбь. Нравоучительные разговоры, безъ сомнѣнія, очень полезны; но отъ нихъ не бываетъ легче, и книга: *Разсужденіе о пренебреженіи богатства*, можетъ утѣшить только такого Сенеку, который имѣетъ денегъ нѣсколько милліоновъ.

Нѣтъ другаго способа, излѣчить несчастную страсть къ игрѣ, какъ только про-

вождать время въ другихъ полезныхъ, пріятныхъ или нужныхъ упражненіяхъ, которыя бы заняли все время. Игра же дѣйствительно раждается отъ праздности; она выдумана прежде — чтобъ убить скуку.

Ни какая страсть не можетъ увлечь столь далеко; ни что не можетъ ввергнуть въ столь жестокое несчастіе молодаго человѣка, супруга и цѣлое семейство; ни что не можетъ запутать человѣка въ такой рядъ преступленій и пороковъ, какъ гнусная страсть къ азардной игрѣ! Она возбуждаетъ и питаетъ всѣ неблагородныя чувства: корыстолюбіе, зависть, ненависть, гнѣвъ, зложелательство, ложь и надежду на слѣпое счастіе; она можетъ довести до обмана, ссоры, смертоубійства, подлости, отчаянія, и убиваетъ золотое время. Богатый безразсуденъ, когда отваживается расточать деньги свои на столь неизвѣстные расчеты; а кто не имѣетъ лишняго, не долженъ играть совсѣмъ; не долженъ надѣяться на перемѣну счастія: въ противномъ случаѣ долженъ ожидать того, что онъ въ послѣдствіи изъ бѣднаго содѣлается нищимъ. Впрочемъ безразсудность первыхъ еще гораздо болѣе, нежели послѣднихъ. Рѣдко игрокъ умираетъ богатымъ человѣкомъ. И такъ кто симъ гнуснымъ средствомъ пріобрелъ

имѣніе ; и послѣ отъ игры не отстаетъ , тотъ поступаетъ еще неблагоразумнѣе.

Остерегайся входить въ игру особенно съ такими людьми, для коихъ она составляетъ ремесло, если дорожишь своими деньгами. Ни въ чемъ никому изъ нихъ не вѣрь. Кто посвящаетъ себя сей презрительной жизни, тотъ пусть не огорчается, когда ему приписываютъ духъ той партіи, къ которой онъ принадлежитъ.

Избѣгай всѣхъ, особливо азардныхъ игръ. Играть на низкую цѣну крайне скучно, а отваживать большія деньги — безразсудно. Благоразумный человѣкъ презираетъ всякое занятіе, въ которомъ умъ и сердце его принуждены дремать. Въ игрѣ успѣхъ бываетъ только дѣломъ удачи ; а кто бы захотѣлъ зависѣть отъ удачи?

Когда игра въ карты перестаетъ быть честнымъ увеселеніемъ между пріятелями, то дѣлается подлою алчностью и тайнымъ умышленіемъ на собственность другаго , гнуснымъ грабительствомъ и воровствомъ.

Только порочная душа можетъ предаться игрѣ, совершенно пагубной, какъ по причинѣ времени , которое бѣдственно расточается, такъ и по причинѣ разорительныхъ суммъ, которыя здѣсь на рискъ пускаются, и злоумышленія каждаго игрока противъ

другаго, такъ, что ежели бы кто пускался въ игроки — не бывъ еще бездѣльникомъ, то скоро онымъ будетъ отъ одной привычки играть. Но не должно совсѣмъ запрещать игру, которая, пока ограничена и въ суммѣ и во времени, бываетъ пріятною забавою между пріятелями, отдохновеніемъ отъ трудовъ и даже пріятнымъ препровожденіемъ времени; ибо лучше играть въ карты, нежели пересуживать и злословить людей. Но большія игры не могутъ быть честною забавою: тутъ уже дѣло интересное, ухищреніе бездѣльническое — отнять у другаго то, что можетъ быть составляетъ пропитаніе его и цѣлаго семейства: и это въ мірѣ терпится и сдѣлалось упражненіемъ обыкновеннымъ!

Такъ карты истребляютъ въ человѣкѣ послѣднія чувства честности и благонравія. Для игрока все погибло. Самые пріятнѣйшіе и прелестнѣйшіе предметы не имѣютъ для него никакой привлекательности; дружба и любовь дѣлаются чужды сердцу его: любезнѣйшая супруга, бывшая единственнымъ предметомъ его нѣжности, становится ему въ тягость; онъ забываетъ жену, дѣтей, домъ, дѣла свои, и не знаетъ другихъ чувствъ, кромѣ тѣхъ, которыя производятъ въ немъ попеременно выигрышъ и проигрышъ.

Такой человѣкъ, вовсе неимѣющій страха Божія, попирающій всѣ законы Божескіе и человѣческіе, презирающій честь и доброе имя, поминутно преступающій противу всѣхъ окружающихъ его: такой человѣкъ на что̀ не отважится, когда представится ему корысть, которой давно жертвуетъ онъ всѣмъ собою? Обнищалый, обремененный долгами, преслѣдуемый заимодавцами, потерявъ честь и совѣсть, чего онъ не сдѣлаетъ, если польститъ ему корысть!

ИЗВИНЕНІЕ.

Нѣкоторый Американецъ, упустивши случай придти къ *Франклину*, коему онъ далъ слово, хотѣлъ употребить все свое краснорѣчіе, чтобъ извиниться: *не трудись такъ̀ много*, сказалъ ему *Франклинъ̀*: *кто способенъ̀ лишь извиняться, тотъ̀ ни къ̀ чему иному не способенъ̀*.

ИЗЛИШЕСТВО, *избытокъ̀*.

Діогенъ̀, всегда нашивалъ съ собою деревянный стаканъ, которымъ онъ черпывалъ воду изъ колодцевъ, рѣкъ, ручейковъ. Но — увидѣвъ однажды, что крестьянскій мальчикъ, подошедъ къ пруду, почерпнулъ изъ него въ горсть воды и такимъ обра-

зомъ напился, онъ съ досадой бросилъ свой стаканъ, сказавъ: *„Ты мнѣ болѣе не нуженъ; я научился пить изъ рукъ!“*

Излишество — преимущество, которое бездѣльникъ можетъ имѣть надъ честнымъ человѣкомъ; свободный пропускъ невѣжеству и пороку.

И З М Ѣ Н А.

Измѣнники и малодушные, не взирая на услуги, оказываемыя врагамъ, пріобрѣтаютъ одно только презрѣніе. *Виргилій* помѣщаетъ въ тартаръ несчастныхъ, продавшихъ за золото отечество свое; для нихъ-то Фуріи изобрѣтаютъ каждый день новыя наказанія. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ способствовать врагу нашего отечества къ его опустошенію, какъ предавать мечу убійцы, не говорю, нашихъ сотечественниковъ, но тѣхъ, отъ коихъ получили бытіе, или тѣхъ, съ коими мы сопряжены священнѣйшими узами!.... Да покроются вѣчнымъ посрамленіемъ измѣнники!.... Да поразитъ ихъ мстительное оружіе въ минуту, когда готовятся совершить свое преступленіе! — Пусть ненавистныя имена ихъ, переходя изъ вѣка въ вѣкъ, дойдутъ до отдаленнѣйшаго потомства, покрытыя безчестіемъ и поношеніемъ!....

ИЗОБРАЖЕНІЕ ИСТИННАГО ХРИСТІАНИНА. — *Чит.:* ХРИСТІАНИНЪ *истинный.*

ИЗОБРАЖЕНІЕ МУДРАГО, ЧЕСТНАГО и ДОБРОДѢТЕЛЬНАГО ЧЕЛОВѢКА. — *Чит.:* МУДРОСТЬ.

ИЗОБРАЖЕНІЕ НЕВѢЖДЫ или ХУДОВОСПИТАННАГО ЧЕЛОВѢКА. — *Чит.:* НЕВѢЖДА.

ИЗРѢЧЕНІЯ ДОСТОПАМЯТНЫЯ.

Когда Императоръ Александръ I-й прибылъ въ Москву для коронаціи, одинъ изъ приближенныхъ къ Нему, видя повсемѣстный восторгъ и слыша повсюду радостныя восклицанія, сказалъ: Государь! Вы счастливы: Вы любимы народомъ. — Но Александръ отвѣчалъ: *Я тогда буду счастливъ, когда и черезъ пятьнадцать лѣтъ то же увижу.*

Императоръ Александръ I, будучи въ Парижѣ, сказалъ тѣмъ жителямъ сей столицы, кои обнаруживали сожалѣніе, что такъ долго они страдали подъ игомъ деспотизма Наполеона: „*Я пришелъ бы сюда ранѣе: обви-*

няйте въ моей медленности храбрость Французовъ.“

Наградивъ Генерала Милорадовича за сраженіе при Кремсѣ (1805) чиномъ Генералъ-Лейтенанта, Императоръ Александръ, предъ лицемъ войска, сказалъ о немъ: *Вотъ Генералъ, который досталъ чинъ штыкомъ.*

Александръ I, проѣзжая однажды мимо высокаго столпа на Вандомской площади, въ Парижѣ, и взглянувъ на колоссальную статую *Бонапарте*, на ономъ стоявшую, сказалъ: *Если бы Я стоялъ такъ высоко, то боялся бы, чтобы у Меня не закружилась голова.*

Жители Парижа хотѣли снять надпись съ Аустерлицскаго моста: но Государь Александръ I-й запретилъ сіе, и только велѣлъ прибавить къ надписи: Россійскій Императоръ съ арміею своею прошелъ по сему мосту въ 1814 году.

Манифестъ 6 Іюля 1812 года, воззвавшій весь народъ на брань за отечество, испол-

пенъ силы и постояннаго упованія Императора Александра I, которое возлагалъ Онъ на промыслъ Божій. Слова сего манифеста способны были заставить каждаго мирнаго гражданина покинуть домъ свой и ополчиться противъ непріятеля. *Да найдетъ онъ* (непріятель) *на каждомъ шагъ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина.*

ИСКРЕННОСТЬ, *сердечность, радушіе.*
Чит.: **ПРОСТОДУШІЕ.**

ИСКУШЕНІЕ, *соблазнъ.*

Все въ мірѣ семъ подвержено перемѣнамъ. Солнце блистаетъ, и мракомъ помрачается; земля и древа покрываются пріятною зеленью, и потомъ обнажаются и какъ бы умираютъ; огонь и вода бываютъ спокойны, но въ другое время возмущаются и свирѣпствуютъ; великолѣпные города красотою своею приводятъ всѣхъ въ удивленіе, но потомъ разрушаются и падаютъ; словомъ — ничто подъ солнцемъ въ одномъ видѣ навсегда не остается, но разнымъ пре-

вращеніямъ и перемѣнамъ подвержено, какъ это всегдашній опытъ доказываетъ всѣмъ.

Если же въ порядкѣ природы, коимъ управляетъ премудрый Творецъ, таковыя перемѣны и превращенія случаются: то уже чего надѣяться въ томъ теченіи дѣлъ, коимъ управляетъ наше благое произволеніе?

Мы не такъ еще въ жизни сей утверждены, чтобъ не могли всякой часъ подпасть *искушеніямъ* и потерять плодъ, собранный многими лѣтами. Есть много и развратныхъ людей, худыхъ содружествъ и бесѣдъ, съ истиннаго пути насъ свести стремящихся.

Искуситель можетъ имѣть доступъ къ одной гордости, къ страстямъ, къ самолюбію и къ желанію превозноситься. Всякое истинное смиреніе, кротость, недовѣрчивость къ самому себѣ, и происпекающее отъ того сердечное прибѣжище къ Богу, безъ всякаго суетнаго любопытства: вотъ что непремѣнно освобождаетъ насъ отъ всѣхъ стрѣлъ врага, и удаляетъ ихъ отъ насъ на великое разстояніе.

ИСПОРЧЕННОСТЬ, *повреждение нравовъ.*

Сколь мало людей, кои могутъ съ увѣренностію сказать, что они предохранили себя отъ испорченности! — Совѣсть мно-

гихъ походитъ на нѣкоторые извѣстные повары, которыхъ цѣна возвышается, или понижается по числу покупателей. Знатность производитъ на него немалое вліяніе. Простой гражданинъ становится ниже отличеннаго почестями. Онъ идетъ пѣшкомъ, ... между тѣмъ какъ для другихъ необходимо нужны лошади, экипажи, лакеи и особливо поваръ. Всѣмъ извѣстно, что наши времена не суть времена Куріевъ и Фабриціевъ, тѣхъ бѣдныхъ людей, кои питались почти одною рѣпою и съ презрѣніемъ отвергали золото, приносимое къ стопамъ ихъ.

Самая употребительная у языческихъ писателей матерія есть охужденіе человѣческихъ нравовъ. Они въ своихъ сочиненіяхъ то и дѣлаютъ, что осмѣиваютъ человѣческіе поступки, обличаютъ непристойныя склонности, оплакиваютъ человѣческую бѣдность, вопіютъ противъ наглостей и неправдъ людскихъ, негодуютъ на непостоянство сего міра. Иные изъ нихъ сказываютъ, что правда и миръ, которыя прежде царствовали на земли, потомъ отъ несносныхъ беззаконій переселены на небо. Другой пишетъ, что уже миновалъ златой вѣкъ, а наступилъ желѣзный, въ который изгнанная правда уступила мѣсто неправдѣ и своевольству. Не стало у *Демокрита* си-

лы смѣяшься суетѣ человѣческой, а у *Гераклита* слезъ — къ оплакиванію бѣдности человѣческаго рода. Сколько ни старалась Философія исправить сіе поврежденіе, но не могла: ибо не только рачители ея ни мало не были своими дѣлами лучше другихъ, но и сама она непристойнѣйшими мнѣніями была наполнена.

Но въ бо́льшее придемъ удивленіе, или паче ужаснемся, когда посмотримъ на перемѣну нравовъ нашихъ. Юность свирѣпствуетъ сладострастіемъ, мужество честолюбіемъ, старость корыстолюбіемъ: въ низкомъ состояніи люди малодушны, въ среднемъ недовольны, въ высокомъ непомѣрны, въ скудости ропщемъ, въ богатствѣ суетимся, въ почестяхъ надмеваемся, вездѣ себя безпокоимъ. Невѣжда суевѣрствуетъ, полуученый все знаетъ, просвѣщенный о всемъ сомнѣвается. Теперь кротокъ и тихъ, чрезъ часъ пылаешь гнѣвомъ, и небо съ землею мѣшаешь; теперь обходителенъ, и пріятенъ и другъ: завтра холоденъ, и неприступенъ и врагъ; нынѣ набоженъ и благочестивъ; послѣ, сбросивъ съ себя узду страха Божія, бѣгаешь по стремнинамъ всякихъ своевольствъ.

Нравы испорчены: какъ же имъ и не быть такими, когда вѣра въ столь маломъ уваженіи? Иные дерзостно презира-

ютъ оную, священнѣйшіе догматы почи-
шаютъ вымыслами, или развратныя мнѣнія
къ оной примѣшиваютъ.

Нравы испортились: какъ же имъ быть
лучшими, когда служители Церкви, сіи
блюстители священнаго залога вѣры, не
только не въ уваженіи, но едва ли не въ
пренебреженіи и презрѣніи? Можетъ быть,
у нѣкоторыхъ едва ли есть человѣкъ уни-
женнѣе, какъ совершитель божественныхъ
Таинъ. Смѣхотворецъ на игрищѣ или зрѣли-
щѣ большаго почтенія удостоивается отъ
нѣкоторыхъ.

Какъ быть добрымъ нравамъ, когда до-
бродѣтель презрѣна, а чрезъ то и самые до-
брые люди искушаются, чтобъ ей не столь
высокую ставить цѣну.

И потому обще всѣ мы должны молить
Господа Вседержителя, да подастъ намъ си-
лу и крѣпость творить волю Его; да все-
литъ въ сердце наше страхъ свой святый,
и да научитъ насъ страшиться судебъ Его.

ИСПРАВНОСТЬ.

Будьте всегда исправны, дѣятельны и
усердны по должности вашей. Храните свои
бумаги, ключи и все прочее такъ, чтобы и
въ темнотѣ каждую вещь могли вы отыс-
кать безъ запрудненія. Но еще порядочнѣе

располагайте чужими вещами! Взятыхъ вами у кого-либо книгъ или инаго чего-нибудь не передавайте другимъ людямъ; а если васъ кто-либо ссудилъ ими, то въ надлежащее время возвратите, никогда не ожидая присылки за оными. Всякой охотно обращается и входитъ въ дѣла съ такимъ человѣкомъ, на точность коего въ словахъ и поступкахъ можно полагаться. Тамъ, гдѣ вы быть должны, являйтесь въ опредѣленное и надлежащее время.

Едва ли есть правило столь общее, столь священное и столь надежное къ достиженію всегдашняго уваженія и дружества, какъ нерушимое исполненіе даннаго слова, даже въ самыхъ маловажныхъ дѣлахъ, вѣрность обѣщаній и всегдашняя справедливость во всѣхъ рѣчахъ.

Человѣкъ, извѣстный точностію исполненія своихъ обѣщаній и прямодушіемъ, снискиваетъ вездѣ довѣренность, хорошее о себѣ мнѣніе и уваженіе.

ИСТИНА, *справедливость, праводушіе.*

Есть истины непріятныя, которыя надобно умѣть слушать, дабы знать, что̀ объ насъ думаютъ друзья наши, что̀ говоритъ свѣтъ. Пусть они говорятъ истину чистосердечно и говорятъ намъ самимъ! —

Къ сожалѣнію, мы ищемъ — все портить въ мірѣ, и отъ чего? Отъ того, что никто не говоритъ истины другимъ, потому что она ни кому не нравится. Осмѣлься кто-нибудь объяснить свои мысли на нашъ щетъ: мы его находимъ дурнымъ, и отнимаемъ у себя случай — сдѣлать благодѣтельное надъ собою наблюденіе. Что же остается дѣлать другимъ въ отношеніи къ намъ? Говорить только то, что нравится намъ, и чрезъ то болѣе и болѣе умножать нашу испорченность. И такъ, если не такія предосторожности нужны для оказанія намъ доброй услуги, то мы должны опасаться, чтобы не оставляли насъ навсегда въ любимыхъ нашихъ заблужденіяхъ. Изъ сего происходитъ, что люди взаимно другъ другу льстятъ и обманываютъ; ибо увѣрены, что истина непріятна, и усилія друзей истины бываютъ безполезны, а пріятно одно только угожденіе.

Примѣры.

Сюлли, великій Полководецъ и искусный Министръ, сохраняя всегда одинакую справедливость и свободу, разодралъ нѣкогда письменное обѣщаніе, данное *Генрихомъ IV* дѣвицѣ д'Антрагъ, на которой сей Государь хотѣлъ жениться. — Не съ ума ли ты сошелъ? сказалъ ему Король. — „*Правда, Государь! я безуменъ; но счастлива была бы Франція, ежели бы всѣ были таковы.*“

Аттилій *Регулъ*, Римскій Консулъ, былъ взятъ въ плѣнъ Карѳагенянами; но они вскорѣ отправили его въ Римъ, съ тѣмъ, чтобы онъ склонилъ своихъ сограждан къ миру и размѣну плѣнныхъ; прежде же его отъѣзда, взяли съ него честное слово, что — въ случаѣ несогласія ихъ — онъ возвратится въ Карѳагенъ, гдѣ ужасная казнь будетъ ожидать его. Сей великій человѣкъ представляетъ Сенату причину его пріѣзда въ Римъ; Сенатъ требуетъ его мнѣнія, и онъ отвѣчаетъ, что не можетъ ничего сказать, ни какъ Сенаторъ, ни какъ гражданинъ, лишившись сихъ двухъ качествъ; но скажетъ свои мысли какъ частный человѣкъ: онъ убѣждаетъ Сенаторовъ, чтобъ продолжали войну и чтобъ не дѣлали размѣна плѣнныхъ; что онъ въ такихъ уже лѣтахъ, въ коихъ потеря его не столь важна, а притомъ Римляне имѣютъ въ плѣну молодыхъ Карѳагенскихъ Генераловъ, способныхъ оказать великія услуги своему отечеству. Просьбы друзей и слезы семейства не поколебали твердой Регуловой души и не принудили его нарушить данное слово; съ большимъ прискорбіемъ Сенатъ согласился съ его мнѣніемъ. Знаменитый Регулъ пренебрегъ собственную свою пользу: рѣшился сдержать свое слово непріятелямъ, и поѣхалъ въ Карѳагенъ, хотя зналъ, какимъ мученіямъ онъ

былъ предоставленъ. Разительный примѣръ величія души! — Коль скоро непріятели увидѣли его возвратившагося безъ успѣха въ обмѣнѣ плѣнныхъ, то не было такихъ мукъ, коимъ бы его тогда не подвергли: они долго содержали его отягченнаго оковами въ темницѣ, послѣ обрѣзали ему вѣка на глазахъ, и ставили его нѣсколько дней противъ палящаго солнца, чтобъ лишить зрѣнія; потомъ ввергнули сего страдальца въ бочку, утыканную внутри желѣзными острыми гвоздями, и наконецъ умертвили сего великаго человѣка, къ вѣчному своему стыду.

Нѣкогда, у Русскихъ, скрѣпляли договоры одними сими словами: „*Если не устою въ словѣ, то да будетъ мнѣ стыдно.*“ Смыслъ сихъ однихъ словъ показываетъ уваженіе къ справедливости и то, что всѣ договоры свято были сохраняемы. Вразсужденіи же неустойки тогда писали въ условіяхъ сіи слова: „*Если я попячусь, то мнѣ попятчику будетъ стыдно.*“ — Обѣщаніе тогда хранилось свято и ненарушимо: оно скрѣплялось въ душѣ боязнію стыда и правотою.

Вотъ еще отвѣтъ дикихъ народовъ Европейцамъ, упрекавшимъ ихъ въ невѣжествѣ: „*Чѣмъ же вы просвѣщеннѣе насъ, если у васъ на каждый договоръ и условіе, нужны тысячи письменныхъ обязательствъ? А мы что скажемъ, то и исполняемъ.*“

Истина, сей свѣтильникъ небесный, есть единственный предметъ на землѣ, доспойный всѣхъ возможныхъ усилій нашихъ въ изслѣдованіи оной. Она одна есть свѣтъ нашего разума, правило нашего сердца, источникъ чистой радости, твердое основаніе нашей надежды, утѣшеніе въ страхѣ, уполеніе нашихъ бѣдствій, врачеваніе отъ всѣхъ нашихъ страданій; она одна есть источникъ нашей доброй совѣсти и ужасъ дурной, сокровенная скорбь порока, награда добродѣтели; она одна доставляетъ безсмертное имя тѣмъ, кои ее возлюбили; наконецъ, она одна внушаетъ мысли великодушныя, и образуетъ великихъ людей.

Хотя нѣтъ ничего естественнѣе для человѣка, какъ любить и познавать истину, — однако нѣтъ ничего рѣже, какъ праводушіе. Человѣкъ боится себя видѣть такимъ, каковъ онъ есть, потому, что онъ не таковъ, каковъ быть долженъ; и дабы прикрыть свои недостатки, онъ льститъ другимъ, закрывая ихъ пороки. Свѣтскіе люди болѣе содѣйствуютъ къ тому взаимными снисхожденіями; кажется, расположеніе ко лжи распространилось уже на всѣхъ людей; они не имѣютъ болѣе смѣлости — говорить правду, и твердости — слушать оную; откровенность почитается невѣжливостію и грубостью; нѣтъ уже почти дру-

жества, которое бы не боялось откровенности или искренности: умъ, обильный въ притворствѣ, старается искажать, смотря по своимъ нуждамъ и выгодамъ, иногда самыя добродѣтели; и слова, изображающія разумъ и всѣ истины, нынѣ содѣлались орудіемъ притворства, лжи и обмановъ.

ИСТОРІЯ.

Въ знаніи Исторіи, самое полезное есть то, что въ ней можно видѣть примѣры всякаго рода, предлагаемые во всей ясности: въ ней найдете образцы для подражанія какъ въ частномъ поведеніи вашемъ, такъ и въ отправленіи дѣлъ государственныхъ; въ ней найдете также дѣянія порочныя по намѣренію и пагубныя по слѣдствію; но они описываются для предостереженія васъ отъ подобныхъ.

Мы имѣемъ нужду въ наставленіяхъ и образцахъ, дабы достигнуть добродѣтели, судя по тѣмъ опасностямъ и препятствіямъ, коими она окружена. Исторія же доставляетъ намъ оные во всякомъ родѣ, и въ ней-то почерпаются чувства добронравія и чести. И такъ, при обученіи оной молодыхъ людей, надобно пріучать ихъ, дабы они не ослѣплялись пустымъ наружнымъ блескомъ, но судили бы обо всемъ по правиламъ спра-

ведливости, истины и правосудія; внушать имъ любовь къ скромности, воздержанію, щедрости, безкорыстію и благу общественному. Таковыми добродѣтелями отличались Греки и Римляне. Когда молодые люди, учась такимъ образомъ Исторіи, заблаговременно образуются и привыкнутъ съ дѣтскихъ лѣтъ восхищаться примѣрами добродѣтели и ненавидѣть пороки, то можно надѣяться, что сіи первыя сѣмена принесутъ плоды въ свое время. Для сего надобно принять за основаніе вѣрныя начала и правила, дабы научить ихъ здраво судить о прекрасныхъ и добрыхъ дѣяніяхъ и хорошо различать, въ чемъ состоитъ истинная слава и истинное величіе. Не бывъ предостережены сими правилами, молодые люди предаются простонароднымъ мнѣніямъ: они почитаютъ достойнымъ уваженія то, что уважается всѣми. И такъ чего не должно опасаться за нихъ въ такое время, когда пороки вошли въ обыкновеніе, и когда страсти силятся погасить все чувство чести и благонравія? Исторія, при хорошемъ преподаваніи оной, предохранитъ ихъ отъ сихъ опасностей, и научитъ, что не богатство, не великолѣпіе зданій, не пышность одеждъ или домашнихъ уборовъ, не роскошь столовъ, не блескъ почестей, не слава, не блистательныя дѣянія, не побѣды и за-

воеванія дѣлаютъ человѣка истинно вѣ-ликимъ, — но душевныя его свойства; и чѣмъ онъ выше и благороднѣе будетъ умомъ и сердцемъ, тѣмъ болѣе возъимѣетъ презрѣ-нія къ тому, что прочимъ людямъ кажет-ся великимъ. Примѣры будутъ говорить гораздо сильнѣе, нежели правила, и пока-жутъ: въ чемъ состоитъ истинная слава и истинное величіе.

КАРТЫ *игральныя.*

Карты — маленькіе бумажные листоч-ки, красные и черные, изобрѣтенные для забавы праздныхъ и разоренія семействъ.

К Л Е В Е Т А.

Разглашать о нашемъ ближнемъ зло, которому онъ не причастенъ, оскорблять добродѣтель, отнимать честь у ближняго — вотъ дѣйствія постыдной клеветы! Сколь ужасенъ сей порокъ! и какія пагубныя по-слѣдствія влечетъ онъ за собою! Убѣгайте его, молодые люди, убѣгайте; и если когда-либо подпадете его обольщенію, то помни-те, что общественное презрѣніе, рано или поздно, бываетъ заслуженнымъ наказаніемъ клеветника...

К Н И Г И.

Хорошія книги, для мыслящаго человѣка, лучшіе друзья его, коихъ укоризны справедливы безъ желчи, насмѣшки остры безъ злости, а совѣты всегда истинны и полезны.

Къ сожалѣнію, во многихъ домахъ найдете только три книги: *Календарь* въ спальнѣ у отца или матери, — *Сонникъ* въ углу у барышни, — *Кума Матвѣя* за перегородкою у сына.

КОМЕДІЯ. — *Чит.:* ТЕАТРЪ.

КОРЫСТОЛЮБІЕ, *любостяжаніе.* — *Чит.:* АЛЧНОСТЬ КЪ БОГАТСТВУ.

КРАСОТА ЖЕНЩИНЪ.

Нѣкоторыя женщины, не зная вѣрнаго источника своего могущества, легкомысленно употребляютъ всѣ попеченія свои о *внѣшнемъ,* мало заботясь о *внутреннемъ;* болѣе думаютъ о средствахъ вынудить любовь къ себѣ, нежели стараются заслужить оную. Женщина, внутренно добрая, всегда любезна. Умъ, сердце и безъ красоты имѣютъ свое достоинство. Чистота души, умѣренность, опрятность, движеніе, воздухъ, вода — вотъ

пѣ вѣрныя средства, помощію коихъ можно красопу и сохранить и возвысить.

Красота есть плѣнный цвѣтъ. Она не что иное, какъ маска.

Природа иногда раздаетъ красопу, не смотря на внутреннее достоинство людей.

Дѣвица, гордящаяся своею красотою и нерадѣющая о исправленіи своего ума и сердца, подобна прекрасному цвѣтку, изливающему ядовитый запахъ. Хорошо любоваться имъ *издали,* но опасно подходить *близко.*

Красота лица не продолжительнѣе красоты цвѣтовъ: скоро и та и другая увядаютъ. Какое несчастіе для женщины, коей гордость основана только на маловременной красотѣ!

КРОТОСТЬ, *смиреніе.*

Кротость — качество, украшающее всѣ другія.

Кротость или смиреніе предостерегаетъ человѣка отъ всѣхъ чувствительнѣйшихъ золъ, случающихся въ нашей жизни. Тотъ, кто не много значитъ въ собственныхъ своихъ глазахъ, бываетъ умѣренъ въ желаніяхъ своихъ. Хотя онъ и ошибется иногда въ своихъ намѣреніяхъ, но не потеряетъ самъ себя и блаженнаго спокойствія души. Огорченія человѣка кроткаго мирны

и тихи; смиренный всегда пребываетъ подъ стражею любви и благосклонности всего человѣческаго рода, тогда, какъ гордый остается одинъ преданъ ненависти и мщенію людей.

Человѣкъ кроткій обладаетъ въ душѣ своей сокровищами веселія и истиннаго удовольствія. Онъ не кладетъ хулы на солнце, что не спѣетъ виноградъ его, и не бранитъ вѣтры, что не приносятъ хорошей погоды. Онъ учится законамъ Природы, и повинуется имъ безъ роптанія.

Когда онъ не богатъ, то знаетъ, что Богъ ничѣмъ ему не долженъ; когда же онъ получаетъ менѣе другихъ, и тогда, мысля о себѣ меньше другихъ, благодаритъ Всевышняго и за малое.

Ни какое искушеніе не возбуждаетъ въ немъ неумѣренныхъ желаній; страхъ его не смущаетъ; ибо онъ чтитъ во всемъ правосудіе Божіе, и преклоняяся предъ бурею, его застигшею, находится менѣе въ опасности, нежѐли другіе.

Смиренный никогда ни въ комъ не можетъ возбудить зависти, и отъ того онъ останавливаетъ еще въ самомъ источникѣ стремительный потокъ, потопляющій человѣка суетнаго и гордаго.

Кроткій нравъ есть наилучшее качество, которое можно получить отъ Нату-

ры. Если же она намъ не дала его, то мы должны употребить всѣ наши стараніе для пріобретенія онаго. Дѣло сіе не есть невозможное: потребны къ сему только добрая воля и твердость.

Кротость, сказалъ одинъ Философъ, пріобрѣтаетъ много друзей и укрощаетъ враговъ. Оказывайте кротость во всѣхъ вашихъ поступкахъ, и вы будете болѣе за то любимы, нежели за блистательнѣйшія дѣла. — „Блажени кротцыи, яко тіи наслѣдятъ землю," — сказалъ Іисусъ Христосъ. — Кротость дѣлаетъ общество пріятнымъ и доставляетъ любезность нашимъ разговорамъ и поступкамъ.

Кроткій человѣкъ бываетъ всѣми любимъ, всѣ стараются съ нимъ сблизиться, всѣ съ большимъ удовольствіемъ съ нимъ живутъ; напротивъ того, всегда убѣгаютъ того, который имѣетъ жестокой, сварливой, повелительной или непреклонный нравъ; когда жъ начнутъ кого убѣгать, то послѣ станутъ скоро и презирать. — Какъ возможно, сказалъ *Соломонъ*, жить съ такимъ человѣкомъ, который за всякую бездѣлицу сердится?

Сыны Османовы вопили: „мщенье, мщенье!
Наполнимъ ужасомъ и кровью всѣ мѣста!"
А вы что имъ въ оппоръ, о воины Христа? —
Прощенье.

Примѣры.

Одинъ Писатель, грубый и колкій, получилъ нѣсколько палочныхъ ударовъ за нѣкоторыя ругательныя эпиграммы, имъ сочиненныя; послѣ же сего, поссорившись съ своимъ книгопродавцемъ, угрожалъ. — уморить его подъ палкою. *Вы короче это знаете*, отвѣчалъ ему хладнокровно книгопродавецъ, *что отъ сихъ побоевъ не умираютъ.*

Кротость была одно изъ первыхъ качествъ Виконта *Тюреня.* Однажды его карета остановилась въ Парижѣ на улицѣ, по какому-то препятствію. Одинъ молодой знатный человѣкъ, который не зналъ его и чья карета была позади его, подошелъ и началъ бить палкою кучера Тюренева, для чего онъ не ѣхалъ. Виконтъ же смотрѣлъ спокойно на сію сцену изъ своей кареты; но одинъ купецъ, вышедъ изъ лавки съ палкою, закричалъ: „какъ смѣютъ бить людей Виконта *Тюреня*?“ Молодой человѣкъ при семъ имени изумился и—подходя къ каретѣ *Тюреня*, началъ извиняться. Виконтъ же, котораго онъ полагалъ въ большомъ гнѣвѣ, улыбаясь, сказалъ ему: *„Милостивый государь, вы очень хорошо умѣете наказывать*

моихъ людей: когда они сдѣлаютъ какой-либо проступокъ, что и часто случается, то я съ сихъ поръ буду отсылать ихъ къ вамъ.

ЛАКОМСТВО.

Нѣкогда Король Прусскій Фридрихъ II послалъ къ Королевѣ въ подарокъ первыя 7 вишень, собственно самимъ имъ въ оранжереѣ сорванныхъ, съ однимъ пажемъ, который будучи человѣкъ молодой и лакомой, не могъ воздержашься отъ родившагося въ немъ сильнаго къ онымъ вишнямъ аппетита: дорогою разсуждалъ онъ самъ съ собою, что хотя одною или двумя вишенками и пожертвуетъ своему желанію, то для Королевы все еще останутся пять, а между пятью и семью не очень велика разность, да къ тому жъ, думалъ онъ, что послѣ и Королю не придетъ на мысль освѣдомиться отъ Королевы о числѣ посланныхъ къ ней вишенъ. По такомъ заключеніи, съѣлъ онъ двѣ вишенки, а отъ сихъ разохотившись болѣе, коснулся и до прочихъ, и по многоразличномъ передумываніи—всѣ одну за другою съѣлъ, не воображая себѣ, чтобы Король сталъ когда-либо о семи вишняхъ говорить,—но возвратясь къ Королю, отблагодарилъ именемъ Королевы. Нѣсколько дней спустя, спросилъ Король у Королевы о ви-

шняхъ, понравились ли ей оныя, и тутъ открылось, что пажъ совсѣмъ ихъ не приносилъ. На другое утро послалъ Король того же самаго лакомку-пажа съ собственноручнымъ письмомъ къ дежурному Капитану. Пажъ, по особенному предчувствію представя себѣ, что означенное письмецо можетъ быть содержитъ непріятныя какія-либо извѣстія для него, — упросилъ одного стараго и богатаго Жида, дожидавшаго во Дворцѣ и освѣдомлявшагося у пажа о тогдашнемъ расположеніи Короля, дабы онъ сіе письмецо отнесъ къ Капитану. Жидъ взялъ на себя это препорученіе съ большою охотою и просилъ пажа: что какъ, по его словамъ, Король сегодня не очень веселъ, то бы пожаловалъ увѣдомилъ его, когда Король будетъ повеселѣе, что пажъ безотмѣнно сдѣлать обѣщалъ. Жидъ доставилъ по адресу письмецо, въ коемъ значилось, чтобы вручителю онаго дать пятьдесятъ ударовъ палкою, — и, не взирая на просьбу и моленіе его, получилъ отъ Капитана въ точности присужденные пажу пятьдесятъ ударовъ. Во время строя спрашиваетъ Король у Капитана, исправно ли даны палочные удары? Капитанъ отвѣчалъ: преисправно, такъ, что у старика и борода запряслась. Король, не зная, какъ понять сей отвѣтъ Капитана, освѣдомился обстоятельнѣе, и узналъ, что

не пажъ, но Жидъ доставилъ письмецо, и слѣдственно получилъ также палочные удары. Тутъ Король не могъ отъ смѣху удержаться, и послѣ призвавъ пажа къ себѣ, услышалъ отъ него истинное признаніе, что онъ самъ съѣлъ вишни, а письмо по особенному предчувствію переслалъ съ Жидомъ для доставленія, куда слѣдовало. Сколь ни виновенъ былъ пажъ въ обоихъ сихъ проступкахъ, однако жъ Король простилъ его въ оныхъ, говоря: я не намѣренъ болѣе держать тебя при себѣ, ибо что рѣдко и не назначено тебѣ, оное ты изо рту у другихъ вырываешь, а палочные удары, присужденные тебѣ, слагаешь на другихъ. Вмѣсто того опредѣлилъ онъ его въ полкъ Поручикомъ на ваканцію.

ЛЕГКОВѢРІЕ.

Не всему вѣрьте, что васъ изумляетъ. Кто слѣпо принимаетъ невозможное, тотъ подвергается легковѣрію и суевѣрію. Укрѣпите мужествомъ вашу душу и презирайте смѣшную боязливость глупыхъ. Прежде всего совѣтуйтесь съ разсудкомъ и вѣрьте его предписаніямъ. — Часто иные обольщаются наружностью и пріемлютъ вещь за истинную, по желанію своему или изъ страха. Таковые ослѣпленные бѣгутъ прямо къ сво-

ему несчастію и ужѣ примѣчаютъ свою ошибку тогда, когда невозможно поправить ее.

ЛЕСТЬ, *ласкательство.*

Ласкательство есть фальшивая монета, которую платятъ невѣждамъ, и которая столь прекрасна, по наружности, что самые опытные знатоки принимаютъ ее въ уплату за настоящую. Ее можно считать наравнѣ съ измѣною; ибо ползающій предъ сильнымъ бездѣльникомъ въ публикѣ, внутренно презираетъ его. Льстецы суть тѣ подлыя и презрѣнныя существа, которыя, подобно змѣѣ, пресмыкаются, и доползаютъ до ногъ Царей не иначе, какъ послѣ множества извилистыхъ изгибовъ. Гнусные сіи люди, прикрываясь личиною смиренія и правоты, употребляя всѣ пышныя, но ложныя похвалы и привѣтствія, причиняютъ множество бѣдствій человѣческому роду. — Льстецы Царей походятъ на врачей, кои лечатъ людей, зараженныхъ мнимою болѣзнію. Сіи послѣдніе платятъ имъ за болѣзни, а тѣ за добродѣтели, которыхъ не имѣютъ.

Низость души и корысть произвели ласкательство. — Ничтожный ласкатель подобенъ кошкѣ, безъ малѣйшаго труда взлѣ-

зающей на высоту зданія. — Чистосердечный не будетъ играть постыдной роли льстеца, не будетъ изгибаться предъ высокомѣрнымъ: онъ будетъ говорить по внушенію своей совѣсти, или — чтобъ не оскорбить другихъ — будетъ молчать. Знатные люди наиболѣе окружены сими гнусными и опасными существами, подобно змѣѣ, пресмыкающимися, кои не отходятъ отъ нихъ ни на шагъ, загораживаютъ входъ къ нимъ истинѣ, и всегда почти развращаютъ того, кто бы, можетъ быть, былъ примѣромъ добродѣтели и мудрости.

Льстецъ — слуга, негодный ни для какого господина.

Льстецъ, тонкою лестью уловляя сердца, говоритъ гнѣвливому человѣку—отмщай; страстному — наслаждайся; трусливому — удалимся; сомнѣвающемуся — вѣрь всему.

ЛИХОИМСТВО.

Камбизъ, грозный Персидскій Государь и гонитель неправды, приказалъ съ одного своего судьи и любимца содрать съ живаго кожу, за взятки и неправосудіе, и покрыть оною стулъ, — и назначивъ сына его въ судьи, велѣлъ ему всегда садиться на томъ стулѣ.

ЛИЦЕМѢРІЕ, *ханжество.*

Лицемѣръ скрываетъ подъ благовидною наружностію часто порочное сердце. Лицемѣріе есть обманъ, главнѣйшій и гнуснѣйшій изъ всѣхъ пороковъ. Если лицемѣръ уважаемъ, то сіе уваженіе есть похищеніе у общества. Но пусть онъ обманываетъ всѣхъ: — обманетъ ли онъ свою совѣсть, преслѣдующую его непрестанными угрызеніями? — Незаслуженная честь никогда не доставитъ истиннаго наслажденія; не ищите ее чрезъ пронырства, лесть, коварство и притворство, но прямо благородными своими поступками.

Одну только любовь къ ближнему обнаруживай; всѣ другія добродѣтели долженъ ты скрывать, если не хочешь казаться лицемѣромъ.

Лицемѣріе есть почтеніе, которое порокъ воздаетъ добродѣтели. Есть въ лицемѣріи столько же глупости сколько и порока: ибо также легко быть честнымъ человѣкомъ, какъ и казаться таковымъ; и потому лучше быть, нежели слыть.

Люди обыкновенно дѣлаются ханжами, дабы упѣшить себя въ томъ, что они ни къ чему доброму уже не способны въ свѣтѣ.

Лицемѣріе человѣчеству досадно, Богу противно, христіанству непристойно. Вы знаете, что Евангеліе желаетъ, дабы Христіане были простосердечны такъ, какъ голуби; чтобъ не злобивы были какъ младенцы; чтобъ любили и ненавистниковъ своихъ, добро творили бы и врагамъ своимъ; чтобъ за обиды свои такъ чистосердечно прощали, какъ бы желали самимъ себѣ прощеннымъ быть отъ Бога.

Лицемѣръ есть тотъ, который собственный прибытокъ почитаетъ выше закона совѣсти; который иное думаетъ, иное говоритъ; который имѣетъ наружность святую, а внутренность беззаконную; котораго единъ составъ какъ бы на-двое раздѣленъ, который самъ съ собою не согласенъ; лицемѣръ есть уродъ въ человѣчествѣ, который имѣетъ видъ человѣческій, а мысли бѣсовскія.

Если кто другому прощаетъ обиду только словами, а въ сердцѣ на него злобится, тотъ не другъ, но лицемѣръ; если кто воздерживается отъ нѣкоторыхъ яствъ, а страстямъ даетъ волю, тотъ не постникъ, а суевѣрный лицемѣръ; ежели кто о бѣдныхъ словами сожалѣетъ, а имѣетъ душу плѣненную богатствомъ и скупостію, тотъ не снабдитель милостивый, но жестокій лицемѣръ: и такъ, ежели ядъ лице-

мѣрія будетъ примѣшенъ къ помянутымъ добродѣтелямъ, тогда онѣ повреждаются и пропадаютъ; слѣдовательно и воздаваемое нами Богу служеніе будетъ не дѣйствительно и безплодно.

Въ лицемѣріи есть столько же глупаго, сколько и порочнаго; потому, что столь же легко быть честнымъ человѣкомъ, какъ и казаться таковымъ.

ЛОЖЬ, *хвастовство.*

Кто прибѣгаетъ ко лжи, съ намѣреніемъ уменьшить свою вину, тотъ еще болѣе тѣмъ увеличиваетъ ее. Чего бы вамъ ни стоило, говорите правду: вы не проиграете ничего. Мудрый охотно признается въ своихъ проступкахъ; порочный прибѣгаетъ ко лжи, чтобы оправдать свое поведеніе. Не позволяйте себѣ отдаляться отъ истины — даже въ шуткахъ. Лжецу не вѣрятъ и тогда, когда говоритъ онъ правду.

Дѣйствительно, это общее мнѣніе или истина: если примѣтятъ въ васъ мало справедливости, тогда вамъ не будутъ вѣрить, хотя бъ вы и правду хотѣли сказать.

Изъ устъ въ уста перелетая ложь,
За истину пойдетъ, коль всякой бредитъ
тожъ.

(А. Сумароковъ.)

Лучше всего повѣрять тайну лгунамъ: они хотя и разболтаютъ, но имъ никто не повѣритъ.

Примѣры.

Во Флоренціи былъ нѣкоторый дерзкій лжецъ. Одинъ изъ его коротькихъ знакомыхъ, увидавъ его въ большомъ обществѣ, сказалъ ему, лишь только онъ растворилъ ротъ: „это не правда!“ — Ахъ! милостивый государь, я ничего еще не сказалъ. — „Это все равно, вы будете же говорить и солжете.“

Одна пожилая дама, будучи въ бесѣдѣ, очень спорила, что ей нѣтъ болѣе сорока лѣтъ отъ роду. Тогда хозяинъ, знавшій, что ей больше пятидесяти лѣтъ, сказалъ: „можно этому повѣрить потому, что она уже болѣе десяти лѣтъ насъ о томъ увѣряетъ.“

Нѣкоторый вельможа порицалъ своего любимца тѣмъ, что онъ часто лжетъ. „Это правда, отвѣчалъ лицемѣръ, что я — хваля тебя, много погрѣшилъ.“

ЛѢНОСТЬ, *праздность*.

Лѣность есть родная сестра сладострастія: безъ нее прихоти не имѣли бы свободнаго доступа къ вельможамъ, и не столько бы имъ раболѣпствовалъ простой народъ.

Праздность есть мать всѣхъ пороковъ. Лѣнивые и праздные способнѣе другихъ къ злодѣяніямъ. Да знаютъ всѣ, что для мирной и добродѣтельной жизни необходима работа, и прилѣжная работа! — *Жерардъ* говоритъ: „Праздные тунеядцы, наглая молодежъ, умѣютъ только обольщать невинность, угнетать людей, или развращать ихъ, ѣздить на псовую охоту, мучить и опустошать карманы своихъ крестьянъ, играть комедіи, часть имѣнія своего ставить на карту, другую промотывать съ распутными тварями, и притомъ они думаютъ еще, что нельзя ничего лучше того дѣлать!“

Какъ жалокъ человѣкъ, забывающій сладостную должность, возложенную на него Богомъ и Природою — должность трудиться для ближнихъ!

Изъ семи смертныхъ грѣховъ маловажнѣе всѣхъ кажется лѣность. Сей грѣхъ имѣетъ лучшую наружность: ибо въ праздности нѣтъ никакого лукавства, потому что,

не дѣлая ничего, не наносятъ никому обиды; однако же въ праздности состоитъ преступленіе то, что Природа, производя всѣ вещи на какой-нибудь конецъ, требуетъ отъ человѣка труда и упражненія, сообразнаго состоянію каждаго, но въ лѣнивцѣ ихъ не находитъ.

Графъ *Оксенштирнъ* говоритъ, что лѣнивый бытіемъ своимъ дѣлаетъ твореніе Создателя безполезнымъ; и кажется, такой человѣкъ не почтеннѣе того животнаго, за которымъ только и дѣла, что жратъ и спатъ: но оно по крайней мѣрѣ чрезъ то жирѣетъ и становится полезнѣе въ пищу человѣку; вмѣсто того, праздноліобецъ ни въ жизни своей, ни по смерти ни къ чему негоденъ.

Богу отправляютъ служеніе на колѣнахъ, земнымъ Владыкамъ стоя; а діаволу угождаютъ лежа и растянясь, ничего не дѣлая.

Къ достиженію бодрой старости, потребно въ первой половинѣ жизни, то есть до 50 лѣтъ, быть дѣятельнымъ и даже сносить тягости и безпокойства, а въ послѣдней жить единообразнѣе и спокойнѣе. — Нѣтъ примѣра, чтобъ какой-либо праздноліобецъ доживалъ до весьма глубокой старости. Трудолюбіе, дѣятельность, избѣжа-

ніе физической любви и вина суть главныя средства къ продленію жизни.

Есть люди, до такой степени излѣнившіеся, что они лучше любятъ проводить утомительную жизнь въ бѣдности, нежели улучшить свою судьбу трудолюбіемъ. Сколько людей ежедневно жалуются на счастіе и упрекаютъ его въ бѣдствіяхъ, ими претерпѣваемыхъ! Послушай ихъ; они скажутъ: что они родились подъ несчастною звѣздой; имъ не удается ни въ чемъ, — и что ни предпріемлютъ, напередъ говорятъ, что предпринимаютъ безполезно. Безумные! для чего не совлечете завѣсу съ глазъ своихъ? Тогда бы вы увидѣли, что лѣность и праздность не отходятъ отъ васъ.

Натура требуетъ безпрестаннаго упражненія. Да не устрашитъ насъ число и великость препятствій, встрѣчаемыхъ на пути нашемъ. Не пожалѣемъ трудовъ и опасностей; пойдемъ далѣе и далѣе; нѣтъ трудности, которой бы неусыпная дѣятельность не могла преодолѣть! Дайте *Фидію, Праксителю, Поликлету* самый шероховатый камень, самый грубый мраморъ, самый безобразной древесный пень: со временемъ, трудомъ и терпѣніемъ творческій рѣзецъ произведетъ изъ нихъ Минерву, Юпитера или Эпаминонда.

Лѣнивый не замѣчаетъ, что одно настоящее принадлежитъ намъ, что будущее неизвѣстно, а прошедшаго нѣтъ уже болѣе.

Ослабь руки и колѣна, и предай себя всегданнему лежанію и нѣгѣ; помышляй только объ одной пищѣ и питіи; служи чреву своему и услаждай чувства; повергни разумъ въ бездѣйствіе, и усыпи всѣ душевныя силы: посмотримъ, что изъ того выдетъ лучшее? Духъ отяготится унынiемъ и скукою, тѣло разслабятъ и измучатъ болѣзни, душу обременятъ пороки, совѣсть разтерзаютъ собственныя угрызенія, укоризны и безпокойства: самъ для себя будешь излишнимъ, другимъ во вредъ, и безполезная для земли тягость.

Les mortels, en naissant, au travail condamnés,
Tant qu'ils vivent oisifs vivent infortunés.

Люди родятся для трудовъ;
Когда жъ живутъ праздными, то бываютъ несчастны.

Какую глупую роль играетъ на семъ свѣтѣ праздный человѣкъ! Онъ наводитъ скуку всѣмъ, вездѣ, гдѣ онъ находится. Какой разговоръ можно имѣть съ такимъ человѣкомъ, который ничему не учился и

не имѣетъ никакихъ познаній въ искуствахъ изящныхъ? Жизнь, которую ученый человѣкъ почитаетъ кратковременною, бываетъ весьма продолжительна для такого, который обремененъ тягостію скуки, происходящей отъ невѣжества.

Вотъ эпитафія, сдѣланная для одного лѣнивца:

Ci — dessous Antoine repose:
Il ne fit jamais autre chose.

Здѣсь отдыхаетъ Антонъ:
Никогда болѣе сего не дѣлалъ онъ.

Ничѣмъ не занимаясь, научаемся мы дѣлать зло.

Надобно, чтобы работа имѣла нѣчто весьма благоразумное и достойное человѣка, потому что послѣ семи или восьми часовъ упражненія, я выхожу изъ моей комнаты довольнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Напротивъ того, надобно, чтобъ праздность имѣла нѣчто весьма худое; ибо если когда случится нѣсколько времени ничего не дѣлать, то чувствую себя безпокойнымъ и скучнымъ. Какъ время длится, когда ничего не дѣлаю! Какъ скоро время проходитъ, когда я занимаюсь! Какъ сержусь, если меня кто опорветъ отъ занятій! Когда жъ я нахожусь въ праздно-

сти, но часто спрашиваю, *который часъ?— Элеасъ,* Царь Скиѳскій, говаривалъ, что когда онъ бывалъ празденъ, то не находилъ никакой разности между собою и коняхомъ своимъ.

Тщательная работа есть лѣкарство противъ бѣдности; если не стараются прибѣгать къ оной, тогда бѣдность содѣлывается справедливымъ наказаніемъ праздности.

Большая часть людей ищетъ праздности, любомудрѣйшіе уединенія, и это называется быть самимъ съ собою. Блаженна эта жизнь, но паланпы ихъ для общества — зарыпы. *(Суворовъ-Рымникскій.)*

П р и м ѣ р ъ.

Одинъ старый нищій попросилъ у богатаго откупщика М...., въ Кенигсбергѣ, милостыни. Богачъ не подалъ ему ничего и продолжалъ идти своею дорогою; нищій бѣжалъ за нимъ въ слѣдъ и повторялъ свои просьбы; но видя, что онѣ пищетны, воскликнулъ громкимъ и страшнымъ голосомъ: *„Государь мой! ваше жестокосердіе заставитъ меня сдѣлать то, чего я во всю жизнь свою не дѣлалъ.“* Богачъ, устрашась сихъ словъ, и думая, что нищій имѣетъ намѣреніе ограбить его, далъ ему нѣсколько золотыхъ монетъ, и сказалъ: *„если бъ я тебѣ не подалъ милостины, то чтобы ты тогда*

сдѣлалъ? " *Благодарю васъ за милость*, отвѣчалъ старикъ: *если бы вы не сжалились надо мною, то я принужденъ бы былъ работать, — а этого я отъ роду не дѣлалъ.*

ЛЮБЕЗНОСТЬ.

„Если хочешь быть любимъ, то будь самъ любезенъ," сказалъ одинъ древній стихотворецъ. Любезность особенно прилична молодымъ людямъ; чрезъ нее-то они привлекаютъ къ себѣ всеобщую любовь, и сіе драгоцѣнное качество часто содѣлываетсл для нихъ источникомъ благополучія. И такъ учитесь приносить жертвы Граціямъ: тогда пріятностью характера вашего пріобрѣтете любовь и почтеніе подобныхъ вамъ.

Для того, чтобъ быть *любезнымъ* — нужны преимущественно внутреннія и пріобрѣтенныя достоинства: умъ, воспитаніе, образованность и проч.

ЛЮБОВЬ.

Всякъ, кому только Богъ далъ сердце, чувствуетъ любовь.

Любовь есть неизъяснимая сила, влекущая къ любимому предмету.

Сія страсть должна быть управляема благоразуміемъ; иначе она дѣлаетсл источ-

никомъ всѣхъ безпорядковъ общественныхъ, бѣдствій семействъ, и обращается въ позоръ тѣмъ, которые предаются ей.

Самыя гордыя сердца ей подвластны, и все дышущее обязано ей существомъ своимъ. Величайшіе герои бывали прикованы къ торжественной колесницѣ ея. Любовь была причиною разоренія Трои. Она-то отняла у Геркулеса палицу, и — вмѣсто того — заставила взять пряслицу. Любовь изгнала и Тарквиніевъ изъ Рима. Любви преданъ былъ и славный *Генрихъ* IV и *Людовикъ* XIV. Наконецъ она ни на кого не взираетъ, и не щадитъ ни лѣтъ, ни пола. Представляясь въ настоящемъ своемъ видѣ, блистаетъ она въ юности, — а когда ругается и захочетъ показаться смѣшною, то распаляетъ стариковъ. Впрочемъ она замысловата и умѣетъ дѣлать возможное и невозможное; претворяетъ труса въ храбреца, скупаго въ мота, гордаго человѣка въ униженнаго и скромнаго, а умнаго въ дурака.

ЛЮБОВЬ КЪ БОГУ.

Нѣтъ иной истинной нравственности, кромѣ любви къ Богу. Каждый мечтаетъ знать, что̀ значитъ любить Бога, и каждый не вѣдаетъ того по сердцу, не зная также и того, какихъ огорченій и умерщ-

вленій стоитъ самому себѣ, чтобы достигнуть до сего блаженнаго состоянія. Невозможно любить дѣйствительно Бога, не отрекшись прежде отъ себя всѣмъ сердцемъ; и кто довольствуется тѣмъ, что не есть Богъ, и находитъ въ томъ свою опору и покой, тотъ Бога не любитъ; ибо законъ — любить Бога — исключаетъ всякую другую любовь, кромѣ любви къ Богу. Любить Бога значитъ исполнять волю Его, и даже нѣкоторымъ образомъ утратить свою волю въ Его волѣ. Ничто столько не доказываетъ ужасной испорченности нашей, какъ наклонность натуры человѣческой — любить всё, кромѣ Бога, и довольствоваться земными благами. Заповѣдь — любить Бога, содержитъ и заключаетъ въ себѣ всё; она есть сущность всякаго закона, который любовію исполняется въ человѣкѣ относительно всего того, что въ немъ есть существеннаго и живаго. *Любить Бога всѣмъ сердцемъ* значитъ — предоставить и предать ему всѣ движенія и всѣ силы нашей нѣжности; *любить Его всею душею* — значитъ — предать Ему всю жизнь нашу и пребывать навсегда спокойно въ состояніи сей преданности.

Любить Бога не есть наука, изучаемая умомъ. Никогда лучше нельзя научиться

Его любить, какъ любя Его. Всѣ люди, даже самые невѣжествующіе, способны любить Бога.

ЛЮБОВЬ КЪ РОДИНѢ.

Когда *Фридрихъ* II строилъ замокъ *Сансуси*, одна мельница препятствовала ему: онъ призвалъ къ себѣ мельника, и просилъ его — продать оную ему; сей же человѣкъ, очень почитая наслѣдство родителей своихъ, не соглашался исполнить его просьбу. Фридрихъ усугубилъ свои убѣжденія, и обѣщалъ ему не только выстроить другую мельницу, на какомъ бы мѣстѣ ему ни заблагоразсудилось; но еще дать ему въ награду денегъ сколько онъ потребуетъ: однако жъ и сія приманка ни чуть не подѣйствовала на мельника. Король, разгнѣвавшись на такое упрямство, послалъ за нимъ, и спросилъ его съ гнѣвомъ: „*Для чего не хочешь продать мнѣ твою мельницу, не взирая на всѣ выгоды, которыя я тебѣ предоставляю?*“ Мельникъ сказываетъ ему всѣ свои причины. „*Но знаешь ли ты,* возразилъ Король, *что я могу взять ее, не давши тебѣ ни одного динаря?* — „*Да,* отвѣчалъ мельникъ, *если бъ не было судебнаго мѣста въ*

Берлинѣ.“ Король, будучи пораженъ симъ отвѣтомъ и видя, что всѣ не полагали его способнымъ учинить какое-либо неправосудіе, оставилъ мельника спокойнымъ, и перемѣнилъ планъ садовъ своихъ.

ЛЮБОПЫТСТВО.

Бываетъ два рода любопытства: одно есть безпредѣльное желаніе, врожденное всякому человѣку, познавать употребленіе и свойство различныхъ предметовъ, взору его представляющихся. Чрезъ сіе-то любопытство, восходя отъ дѣйствій къ причинамъ, мы возносимся къ высочайшимъ понятіямъ Наукъ и Нравственности: мы обязаны оному всѣмъ, что только ни есть прекраснаго, великаго и полезнаго въ разнообразныхъ открытіяхъ, которыя ежедневно распространяютъ область Генія.

Другой родъ любопытства есть неограниченное желаніе проникнуть въ тайны и дѣла другаго. Сколь первое похвально и достойно одобренія, столь второе презрительно. Сія дурная страсть привлекаетъ къ намъ ненависть и подозрѣніе.

ЛЮБОСТЯЖАНІЕ, *корыстолюбіе.* — *Чит.:* АЛЧНОСТЬ КЪ БОГАТСТВУ.

МИЛОСЕРДІЕ.

Когда Государь милосердъ, тогда подданные вѣрны.

Милосердіе есть вѣрный знакъ истиннаго Монарха.

La clémence ..... est la plus belle marque
Qui fasse à l'univers connaitre un vrai Monarque.

Судьба часто даетъ названіе побѣдителя;
Но милосердіе есть дѣйствіе великой души.

Le sort donne souvent le titre de vainqueur;
Mais celui de clément est l'effet d'un grand coeur.

Хотябъ намъ святое Евангеліе и не напоминало о милосердіи, то довольно возбудили бы насъ говорить о сей добродѣтели нищіе своими воплями, увѣчные своими воздыханіями, больные стенаніемъ, вдовицы слезами, обиженные своими жалобами. Одинъ алчетъ, другой пресыщается: тотъ въ пространнѣйшихъ палатахъ опочиваетъ, сей не имѣетъ, гдѣ главу приклонить: одинъ величается титлами благородства, другой стонетъ подъ тяжкимъ игомъ рабства.

Дѣло милосердія есть вспомоществовать другимъ въ недостаткахъ. Алчущій требу-

епъ пищи; нагій одѣянія, больный утѣшенія, обиженный защиты, безпомощный заступленія, неразумный наставленія. Не по заслуживаетъ похвалу, чтобъ богатство собрать, но—чтобъ знать, какъ его употребить.

И такъ самый подлый порокъ есть тѣхъ людей, которые собиранію богатства никакого не полагаютъ конца, и честнаго тому употребленія не знаютъ; денно и ночно думаютъ о умноженіи прибытковъ, какимъ бы то ни было образомъ; но не вѣдаютъ сами, кому собираютъ — не плѣняя щедротою сердецъ, въ чемъ состоитъ истинное некрадомое человѣческое богатство. Другіе употребляютъ деньги на строеніе домовъ, на уборы, на вина, на пиршества, на собакъ и на иныя затѣи. Ахъ, сколько роскоши! Отсюда раждается праздность, а отъ праздности лѣность, отъ нея разслабленіе, а отъ сего нерадѣніе о должности, о добродѣтели, о благочестіи, словомъ — отсюда возраждается постыдное для человѣчества *эпикурейство*, и такимъ образомъ снѣдается часть имѣнія должная бѣднымъ. Но сего, скажутъ, требуетъ приличіе, эпикетъ, благопристойность. Да развѣ снабжать убогихъ не благопристойно? О когда бъ всякъ содержалъ себя въ границахъ благоприличія и не преступалъ бы сихъ священныхъ пре-

дѣловъ; тогда бъ и веселіе наше было благословенное, и не страдала бы столько другая часть человѣчества!

МИРОЛЮБІЕ, *мирѣ.*

Петръ Великій посѣщалъ часто и нечаянно многія мѣста своихъ владѣній и заведеній. (Снарядъ сего Государя былъ: лѣтомъ мундирная пара, плащъ и нѣсколько бѣлья; сопровождалъ его деньщикъ, а иногда два; зимою прибавлялась шуба, шапка и теплые сапоги; обѣдъ сего безсмертнаго Монарха былъ готовъ вездѣ, потому что онъ состоялъ изъ простыхъ кушаньевъ; кухня за нимъ никогда не тащилась.) Въ одну изъ таковыхъ поѣздокъ, прибылъ Петръ въ Олонецъ и прямо къ Воеводской Канцеляріи. Вошедъ въ нее, засталъ въ ней Воеводу, мужа украшеннаго сѣдинами, просподушіемъ и справедливостью; и спросилъ его: какія есть въ Воеводской Канцеляріи челобитчичьи дѣла? — Воевода, въ страхѣ, повергается къ ногамъ Монарха, и дрожащимъ голосомъ говоритъ: „*Виноватъ я*, всемилостивѣйшій Государь! *никакихъ нѣтъ!*“ — Какъ! никакихъ нѣтъ?— „*Никакихъ*,“ повторяетъ въ слезахъ Воевода: — „*виноватъ, Государь; я никакихъ челобитенъ не принимаю, и до разбора Канцеляріи не допускаю,—а всѣхъ мирю, соглашаю, а по-*

селу и слѣдовъ ссоръ до Канцелярiи никогда не доходило.“ — Петръ, удивленный таковою мнимою виной, поднявъ споявшаго на колѣнахъ Воеводу, сказалъ: *Я бы желалъ и всѣхъ Воеводъ видѣть столь виновными, какъ ты; продолжай, другъ мой, такое служенiе; Богъ и Я не оставятъ тебя.*

Миръ валъ! О слово сладчайшее! о слово любезнѣйшее! о дражайшiй союзъ рода человѣческаго и основанiе благополучiя его! Безъ него никакое добро ни бытъ, ни утвердиться не можетъ.

Во-первыхъ: — миръ сей означаетъ, когда одинъ съ другимъ живетъ любовно; и такое дружественное между людьми обхожденiе называется — дружба. Другъ есть какъ бы другой я, и друзья составляютъ, такъ сказать, одну душу, въ двухъ тѣлахъ живущую.

Вторрое: миръ означаетъ любовь между сродниками, также между мужемъ и женою. Какъ нѣтъ ничего святѣе сего союза и нужнѣе ко благу человѣческому, то и обязаны супруги хранить между собою согласiе и вѣрность: отъ сего зависитъ благоразумное дому управленiе, честное воспитанiе дѣтей, порядочное домочадцевъ содержанiе, къ облегченiю нуждъ житейскихъ наибольшее утѣшенiе; а безъ сего все развращается,

и колеблются основанія самыхъ благословенныхъ семействъ.

Третіе: когда жители какого-нибудь одного мѣста, или города, или цѣлыя подъ однимъ управленіемъ состоящія области, живутъ между собою мирно, и сей миръ называется мирное сожительство и покой общій: миръ сей состоитъ въ томъ наипаче, чтобъ пользу общую предпочитать своей собственной. Гдѣ такого мира нѣтъ, тамъ богатыя села приходятъ въ скудость; тамъ купечество разоряется; тамъ лучшіе города упадаютъ; да и цѣлыя государства разрушаются; гдѣ же есть согласіе и миръ, тамъ все процвѣтаетъ.

Четвертое: самый нужнѣйшій и драгоцѣннѣйшій миръ, служащій источникомъ и основаніемъ счастія человѣческаго, есть миръ съ Богомъ и совѣстію, когда она не имѣетъ въ чемъ себя зазирать, когда сама собою довольна, когда страсти усмирены и не обуреваютъ.

Апостолъ Павелъ называетъ сіе чувствіе *миромъ Божіимъ*, *превосходящимъ всякъ умъ*: ибо такой человѣкъ спокоенъ и радостенъ; *миромъ Божіимъ*: ибо никакія мірскія выгоды и увеселенія такого спокойствія духу не могутъ доставить, а только единъ Богъ; миромъ, превосходящимъ *всякъ умъ*: ибо человѣкъ сладость сего Бо-

жественнаго мира можетъ только въ сердцѣ чувствовать, но разумомъ своимъ совершенно объять, кольми паче словомъ изъяснить — его не можетъ.

Сего-то мира испрашиваетъ у Бога *Давидъ: Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей.* Кто стяжалъ сіе внутреннее сокровище, тотъ всегда благодушенъ и радостенъ: въ счастіи не напыщается, въ несчастіи не ослабѣваетъ, смерти не боится, — ибо съ Богомъ примиренъ; суда Его ожидаетъ безъ страха, ибо чувствуетъ въ себѣ благоволеніе Божіе. Таковое сладчайшее состояніе души есть одного свойства и существа съ райскими небесными упѣхами; ибо есть начало и предвкушеніе оныхъ. И потому-то Апостолъ *Павелъ* называетъ миръ сей миромъ, превосходящимъ всякъ умъ: то есть, никто его не можетъ понять мысленно, но развѣ тотъ, кто самъ въ себѣ его ощущаетъ и чувствуетъ.

МОГИЛА, *кладбище.*

Это конецъ земнаго величія; за гробомъ всѣ равны: въ прахѣ нѣтъ отличій!

М О Д А.

Она обладаетъ искусствомъ очаровывать взоры слабыхъ смертныхъ. По одной ея прихоти, мы спѣшимъ имѣть у себя то, что казалось намъ крайне страннымъ, смѣшнымъ, и краснѣемъ отъ стыда при видѣ того, что прежде составляло предметъ нашего удивленія. Самомалѣйшіе ея приговоры выполняются съ совершеннымъ подобострастіемъ, лишь только она пожелаетъ, — и даже безобразіе дѣлается красотою!

Нѣтъ ничего своенравнѣе моды; нѣтъ ничего страннѣе и непостояннѣе ея предписаній. И при всемъ томъ, люди большаго свѣта повинуются ей безусловно и безропотно!

Вотъ разговоръ одной Англійской дамы съ Лондонскимъ купцемъ:

„Государь мой, я сей-часъ лишь пріѣхала изъ деревни: сдѣлайте милость, скажите мнѣ, что должна я сдѣлать, чтобъ быть одѣтой по послѣдней нынѣшней модѣ?“ — Я въ двѣ минуты, сударыня, исполню ваше желаніе..... Во-первыхъ, сдѣлайте одолженіе — скиньте вашъ чепчикъ. — „Охотно.“ — Теперь сбросьте вашу юпку. — „Согласаюсь.“ — Отвяжите ваши карманы. — „Вотъ они.“ — Скиньте вашу косыночку. — „Съ удовольствіемъ.“ — Отдайте мнѣ вашъ

корсетъ и рукава. — „Все, что вамъ угодно.“ — Вотъ теперь, сударыня, вы въ уборѣ самомъ лучшемъ. Одѣваться нынѣ значитъ — совсѣмъ неодѣваться. — Жалкая мода!

Измѣненіе модъ есть оброкъ, налагаемый искусствомъ бѣднаго на щегольство богатаго.

МОЛИТВА.

Въ Евангеліи подъ именемъ молитвы заключается все то, что надлежитъ до Богослуженія, а именно: всякія прошенія, благодаренія, славословія, Богомыслія, и всякое честное упражненіе, ведущее насъ къ добродѣтели, слѣдовательно и къ Богу.

Молитва есть или внутренняя, или внѣшняя. Внѣшняя или наружная безъ внутренной не столько есть молитва, сколько богомерзское лицемѣрство; внутренняя естественно предполагаетъ внѣшнюю, по необходимой связи души съ тѣломъ. Та и другая въ существѣ своемъ нераздѣльны.

Достоинство молитвы не должно полагать въ одномъ многословіи, но въ силѣ духа и въ глубинѣ чувствованій. Молиться должно съ пламенною любовію къ Богу, въ полномъ примиреніи съ ближними, въ чистотѣ совѣсти, искренно, отъ всего сердца,

отъ всея души, и съ твердою увѣренностію, что все, чего ни попросимъ мы у Бога въ молитвѣ съ вѣрою, получимъ. Впрочемъ исполненіе нашей молитвы мы всегда должны предоставлять волѣ Божіей, вѣря, что Богъ лучше насъ вѣдаетъ, полезенъ ли для насъ предметъ нашей молитвы, и какъ и когда дать намъ просимыя блага.

Предметъ молитвы долженъ быть сообразенъ съ волею Божіею; посему должно просить у Бога болѣе благъ духовныхъ, нежели тѣлесныхъ, болѣе необходимыхъ, нежели полезныхъ, болѣе общественныхъ, нежели частныхъ, и вообще всего должно просить не для времени, но паче для вѣчности.

Молитву наружную необходимо должно подкрѣплять возношеніями внутренними, и мы имѣемъ на сіе примѣръ въ Самомъ *Іисусѣ Христѣ*, который внутреннюю или духовную молитву изображалъ иногда возведеніемъ очей на небо, а иногда преклоненіемъ Себя на землю.

МОЛЧАНІЕ.

Качество въ мудромъ, добродѣтель въ невѣждѣ. — Есть случаи, въ коихъ самое *молчаніе* очаровательно. — Тотъ, кто увѣренъ, что онъ ничего не знаетъ, весьма уже

разсудительный человѣкъ, когда умѣетъ молчать.

МУДРОСТЬ, *благоразуміе.*

О мудрость Божія! Ты слово изрекла,
И изъ ничтожества вселенну извлекла.

(Расинъ.)

О мудрость Творчая! Крестомъ ты вновь
свою
Вселенну къ первому возводишь бытію.

Мудрость, наука, которая заключается только въ сихъ двухъ истинахъ: *не дѣлай никому зла; сберегай собственную жизнь твою.*

Мудрость есть равнодушіе, которое ничто не можетъ возмутить, и никакое желаніе не можетъ воспламенить. Умѣть страдать и переносить несчастія равнодушно, и видѣть смерть съ спокойствіемъ, есть долгъ мудраго.

Мудрость необходима для души, какъ здоровье для тѣла.

Мудрость презираетъ всякія излишества сей жизни, ибо истинная великость состоитъ въ отверженіи всего того, чему суетный міръ дивится, и что многіе ослѣпленные уважаютъ. И дѣйствительно, если

пожелаемъ разсмотрѣть оное, то всякой согласится, что прямой славы достоинъ больше тотъ, кто гнушается сею мнимою великостью, нежели умѣющій оную пріобрѣсть; и что человѣкъ, коего добродѣтель есть одна собственная награда, достоинъ несравненно больше уваженія, нежели тотъ, чей изваянный истуканъ будетъ изображать потомству одну тщету.

Титъ Ливій, говоря о *Маніѣ Куріѣ*, сказываетъ, что онъ нѣкогда будучи въ своемъ домѣ занятъ перемываніемъ рѣпы и кладкою ее въ горшокъ, принималъ Самнитскихъ Пословъ, принесшихъ къ нему въ даръ немалую сумму денегъ, чтобы тѣмъ склонить его къ вспоможенію имъ по данному отъ нихъ въ Сенатъ прошенію; но сей великій Римлянинъ отвѣтствовалъ имъ съ холоднымъ духомъ: „Надобно вамъ, господа, принесть сіе золото кому-нибудь другому, который гнушается варить самъ рѣпу и который думаетъ, что такая пища ему не прилична; а я другихъ богатствъ не желаю, кромѣ власти повелѣвать людьми, кои такими сокровищами обладаютъ.“ Вотъ истинный герой, который умѣлъ извлекать столько же славы, перемывая свою рѣпу, какъ и изъ лавровъ, толь праведно великими его дѣлами и громкими побѣдами пріобрѣтенныхъ! Онъ конечно не меньше былъ

славенъ при очагѣ своей поварни, сколько страшенъ врагамъ Рима, начальствуя войсками его.

Блага земныя раждаются отъ случая, и подвержены его непостоянству. Здоровье, почести, богатства, не зависятъ отъ насъ: одна минута — и мы ихъ лишаемся. Единственное благо, переживающее все — есть мудрость.

Нѣтъ мудрости, которая не истекала бы отъ Бога. Въ писаніяхъ Святыхъ Мужей, Имъ умудренныхъ, мы должны съ дѣтскою довѣренностью заимствовать спасительные уроки немірской мудрости.

„Я сочиняю прекраснѣйшіе разговоры, и книги.“ — „Ахъ! другъ мой, покажи мнѣ лучше, что ты укрощаешь свои страсти, умѣряешь свои желанія, и слѣдуешь истинѣ въ твоихъ мнѣніяхъ; удостовѣрь меня, что ты не боишься ни тюрьмы, ни ссылки, ни болѣзни, ни бѣдности, ни смерти: безъ этаго, какія бы славныя книги ты ни сочинялъ, говоритъ *Эпиктетъ*, будь увѣренъ, что ты еще не что иное, какъ невѣжда.“

Скажи, мудрецъ, какъ пріобрѣлъ ты свои знанія? — „Я никогда не стыдился спрашивать другихъ.“

Мудрость учитъ наслаждаться, а добродѣтель велитъ доставлять наслажденія другимъ.

Вотъ *златые стихи Пивагоровы.*

Когда наступитъ ночь и часъ успокоенья,
На день протекшій твой взоръ строгій обращай;
О сдѣланномъ тобой ты сердце вопрошай,
И разсмотрѣвъ себя, будь справедливъ въ сужденьѣ:
Раскаянье тебѣ невинность возвратитъ,
А память добрыхъ дѣлъ за все вознаградитъ.

Пивагоръ предписывалъ своимъ ученикамъ всякой день на нѣсколько минутъ входить во внутренность самихъ себя и дѣлать себѣ слѣдующіе вопросы: „Какое употребленіе сдѣлалъ я изъ протекшаго дня моего? Въ какихъ мѣстахъ былъ я? Какихъ людей видѣлъ я? Что́ хорошаго я сдѣлалъ? Что́ сдѣлано было мною не кстати?

Изображеніе мудраго, честнаго и добродѣтельнаго человѣка.

Обращая взоры на землю, можемъ ли мы на ней найти что-нибудь величественнѣе, прекраснѣе, удивительнѣе, какъ совер-

шенно - честнаго человѣка, истинно мудраго и такого, какого только можно намъ себѣ представить!

Убѣжденный поразительнымъ свидѣтельствомъ вселенныя о бытіи Всевышняго Творца, Котораго славу все возвѣщаетъ, изображаетъ вездѣ могущество и величіе, онъ глубоко проникнутъ страхомъ Господнимъ, который есть основаніе истинной мудрости; онъ страшится Его праведныхъ наказаній, предоставленныхъ нарушителямъ закона; и болѣе всѣхъ страданій, какія только существуютъ на свѣтѣ, ужасается быть Ему неугоднымъ.

Говоритъ ли онъ о Богѣ, о Религіи или о дѣлахъ священныхъ: всегда говоритъ съ благоговѣніемъ, — отвергая съ презрѣніемъ злословныя сужденія нечестивыхъ, или презирая ихъ.

Никакой интересъ не можетъ соблазнить честнаго человѣка, друга справедливости, или нарушить оную; онъ всегда носитъ напечатлѣвшіяся въ его сердцѣ сіи изящныя изрѣченія, кои одинъ Государь повторялъ часто своему сыну: *Лучше умереть, нежели солгать.* — Онъ оставляетъ душамъ низкимъ всѣ хитрости и лукавства: справедливость управляетъ всѣми его поступками, а истина его рѣчами. Онъ столько же вѣренъ своему слову, какъ благоразуменъ въ обѣща-

ніяхъ; и никогда не имѣетъ причины — отъ нихъ удаляться чрезъ постыдныя пронырства, недостойныя его чистой совѣсти. Всегда готовый услужить, когда только можетъ, онъ преисполненъ благонравіемъ; ласковъ къ нижшимъ; снисходителенъ безъ подлости; и тѣмъ выигрываетъ у всѣхъ сердца. Увѣренный, что вѣжливость придаетъ блескъ достоинствамъ и содѣлываетъ оныя болѣе пріятными, — онъ учтивъ безъ принужденія и притворства. Не увидите никогда въ немъ такихъ разнообразностей во нравѣ, которыя бы дѣлали его ненавистнымъ и несноснымъ. Для благополучія общественнаго и своего собственнаго, онъ старается владѣть собою, преодолѣвать своенравіе и даже предупреждать запальчивость нрава. Имѣетъ всегда ненахмуренное чело, видъ пріятный и довольственный, любезную веселость, сопутницу невинности и душевнаго спокойствія.

Болѣе сострадателенъ, нежели корыстолюбивъ, онъ не притѣсняетъ бѣднаго, ему задолжавшаго, и согласится скорѣе самъ перенести большія несчастія, нежели содѣлать кого несчастнымъ. — Никогда не заставитъ художника долго ожидать платы за труды свои; и находитъ, что гораздо великодушнѣе и благороднѣе — платить долги, нежели ихъ на себѣ имѣть.

Наученный исполнять всѣ свои должности съ раченіемъ и точностью, честный человѣкъ исполняетъ вѣрно родительскія, супружескія и господскія обязанности, безъ ненавистной жестокости и презрительной слабости; ибо человѣкъ тогда только достигаетъ нѣкоторой степени совершенства, когда источникъ радостей находитъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Его подвластные считаютъ себя счастливыми, служа ему; ибо они ему болѣе дѣти, нежели рабы. Ему извѣстно правило: если хочешь повелѣвать другими, удостовѣрься, что умѣешь властвовать надъ самимъ собою. — Къ тѣмъ, которые дали ему жизнь, являетъ величайшее почтеніе, — и взираетъ съ отвращеніемъ на безпутныхъ дѣтей, которыя, достигши до нѣкоторыхъ чиновъ, высшихъ перваго ихъ состоянія, или сдѣлавшись богатыми, краснѣютъ за своихъ родителей и даже отрицаются отъ нихъ.

Онъ гораздо чувствительнѣе къ добру, получаемому имъ, нежели къ злу, которое ему дѣлаютъ; старается во всѣхъ случаяхъ явно оказывать знаки благодарности; и отдаетъ — когда можетъ — болѣе, нежели сколько получилъ.

Будучи великодушенъ, человѣколюбивъ, благодѣтеленъ, онъ любитъ дѣлать все то, чѣмъ можетъ заслужить благодарность отъ

другихъ, не имѣя ея въ виду и не желая оной. Счастливый его характеръ, руководствующій его дѣлать всякому добро столько, сколько онъ въ силахъ, являетъ въ немъ высокія черты образа Божія.

Его величайшее удовольствіе — давать прежде, нежели у него попросятъ. Онъ весьма отличенъ отъ тѣхъ безразсудныхъ благодѣтелей, кои теряютъ все достоинство своихъ милостей, дѣлаемыхъ съ видомъ грубымъ и суровымъ; но благоразумный человѣкъ даетъ бо́льшую цѣну своимъ благодѣяніямъ черезъ видъ привѣтливый и ласковое обхожденіе свое, коими оныя сопровождаются.

Онъ дѣлаетъ добро ни по тщеславію, ни по интересу; — посему несправедливость и неблагодарность не исторгаютъ изъ него ни малѣйшаго упрека. Его великодушіе, кажется ему, никогда не бываетъ такъ чисто, какъ тогда, когда онъ сдѣлаетъ добро неблагодарному.

Онъ благодѣтеленъ, не желая такимъ казаться; хвастовство не имѣетъ участія въ его благодѣяніяхъ. Любитъ дѣлать услугу, одолжая съ осторожностью, каковую предписываетъ благоразуміе; но забываетъ тогда сію добродѣтель, когда необходимость не терпитъ медленія, и находитъ долж-

нымъ дѣлать по другимъ въ ихъ нуждѣ, чего бы онъ конечно желалъ, чтобы самому ему то же дѣлали.

Зависть, страсть подлая и постыдная, бѣжитъ далеко отъ него. Благородство души его, возвышенность чувствъ и справедливость ума заставляютъ его смотрѣть съ удовольствіемъ на таланты, успѣхи или довольство другихъ. Онъ даже говоритъ хорошо о своихъ соперникахъ, и, будучи далекъ отъ искательствъ, чтобъ помрачать славу и знаменитость ихъ, онъ первый еще отдаетъ имъ справедливость. Онъ не позволяетъ себѣ инаго чувства, кромѣ желанія — дѣлать еще лучше тѣхъ, которые дѣлаютъ хорошо.

Безразсудный не можетъ хранить тайны; мудрый же, по благоразумію своему и скромности, ни мало не затрудняется сохранять тайны, ему ввѣряемыя.

Будучи остороженъ, скроменъ въ разговорахъ, и не менѣе того благоразуменъ въ поступкахъ и обхожденіи, онъ ни принужденъ, ни слишкомъ воленъ и развязанъ; но онъ желалъ бы быть болѣе застѣнчивымъ, нежели очень смѣлымъ: ибо увѣренъ, что болѣе тѣмъ понравится.

Онъ не рѣшителенъ и не дерзокъ, потому что послѣднее есть жребій безразсуднаго. Какія бъ ни были вѣроятности, онъ

не рѣшитъ приговора, а особливо когда относится до чести ближняго, не разсмотря первыхъ съ величайшимъ вниманіемъ: онъ знаетъ, сколь часто рѣшенія поспѣшныя несправедливы. Онъ не осуждаетъ никого, не выслушавъ обвиняемаго.

Честный человѣкъ упражняется въ познаніи Религіи; ибо это первая и необходимонужная изъ его обязанностей, пріятнѣйшее и важнѣйшее изъ всѣхъ его познаній. Не вѣритъ, что истинная Философія состоитъ въ вольнодумствѣ объ Религіи, или отверженіи того, чего разумъ понять не можетъ; но подчиняетъ слабыя познанія своего разума непремѣнной власти Того, Который не можетъ обмануть насъ.

Наиболѣе утверждаетъ его въ сей Божественной Вѣрѣ то, что никакая иная не имѣетъ морали чище, не внушаетъ праводушія и цѣломудрія совершеннѣе и не представляетъ убѣдительнѣе причинъ — быть истинно-честнымъ человѣкомъ.

Образованный въ училищѣ человѣколюбія, онъ ищетъ содѣлать себѣ счастіе, способствуя счастію другихъ. Если знатность или богатство имѣютъ нѣчто, могущее соблазнить сердце столь благородное, какъ его, то это есть — одна возможность дѣлать другихъ счастливыми; ибо какое употребленіе пріятнѣе, какую должность пре-

имущественнѣе и блистательнѣе могъ бы онъ сдѣлать изъ своей власти или изъ своихъ сокровищъ, какъ оными пріобрѣтать сердца другихъ? Онъ почитаетъ во всѣхъ несчастныхъ страждущее человѣчество, и спремится помогать имъ, смотря по своей возможности и ихъ нуждѣ. Давая руку помощи, онъ имъ не показываетъ, какъ многіе гордецы, лица грубаго и суроваго, которое токмо унижаетъ и оскорбляетъ. Даже его отказы благотворительнѣе, нежели милость у нѣкоторыхъ, кажущаяся презрительною. Онъ видитъ какъ настоящую прибыль свою все то, что можетъ произвести изъ своего избытка, и находитъ себя счастливѣе, приобрѣтая Небо цѣною тлѣннаго богатства.

Онъ ревнителенъ къ своей честности и чувствителенъ къ почтенію отъ другихъ людей, когда слава Божія и польза ближняго требуютъ оныхъ, или когда они нужны ему для самаго себя. Тогда онъ любитъ беречь свою репутацію, чтобъ она была чиста и совершенна; потому что тотъ, кто объ ней не радѣетъ, соблазняетъ людей и дѣлается достойнымъ всякаго презрѣнія. Но просвѣщенный правилами истинной чести, онъ не вмѣняетъ за славу, чтобъ мстить съ жестокостью за легкую

обиду, обагряться кровію своего непріятеля и быть свирѣпымъ и безчеловѣчнымъ.

Есть высшее достоинство, которое благоразумный человѣкъ болѣе всего почитаетъ, хотя оно само по себѣ не даетъ никакого блеску: это есть качество *честнаго* человѣка. Будучи прямодушенъ, искренень, справедливъ, онъ не ищетъ ни обманывать, ни уловлять кого-либо.

Онъ жертвуетъ добродѣтели тайно и явно. Его праводушіе и честность не измѣняются ни въ какомъ случаѣ, потому что они основываются на Законѣ и имѣютъ такого Судію и Свидѣтеля, отъ Коего ничто не можетъ скрыться. Почитаетъ закономъ — совѣсть, которая всегда бываетъ справедлива, когда призываютъ ее съ благимъ намѣреніемъ, не покоряя ее произволу корысти.

Онъ не предается злопамятству, недостойному доброй души; ибо полагаетъ свою славу въ преодолѣваніи сильныхъ движеній къ мщенію, и побѣжденіи самаго себя. Прощаетъ не такъ, какъ Философъ, (который мыслитъ, что презрѣніемъ отмщевать лучше), но какъ Христіанинъ, знающій всю цѣну и все достоинство, сопряженныя съ прощеніемъ оскорбленій. Показываетъ видъ, будто не замѣчаетъ поползновеній къ оскорбленію его и будто не чув-

ствуетъ ухищреній, коими ищутъ его уязвить. — Позволяетъ говорить другимъ глупости; но самъ не произноситъ ихъ, будучи увѣренъ, что наглости и обиды обращаются на изобрѣтателя и только безчестятъ его самаго.

Онъ принуждаетъ своихъ непріятелей, когда случится имѣть ихъ, любить его, оттмщая имъ одними только одолженіями и благодѣяніями: это есть единственная месть, которая ему нравится; потому что она сколь пріятна, столько и славна. Добро, коимъ онъ платитъ за зло, есть добро, дѣлаемое имъ для себя; чрезъ сіе онъ выигрываетъ ихъ дружбу, или по крайней мѣрѣ уваженіе отъ людей и награду отъ Неба.

Благоразумный человѣкъ не говоритъ много; потому что большимъ говорунамъ удивляются только одни глупцы. Онъ умѣетъ говорить и слушать въ очередь, и слушаетъ даже болѣе, нежели говоритъ. Любитъ, чтобъ ему упрекали больше за молчаніе, нежели за болтливость. Убѣгаетъ споровъ, которые не нужны, — ибо въ нихъ любовь къ ближнему теряетъ чаще, нежели правда выигрываетъ. — Наученый собственнымъ опытомъ и опытами другихъ, что говоря, можно иногда проговориться, онъ думаетъ много о томъ, что говоритъ и остерегается сказать то, чѣмъ бы могъ

оскорбить Бога или людей, повредить себѣ или другимъ.

Онъ имѣетъ счастливый талантъ быть любезнымъ чрезъ свои разговоры, и дѣлаетъ такъ хорошо, что въ его рѣчахъ находятъ удовольствіе — быть имъ довольнымъ, и не быть недовольными самими собою. — Онъ умѣетъ приноровиться ко всѣмъ умамъ и ко всѣмъ характерамъ, сколько благопристойность и скромность ему позволяютъ. Не желая удовлетворять своему самолюбію на счетъ другихъ, онъ даетъ цѣну тому, что они говорятъ, внимательно слушая, — и нерѣдко ссужаетъ ихъ своимъ умомъ, чтобъ допустить ихъ блеснуть собственнымъ. Имѣетъ видъ всегда смиренный, пріятный и ласковый; на языкѣ его одни только привѣтственныя и вѣжливыя слова; ибо онъ не знаетъ иной тайны, чтобъ заставить всѣхъ любить себя: — что не менѣе способствуетъ дѣлать его сообщество любезнымъ и уважать его; это значитъ, что одаренный умомъ, судитъ благосклонно о другихъ, извиняетъ слабости ихъ и не совращаетъ ихъ съ пути добродѣтели. Онъ не всегда находитъ ихъ порочными; потому что онъ самъ не совершенъ.

Онъ ни къ кому не имѣетъ безразсудной довѣренности. Рачительно скрывая въ самомъ себѣ то, что находитъ нужнымъ утаить, говоритъ онъ только о такихъ

вещахъ, о коихъ желаетъ чтобъ другіе знали, — и не менѣе вѣренъ своей тайнѣ, какъ и тайнѣ ближняго; ибо знаетъ всѣ опасности нескромности. Не ищетъ мѣшаться въ дѣла другихъ; не дѣлаетъ также и сихъ участниками своихъ дѣлъ. Скрываетъ отъ нихъ тайну своихъ интересовъ, не имѣя вида скрытнаго, который оскорбляетъ людей или обнаруживаетъ то, что хотятъ утаить. Его лице открыто, но уста и сердце закрыты.

Сколь ни благороденъ, сколь ни богатъ благоразумный человѣкъ, онъ не усугубляетъ чрезъ то ни тщеславія, ни гордости: поелику тщеславіе есть знакъ неимѣнія того, чѣмъ хотятъ выказаться, и достоинство совсѣмъ не сходствуетъ съ гордостью. Знаетъ, когда нужно ему поддержать права своего чина и сберечь свое достоинство, и поддерживаетъ ихъ безъ высокомѣрія и надменности. Никогда не услышишь, чтобы онъ хвалился своею знатностію или избытками: онъ показываетъ себя превыше сихъ выгодъ, забывая оныя. Не хвалится даже ни талантами своими, ни качествами, и никогда не приходитъ ему на умъ, что онъ имѣетъ какое-либо достоинство: только одинъ онъ ничего о томъ не знаетъ и не говоритъ. Блестящая репутація и счастливые успѣхи не заставляютъ его те-

рять своей скромности: какъ будто объ нихъ онъ и не вѣдаетъ. — Какъ бы ни высока была степень его знатности, на которую онъ восходитъ, тщеславіе къ нему не присоединяется. Онъ сохраняетъ, при благопріятствѣ фортуны, простоту нравовъ, кротость и снисхожденіе, кои обыкновенно она уничтожаетъ въ другихъ.

Случится ли съ нимъ какое несчастіе незапное, горесть, или потеря невозвратная: онъ находитъ въ своей добродѣтели и въ своей Религіи врачеванія прискорбіямъ и горестямъ, и силы противъ несчастій самыхъ жестокихъ. Въ немъ видишь того мудреца, о коемъ говоритъ *Сенека*, который при борьбѣ его съ фортуной, превосходя ее своимъ мужествомъ, представлялъ зрѣлище достойнѣйшее удивленія людей. Это не потому, чтобъ онъ имѣлъ достойную посмѣянія нечувствительность ложнаго мудреца языческаго, который видитъ вселенную обрушающуюся на него и сему не удивляется. Злополучія и жестокія печали его колеблютъ, но не убиваютъ; онъ можетъ быть печальнымъ, но несмущеннымъ, — господствуетъ надъ всѣми приключеніями, покоряясь имъ, — и всегда увѣренъ, что Провидѣніе Божіе повелѣваетъ или допускаетъ все, чтобъ съ нимъ ни случилось. Даже неправосудіе людей въ его мнѣніи не удивля-

етъ; поелику онъ къ тому заранѣе готовится и ожидаетъ. Онъ не ищетъ своими несчастіями приводить въ жалость другихъ, и не докучаетъ имъ разсказами о своихъ злосчастіяхъ, или страданіяхъ; ибо трудно роптать — не скучая другимъ: часто несчастному бываетъ болѣе стыда, нежели средства внушить въ другихъ состраданіе. Онъ въ Религіи своей находитъ утѣшеніе самое надежное и пріятное. Онъ почитаетъ несправедливостью — огорчать тѣхъ, которые окружаютъ его; потому единственно, что онъ самъ огорченъ; и если не можетъ воздержаться, дабы нечувствовать своихъ прискорбій, то избѣгаетъ всегда — дать почувствовать оныя другимъ.

Онъ сноситъ терпѣливо слабости и пороки тѣхъ, съ коими принужденъ находиться; непрестанно старается не дѣлать того, что можетъ имъ не нравиться, и приноравливается во всемъ, въ чемъ только можетъ, къ ихъ нраву, почитая за безуміе — требовать и приводить всѣхъ подъ свой нравъ и нехотѣть приноравливаться ни къ чьему.

Страданія и горести, отъ которыхъ благоразумный человѣкъ неизбавленъ, дѣлаютъ его сострадательнымъ и къ другимъ. Несчастные, особливо его друзья и родственники, находятъ всегда утѣшеніе въ добромъ

его сердцѣ, прибѣжище въ его благотвореніяхъ и подпору въ довѣренности его: онъ старается дѣлать добра болѣе, нежели можетъ, черезъ себя, или черезъ другихъ; и только — сколько ему возможно — не дѣлаетъ никому никакого зла. — Знатные и богатые злодѣи! онъ не употребитъ, какъ вы, свое могущество и свои богатства, дабы ограбить вдову и сираго, притѣснить слабыхъ и погубить несчастныхъ; онъ желалъ бы, напротивъ, быть довольно богатымъ и могущимъ, дабы имъ покровительствовать и всѣмъ вспомоществовать.

Внимательный къ своимъ собственнымъ погрѣшностямъ и чтобъ невпасть еще въ большія, старается болѣе исправлять себя, нежели ближняго; и если принужденъ бываетъ укорять, или наказывать его, то дѣлаетъ оное съ кротостью. Погрѣшности людскія, на кои онъ смотритъ — какъ на печальный удѣлъ человѣчества, внушаютъ ему болѣе состраданія и жалости, нежели досады и жестокости. — Его упреки, касающіеся до тѣхъ, которыхъ онъ долженъ укорять, ни грубы, ни огорчительны; онъ имъ никогда не дѣлаетъ выговоровъ грубыхъ и колкихъ, кои служатъ къ раздраженію виновныхъ и къ ненависти. — Употребляетъ твердость, когда въ ней имѣетъ нужду, но никогда гнѣва и вспыльчивости; по-

тому что тотъ, кто приходитъ въ ожесточеніе, наказываетъ самъ себя за погрѣшности другихъ, а ихъ не исправляетъ.

Благоразумный человѣкъ хвалитъ охотно; но похвалъ своихъ не расточаетъ, дабы похвалить лучше. Онъ хвалитъ одни только достоинства и добродѣтель, и его хвала столь же чиста, какъ и сердце его. Онъ бы закраснѣлся самъ, дѣлая и получая похвалы не по заслугамъ.

Преимущества, которыя имѣетъ онъ предъ другими людьми, какъ то: знатность и богатство, или умъ и познанія, не приводятъ его въ гордость. Какъ онъ отъ сего не болѣе самъ себя уважаетъ, потому что болѣе надѣленъ природою или фортуной, — то и не взираетъ презрительно на тѣхъ, которые одарены менѣе его. Онъ негодуетъ на одинъ только порокъ, стараясь заставлять себя любить и почитать наиболѣе почтенныхъ людей, оказывая знаки уваженія всѣмъ тѣмъ, кои достойны ихъ. Избѣгаетъ еще съ большимъ раченіемъ быть ненавидиму, не оказывая презрѣнія ни кому, кто бы онъ ни былъ; ибо злоба, которую всегда раждаетъ презрѣніе, есть самая непримиримая, и часто непріятели болѣе вредятъ, нежели пріятели дѣлаютъ услугъ.

Нѣкоторыя насмѣшки не оскорбляютъ его; онъ столь благоразуменъ, что прини-

маетъ почти все въ хорошую сторону; и не дѣлаетъ напраснаго себѣ неудовольствія, давая несправедливый толкъ рѣчамъ, которыя бы могли касаться до него, но, можетъ быть, къ нему не относятся. Даже онъ скрываетъ прискорбныя насмѣшки, или отклоняетъ ихъ остроумно.

Мудрый убѣгаетъ связей опасныхъ, кои могутъ развратить его сердце или испортить умъ его. Чѣмъ болѣе кажется забавною бесѣда нѣкоторыхъ людей безнравственныхъ и развращенныхъ, тѣмъ болѣе онъ убѣгаетъ ея. Онъ очень знаетъ, что можно привыкнуть любить и занять склонности тѣхъ людей, коихъ любимъ, — и что удовольствіе, съ ними быть, заставляетъ мало по-малу приучиться и полюбить то, что въ нихъ есть презрѣннаго. Онъ болѣе опасается испортиться отъ нихъ, нежели надѣется обратить ихъ къ добродѣтели своимъ знакомствомъ съ ними: точно такъ, какъ гнилые плоды скорѣе портятъ здоровые, нежели сіи исправляютъ испорченные. По той же причинѣ, или, лучше сказать, опасаясь скуки и нетерпѣнія, онъ убѣгаетъ также сообщества повѣсъ, заносчивыхъ, глупцовъ, враліей, педантовъ или ученыхъ дураковъ; ибо глупость и педантство кажутся ему очень смѣшными въ другихъ людяхъ, и

дабы не заняпть сихъ пороковъ, противныхъ его простому и скромному нраву.

Будучи благоразуменъ въ выборѣ друзей, онъ ищетъ имѣпть ихъ менѣе, но — имѣпть избраннѣйшихъ; и признавая дружество чувствомъ весьма почтеннымъ и драгоцѣннымъ, боится распочать его; ибо полагаетъ, что имѣя много друзей, нельзя имѣпть истинной дружбы. Онъ не хочетъ имѣпть такихъ друзей, кои бы не совершенно были достойны любви, и возвращаетъ имъ свое дружество и довѣренность тогда, когда достаточно ихъ изслѣдуетъ: поелику хочетъ имѣпть друга надолго; — онъ съ трудомъ избираетъ друзей, но еще труднѣе оставляетъ ихъ. — Одни лишь порочные находятъ его неумолимымъ; ибо дружество съ злыми людьми столько жъ вредитъ, сколько и безчеститъ. Только хорошія общества, только хорошіе примѣры и наставительные разговоры могутъ образовать сердце и разумъ.

Увѣренный, что — дабы быпть уважаемымъ — надобно обращаться съ людьми почтенными, онъ изыскиваетъ сообщество самыхъ честныхъ людей, но почти всегда предпочитая сообщество равныхъ ему, тѣмъ людямъ, которые или менѣе его, или болѣе: первая унижаетъ, въ другой бываешь рабомъ или презрѣннымъ. Всѣмъ

извѣстна старинная пословица: „*Скажи мнѣ, со кѣмъ ты обходишься; а я скажу тебѣ, кто ты таковъ?*“

Честный человѣкъ никогда ничего не говоритъ въ поношеніе чьей-нибудь чести, ибо можетъ ли онъ незнать, что злословіе и клеветы, иногда позволяемыя столь легкомысленно, дѣлаютъ нерѣдко на сердцѣ раны глубочайшія? и не знаетъ ли онъ также, что чрезъ злобу и болтливость свою пріобрѣтаетъ себѣ величайшихъ непріятелей? — Онъ говоритъ съ удовольствіемъ все хорошее, что только знаетъ о другихъ; но умалчиваетъ о дурномъ, если не имѣетъ справедливыхъ причинъ дать знать о томъ. — Любитъ даже разсказывать хорошее о врагахъ своихъ. — Не говоря никогда худаго ни о комъ, даже не позволяетъ, чтобъ оное дѣлали при немъ; а посему и самъ заслуживаетъ, чтобъ объ немъ ничего дурнаго не говорили.

Весьма благородный въ своихъ чувствахъ, чуждый подлости и низости злословить кого-либо въ его отсутствіи, онъ дозволяетъ себѣ еще менѣе издѣваться надъ присутствующими. Шутитъ иногда, дабы веселѣе былъ разговоръ, но не вредитъ никому. Съ нимъ смѣются, а не зѣваютъ. — Онъ не похожъ на тѣ умы злорѣчивые и влюбленные въ свои мнѣнія, которые со-

гласятся лучше потерять друга, нежели упустить острое словечко (бон-мо); и находить, что поть гораздо благоразумнѣе, который умѣетъ иногда останавливать быстроту ума своего.

Онъ весьма отличается отъ безразсуднаго, нехотящаго ни требовать совѣтовъ, ни терпѣть, чтобъ оные давали ему; ибо очень убѣжденъ, что во многихъ случаяхъ слабость человѣчества ходитъ ощупью между свѣтомъ и тьмою; посему ничего не предпринимаетъ важнаго, не переговоря о семъ съ людьми вѣрными и умными. Беретъ совѣтъ отъ пріятелей, чтобъ не быть обмануту своимъ собственнымъ умомъ. Старается различать льстеца съ другомъ; разсматриваетъ и судитъ совѣты, которые даютъ ему; увѣренный, что всегда бываемъ благоразумнѣе, слушая совѣты другихъ, хотя не всегда полезно бываетъ имъ слѣдовать. Онъ охотнѣе требуетъ совѣта, нежели самъ совѣтуетъ; ибо всегда лучше принимать совѣты, нежели давать ихъ: поелику все подвержено неизвѣстности, и — онъ боится ошибки. Особливо вразсужденіи тяжебъ, онъ находитъ необходимымъ отбирать мнѣнія отъ свѣдущихъ людей. Не легко въ нихъ впутывается, потому что удобнѣе начать ихъ, нежели кончить; и, не показывая къ нимъ боязни, дѣлаетъ все

то, что только отъ него зависитъ, дабы оныхъ совсѣмъ избавиться.

Онъ страшится чрезъ пересуды безразсудные нарушать спокойствіе семействъ и ссорить друзей. Но его величайшее удовольствіе — доставлять людямъ самое драгоцѣннѣйшее добро: миръ и согласіе.

Не будучи недовѣрчивъ, ни подозрителенъ, онъ не почитаетъ нужнымъ ввѣрять себя всякому, а особливо такимъ, которыхъ мало знаетъ. Всегда имѣетъ благоразумную осторожность, даже съ своими пріятелями, до тѣхъ поръ, пока уже совершенно увѣрится, чрезъ долговременный опытъ, что они достойны его довѣренности. Сохраняетъ, сколько можно, пріязнь со всѣми людьми, но не ввѣряется почти никому; поелику мало такихъ, которые бы желали и были въ силахъ помогать намъ, но — болѣе такихъ, кои могутъ намъ вредить и дѣлать зло. Онъ надѣется еще менѣе на самаго себя и на собственное свое сердце, которое всегда готово измѣнить ему и допустить себя преодолѣть случаямъ соблазнительнымъ.

Онъ боится нескромныхъ приманокъ любви, хитрыхъ обольщеній сладострастія, и избѣгаетъ ихъ, дабы вѣрнѣе восторжествовать. Послѣ прискорбной участи самаго мудраго изъ Государей и другихъ мно-

гихъ, которые видѣли всю свою мудрость погасшею отъ нескромной любви, можетъ ли онъ нестрашиться опасныхъ любовныхъ стрѣлъ за самаго себя?

Спрасть къ вину кажется ему столь же опасною; потому что почти всегда расточительность съ ней неразлучна; и притомъ она чаще во гробъ переселяетъ безразсуднаго, шатающагося на ногахъ, который ей слѣдуетъ. Онъ употребляетъ вино, чтобъ иногда нѣсколько развеселить себя, но никогда спо. ъ много, чтобъ потерять разсудокъ, — и закраснѣлся бы отъ такого положенія, въ коемъ разнился бы отъ скотъ только чрезмѣрнымъ бѣшенствомъ и свирѣпостью, или отъ ребенка большими дурачествами.

Если играетъ онъ иногда въ карты (ибо добродѣтель не есть врагъ невиннымъ удовольствіямъ), то играетъ безъ спрасти и съ равнодушіемъ: онъ избѣгаетъ въ игрѣ упорства, не оспоривая другихъ въ ихъ правахъ; и любитъ лучше уступить своему сопернику, нежели, бывъ неправымъ, желать оправдываться. Играетъ иногда болѣе для угожденія, нежели по спрасти, — и не такъ безразсуденъ, чтобъ жертвовать карточной игрѣ своимъ временемъ, имуществомъ, добродѣтелью. Запрещаетъ себѣ стро-

го всѣ азардныя игры; ибо въ нихъ нельзя играть безъ преступленія или огорченія.

Умѣренный въ трудѣ, снѣ и пищѣ, пріемлетъ онъ новыя силы и крѣпкое здоровье, которыя, отъ излишества первыхъ, изнуряются и теряются; — наипаче же избѣгаетъ роскоши стола, ибо употребленіе излишнее обращаетъ даже самыя здоровыя ѣствы въ ядъ.

Въ юности, онъ ненавидитъ расточительности и мотовства, которыя лишили бы его имѣнія, нужнаго для спокойствія и пріятности въ долговременной жизни; при старости же онъ не ищетъ богатѣть, находя, что нужда не столь опасна, когда уже остается немного жить; даже во всякое время, въ своей жизни, онъ старается всегда уклоняться отъ глупой роскоши и отъ гнусной скупости, потому что добродѣтель тамъ оканчивается, гдѣ чрезмѣрность начинается. Скупой же, ненаслаждающійся своимъ благомъ, есть бѣдный стражъ сокровищъ богатаго наслѣдника.

Онъ очень знаетъ цѣну времени, скулится имъ, дорожитъ и не употребляетъ его иначе какъ на пользу; не тратитъ его безъ выгоды и неосновательно. Всегда найдешь его упражняющагося; ибо самое несносное бремя есть тогда, когда мы ничего не дѣлаемъ; и тотъ достоинъ жалости, кто

не умѣетъ заняться ничѣмъ полезнымъ. За то скука, не менѣе томящая, какъ и печаль, не смѣетъ приблизиться къ благоразумному человѣку, исполненному полезныхъ и добродѣтельныхъ упражненій въ теченіе своей жизни, и составляетъ изъ оныхъ цѣпь истинныхъ удовольствій.

Его благоразуміе ни мрачно, ни дико, но любезно и пріятно. Это не то шумное удовольствіе, которое болѣе походитъ на дурачество, нежели на радость, — но удовольствіе тихое и спокойное, дающее уму свободу — чувствовать свое счастіе. Его удовольствія заключаютъ и ту выгоду, что они суть невиннѣйшія, чистѣйшія: они не влекутъ за собою ни печалей, ни раскаянія, ни отвращенія. Онъ наслаждается ими, какъ будто отдохновеніемъ, или лекарствомъ, даннымъ Природою для нашей слабости, и не прежде позволяетъ себѣ оныя, какъ по исполненіи обязанностей своего званія. Привязанный постоянно къ своимъ трудамъ, никогда онъ не бываетъ столь доволенъ, какъ по окончаніи оныхъ. Онъ обязанъ спокойствіемъ души своей — чистой совѣсти, и вкушаетъ совершеннѣйшее изъ удовольствій, не имѣя ни чѣмъ себя укорять. Когда съ нимъ случится иногда (ибо онъ человѣкъ) нѣкоторое забвеніе или нерадѣніе о томъ, чего должность отъ него требуетъ,

то онъ не прощаетъ себѣ того, хотя многіе другіе такъ часто себѣ извиняютъ; и старается, если ему можно, оное тогда жъ загладить! Будучи всегда доволенъ Судьбою и Природою, въ какомъ бы ни былъ состояніи, онъ умѣренъ въ своихъ желаніяхъ; а это составляетъ жребій добродѣтельнаго человѣка и чистѣйшій источникъ счастія, каковое только можемъ вкушать на землѣ. Онъ почитаетъ за величайшее благо — ничего съ жадностію не желать, и знать умѣрять себя. Сія благоразумная воздержность избавляетъ его отъ множества нуждъ, коимъ прихоти многихъ безразсудныхъ порабощаютъ. Свидѣтель всѣмъ прихотямъ, коимъ большая часть людей подвержены, восклицаетъ съ мудрымъ: *Многа вещей, которыя для меня совсѣмъ не нужны!* Счастливый тѣмъ, что имѣетъ, онъ не перемѣнитъ драгоцѣнное свое умѣренное состояніе на пышность, исполненную всякимъ обиліемъ.

Блескъ знатности и богатствъ не ослѣпляетъ благоразумнаго, знающаго цѣну вещамъ земнымъ и ихъ суету. Неподверженный гордости и довольный своею неизвѣстностью, онъ не стремится выдти изъ нея, пресмыкаясь у порога вельможъ и находя презрѣніе, коего самъ ни кому не хочетъ оказывать. Онъ не ищетъ самъ собою

знатности и не стремится достигать ее болѣе, нежели сколько опредѣлено ему талантами его или властью правительства. Охотнѣе убѣгаетъ почестей, нежели ихъ домогается, — страшася болѣе опасностей, кои въ нихъ нѣкоторые люди находятъ, нежели плѣняясь выгодами, ихъ сопровождающими. Не хочетъ также пріобрѣтать излишнихъ богатствъ; потому что не рѣдко отъ нихъ происходитъ множество огорченій: они озабочиваютъ въ ихъ исканіи, не удовлетворяютъ собою и приводятъ въ страхъ потерять ихъ. Да и для чего ему желать ихъ? Не имѣетъ ли онъ самъ того, что они обѣщаютъ, но не доставляютъ? Это не то, чтобъ онъ презиралъ богатства, которыя суть иногда добро и могутъ часто быть онымъ; но боится, чтобъ не сдѣлать зависимымъ отъ нихъ своего счастія. Они кажутся ему важны и драгоцѣнны по одному ихъ употребленію.

Такимъ-то образомъ благоразумный человѣкъ судитъ здраво о всѣхъ земныхъ вещахъ, дабы на нихъ не основывать свое счастіе; чувствуетъ, что Богъ сотворилъ его душу весьма величественною и неисчерпаемою въ желаніяхъ, дабы никакое другое существо, кромѣ Безконечнаго, не могло ее наполнить; и сія чрезмѣрность, объемлющая его желанія, есть вѣрная порука ему,

что имущества суетныя и кратковременныя не суть предѣлъ судьбы его. Простирая такъ свои мысли и чувства даже до Престола Божія, онъ молитъ Создателя, послать себѣ лучь той верховной Мудрости, которая управляетъ вселенною, чтобы онъ могъ вести себя благоразумно среди опасностей и заблужденій сей жизни, и достичь счастливо мирнаго пристанища. Старается, чрезъ совокупленіе всѣхъ добродѣтелей и наслаждаясь добрыми дѣлами, учиниться достойнымъ безконечнаго блаженства, которое его ожидаетъ. Вѣдаетъ, что награды міра сего не прочны. Одна награда отъ Небесъ должна быть предметомъ желаній и цѣлію дѣяній нашихъ.

Таковъ-то совершенно-честный человѣкъ и истинный мудрецъ. Счастливы тѣ, кои пріемлютъ его въ образецъ; или, не надѣясь сходствовать съ нимъ точно, по крайней мѣрѣ стараются, по возможности, ему подобиться. И это уже значитъ быть благоразумнымъ, когда стараешься такимъ содѣлаться.

МУЗЫКА.

Музыка была изобрѣтена *Іувалемъ*, то есть, онъ былъ первой, который расположилъ по правиламъ пѣсни пастушьи, за

2800 лѣтъ прежде Рожд. Христова. Хоры же были изобрѣтены за 508 лѣтъ до Рождества Христова. *Ги* (Guy) *д'Ареццо*, уроженецъ изъ Феррары, изобрѣлъ гамму, ключи и 6 главныхъ нотъ (утъ, ре, ми, фа, соль, ла) въ 1028 году.

Музыка имѣетъ счастливое свойство — ободрять утружденный размышленіемъ духъ. Для ученыхъ людей великою бы выгодою было, если бы, познакомясь съ симъ искуствомъ, могли они, послѣ долговременнаго труда, забавляться играніемъ какихъ-нибудь арій, которыя могутъ ободрить ихъ духъ и вдохнуть въ нихъ веселость.

Музыка почитаема была у Іудеевъ вѣрнѣйшимъ средствомъ для излеченія отъ меланхоліи; по-истиннѣ, сіе средство превосходно и доказано разумомъ и опытами. Ничто не подаетъ такого облегченія разуму больныхъ, какъ средства, прямо касающіяся разума и духа; а музыка между всѣми таковыми средствами занимаетъ первое мѣсто. Она, услаждая нашъ слухъ и питая душу веселостью и удовольствіемъ, весьма споспѣшествуетъ сохраненію здоровья и жизни.

Гуфландъ говоритъ: „Ничѣмъ такъ скоро и такъ непосредственно не возстановляется согласіе, живость и правильность въ жизненномъ дѣйствіи, какъ музыкою.

Все существо наше невольно принимаетъ тонъ и тактъ, какой даетъ музыка; пульсъ дѣлается живѣе или спокойнѣе, страсти сильнѣе или тише, смотря по свойству сего языка души, который безъ словъ, одною силою тона и гармоніи, непосредственно дѣйствуетъ на наше сердце, и чрезъ то чаще и непреоборимѣе увлекаетъ, нежели всякое краснорѣчіе. Весьма желательно, чтобъ люди больше упражнялись въ такомъ (сообразномъ съ обстоятельствами) употребленіи музыки."

Изъ Копенгагена писали (въ 1802 году) о чудесномъ дѣйствіи музыки на человѣческіе нервы. Одинъ музыкантъ игралъ на скрыпкѣ при больной женщинѣ, которая 8 лѣтъ была въ жестокомъ параличѣ отъ сильнаго испуга и не имѣла никакого движенія; онъ увидѣлъ, что игра его производитъ въ ней какое-то дѣйствіе; продолжалъ, и впечатлѣніе звуковъ обнаруживалось минута отъ минуты сильнѣе: наконецъ, черезъ часъ, она могла поднять голову и руки. Послѣ того искусный Докторъ въ Швенбургѣ взялся довершить ея исцѣленіе.

Какихъ чудесъ не производитъ музыка! *Давидъ* берется за гусли, и утишаетъ гнѣвъ Саула. Амуратъ IV, убійца своихъ братьевъ, столько растрогался игрою одно-

го музыканта, котораго онъ осудилъ на смерть, что не могъ удержаться отъ слезъ и даровалъ ему жизнь. *Тимовей* умѣлъ своею арфою возбуждать въ Александрѣ Великомъ и мужество и жалость. Извѣстно, что нѣкоторые люди были исцѣлены отъ болѣзней музыкою.

Всѣ военные люди знаютъ, сколько воинственная музыка придаетъ мужества въ день сраженія, и отнимаетъ у воиновъ страхъ опасности. Изъ сего ясно видимъ, сколь сильно музыка дѣйствуетъ на нашу душу.

Въ древней Греціи — музыкантъ и ученый — значили одно и тоже; а невѣждою на языкѣ Грековъ именовался человѣкъ, незнающій музыки. Греки говорили о музыкѣ какъ о главнѣйшей части воспитанія, смотрѣли на нее какъ на великое орудіе въ государствѣ, и ея упадку приписывали важнѣйшія послѣдствія.

Извѣстно также, какое вліяніе Пиѳагорова школа приписывала музыкѣ: она смягчала нравы свирѣпыхъ народовъ, услаждала горесть, возвышала мужество, утишала порывы страстей, разсѣвала печаль и погружала душу въ сладостное упоеніе.

МЩЕНІЕ, *месть.*

Мщеніе есть порокъ людей малоумныхъ и низкихъ душею.

Тотъ, кто мстишъ, не можетъ иначе торжествовать, какъ утратя свою честь и свое доброе имя на мѣстѣ соспязанія.

Кто ищетъ мщенія за малѣйшую обиду, тотъ очень часто пріобретаетъ себѣ болѣе зла, нежели какъ онъ думаетъ:

Qui cherche à se venger d'une légère offense,
S'attire bien souvent plus de mal qu'il ne pense.

МЫСЛИ ВОСТОЧНЫХЪ МУДРЕЦОВЪ.

Чувспівенныя удовольспвія суть зародыши будущихъ неудовольспвій.

Сынъ не правъ, когда мапь почитаетъ его виновнымъ.

Богатый безъ щедрости есть дерево безъ плода.

Бѣдный безъ терпѣнія есть лампада безъ масла.

Наслаждашься — есть мудрость, доспавлять наслажденіе другимъ — есть добродѣтель.

Ложь подобна ранѣ: ее можно залѣчить, но рубецъ останется.

Неутомимый говорунъ похожъ на длинную и холодную зимнюю ночь.

Научной библиотеки Ун. Г У.

Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
Алчность къ богатству. - - - -	1.
Безбожіе. - - - - - -	4.
Бездѣльничество. - - - - -	7.
Безкорыстіе. - - - - - -	—
Безобразіе. - - - - - -	16.
Безпечность, *беззаботность*. - - -	17.
Безполезность понятій. - - -	18.
Безпристрастіе. - - - - -	19.
Безсмертіе души. - - - - -	20.
Бережливость. — *Чит.:* Экономія.	
Бесѣда, разговоръ. - - - - -	26.
Библіотеки. - - - - - -	29.
Благо верховное, *блаженство истинное*. -	—
Благодарность. - - - - -	33.
Благодѣянія. - - - - - -	34.
Благопристойность. - - - -	47.
Благоразуміе, *благоустройство*. - -	—
Благородство истинное. - - - -	50.
Благосостояніе царствъ. - - - -	52.
Благочестіе. - - - - - -	54.
Богатство, *изобиліе*. - - - -	—
Богослуженіе. - - - - -	62.

Богъ. - - - - - - - - 63.
Божба. - - - - - - - - 67.
Болтливость. - - - - - - 68.
Больница. - - - - - - - 71.
Болѣзни. - - - - - - - —
Боязнь. - - - - - - - 75.
Будущее. - - - - - - - 77.
Бѣдность. - - - - - - - 79.
Великодушіе. - - - - - - 83.
Величіе. - - - - - - - 87.
Веселость. - - - - - - - 89.
Вина, *проступокъ*. - - - - - 90.
Вино. - - - - - - - - 91.
Власть. - - - - - - - - —
Внимательность. - - - - - - 92.
Воздаваніе добромъ за зло. - - - - - —
Воздаяніе за доброе дѣло. - - - - - 94.
Воздержность. - - - - - - - —
Вольность. — *Чит.*: Свобода.
Воровство. - - - - - - - 98.
Воспитаніе. - - - - - - - 99.
Врачеваніе. - - - - - - - 155.
Время. - - - - - - - - 156.
Высокомѣріе. - - - - - - - 181.
Вѣжливость. - - - - - - - 184.
Вѣра. - - - - - - - - 190.
Вѣротерпимость. - - - - - - 219.
Вѣтреность. - - - - - - - —
Геній. - - - - - - - - 221.
Герой. - - - - - - - - 222.
Гимнастика. - - - - - - - 223.
Гнѣвъ. - - - - - - - - 224.
Гордость. - - - - - - - - 227.

Горе. - - - - - - - - 231.
Гражданинъ. - - - - - - - 232.
Дарованія. - - - - - - - —
Дворянство. - - - - - - - 235.
Деньги. - - - - - - - - —
Добродѣтель. - - - - - - 237.
Доброжелательство. - - - - - 250.
Доброта. - - - - - - - 266.
Довольство совершенное. - - - - 267.
Долги. - - - - - - - - 270.
Долговѣчность. — *Чит.:* Здоровье.
Должность, *ремесло.* - - - - - —
Домогательство. - - - - - - 273.
Досада. — *Чит.:* Гнѣвъ.
Достоинство. — *Чит.:* Заслуга и достоинство.
Дружба. - - - - - - - 274.
Душа. - - - - - - - - 277.
Дуэли. - - - - - - - - 279.
Дѣятельность. - - - - - - 286.
Евангеліе и Библія. - - - - - - —
Единодушіе. - - - - - - - 287.
Жалость. - - - - - - - —
Женщины. - - - - - - - 288.
Жертва Богу. - - - - - - 289.
Жизнь. - - - - - - - - —
Жизнь Іисуса Христа. - - - - - 294.
Забіячество. - - - - - - - 302.
Заблужденіе. - - - - - - - 303.
Заботливость. - - - - - - - 304.
Зависимость. - - - - - - - 305.
Зависть. - - - - - - - - 306.
Законъ христіанскій. - - - - - 313.
Законы человѣческіе. - - - - - 315.

Заслуга и достоинство. - - - - 316.
Застѣнчивость. — *Чит.*: Робость.
Здоровье и долговѣчность. - - - 317.
Земледѣліе. - - - - - - 321.
Зло, *злоба*. - - - - - - 322.
Злопамятность. — *Чит.*: Мщеніе.
Злословіе. - - - - - - 328.
Злоупотребленіе. - - - - - 329.
Знаменитость. - - - - - 330.
Знанія. - - - - - - —
Игра картежная. - - - - - 333.
Игры азартныя. - - - - - 334.
Извиненіе. - - - - - 341.
Излишество. - - - - - —
Измѣна. - - - - - - 342.
Изображеніе истиннаго христіанина. — *Чит.*: Христіанинъ.
Изображеніе мудраго, честнаго и добродѣтельнаго человѣка. — *Чит.*: Мудрость.
Изображеніе невѣжды или худовоспитаннаго человѣка. — *Чит.*: Невѣжда.
Изреченія достопамятныя. - - - 343.
Искренность. — *Чит.*: Просподушіе.
Искушеніе. - - - - - 345.
Испорченность. - - - - - 346.
Исправность. - - - - - 349.
Истина. - - - - - 350.
Исторія. - - - - - 355.
Карты. - - - - - 357.
Клевета. - - - - - —
Книги. - - - - - 358.
Комедія. — *Чит.*: Театръ.
Корыстолюбіе. — *Чит.*: Алчность къ богатству.

Красота женщинъ. - - - - - 358.
Кротость. - - - - - - 359.
Лакомство. - - - - - - 363.
Легковѣріе. - - - - - - 365.
Лесть. - - - - - - 366.
Лихоимство. - - - - - 367.
Лицемѣріе. - - - - - - 368.
Ложь. - - - - - - 370.
Лѣность. - - - - - - 372.
Любезность. - - - - - 378.
Любовь. - - - - - -
Любовь къ Богу. - - - - - 379.
Любовь къ родинѣ. - - - - 381.
Любопытство. - - - - - 382.
Любостяжаніе. — *Чит.:* Алчность къ богатству.
Милосердіе. - - - - - 383.
Миролюбіе. - - - - - 385.
Могила. - - - - - 388.
Мода. - - - - - - 389.
Молитва. - - - - - 390.
Молчаніе. - - - - - - 391.
Мудрость. - - - - - 392.
Музыка. - - - - - 421.
Мщеніе. - - - - - - 425.
Мысли Восточныхъ мудрецовъ. - - -

25p

4765.